

У Р А Л Ь С К И Й
Следопыт

2
1962

Приключения
и фантастика

Рассказы
бывалых людей

Занимательное
краеведение

Мечты
современников

Следопытские
дела

Даем адреса
романтикам

О подвигах,
о доблести, о славе

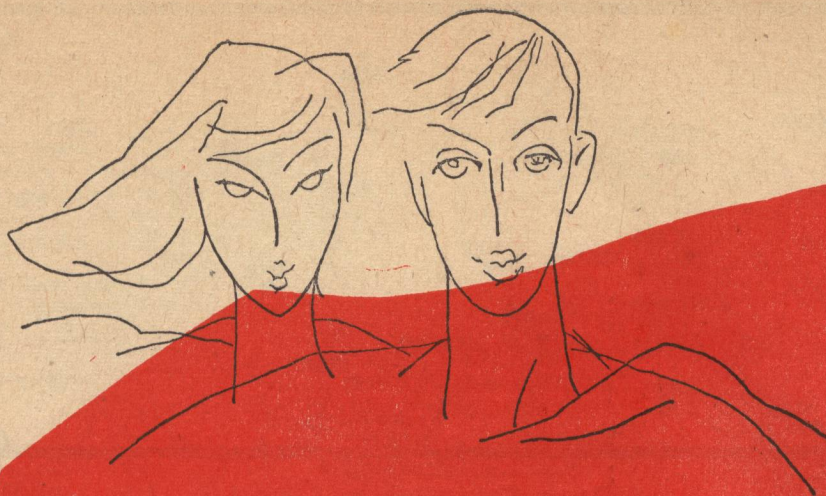
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР,
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

2
1958

ГОД ИЗДАНИЯ
ОДИННАДЦАТЫЙ

МОЙ ШАР ЗЕМНОЙ,
ЛЕТЯ ВЕКАМИ В ДАЛИ,
УЖЕ ДАВНО РАССЫПАТЬСЯ БЫ МОГ,
КОГДА БЫ МЫ ЕГО НЕ УТОПТАЛИ,
КОГДА БЫ МЫ ЕГО НЕ ОБВЯЗАЛИ
УЗЛАМИ И ВЕРЕВКАМИ ДОРОГ!

ОНИ, О ВЕЧНОСТЬ ЗАДЕВАЯ,

ИХ РАЗРУБИТЬ

ТРУТСЯ,

ПЫТАЕТСЯ

ВОЙНА,

НО НА ПУТИ

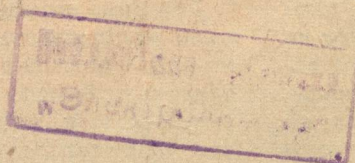
СОЛДАТЫ РЕВОЛЮЦИИ:

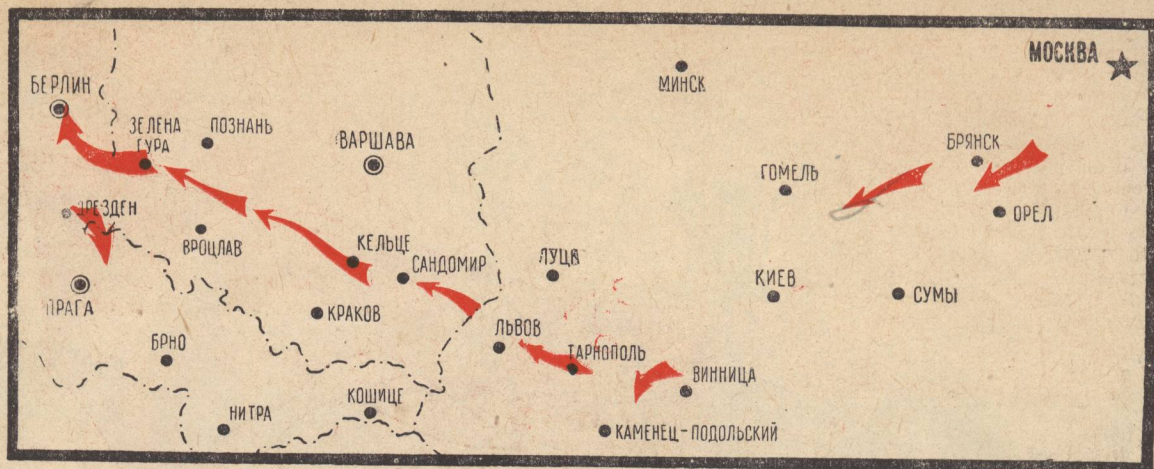
ВЕДЬ ЕСЛИ ТЕ

ДОРОГИ РАЗОРВУТСЯ,

ТО И ЗЕМЛЯ

РАССЫПАТЬСЯ
ДОЛЖНА.

ИХ КАЖДЫЙ ШАГ ДОСТОИН МОНУМЕНТА

Вот уже двадцать шесть весен эту землю никто не пашет. А земля — чернозем, та самая, о какой Чехов когда-то говорил: воткни оглоблю — тарантас вырастет. Вдали по увалам стоят хлеба, зеленеют сады, в конце лета цветет мак. Над головой ласковое небо, синее и бездонное. Иногда оно грохочет громами, проливается теплыми потоками дождя, а земля эта ничего не родит, потому что ее не пахут и не засевают...

Если вы будете проезжать по большой дороге из Москвы на Киев, вы никак не минуете это странное поле: оно лежит на верху увала перед самым Мценском. Вправо от дороги, сколько может видеть глаз, извиваясь, уходит вдаль траншея. Это не учебная оборона. Это самые настоящие окопы, которые сохранились со времен Великой Отечественной войны. Здесь около двух лет стояла оборо-
2 на, и все поле усеяно

осколками мин и снарядов. Тут и там видны воронки, угадываются огневые позиции минометов, орудий и пулеметов. Узкая полоска земли вдоль по увалу впитала в себя столько крови, на ней угасло так много жизней, что она, эта земля, стала своеобразным кладбищем.

Не будет ошибкой, если скажем, что именно здесь решалась судьба Тулы да и самой Москвы. В сорок первом по увалу за Мценском стали на смерть русские полки и под их ударами в прах рассыпался бронированный кулак танкового короля гитлеровской Германии Гудериана, который хвастался на весь мир, что первым пройдет по улицам русской столицы.

Два года немцы не теряли надежды совершить из-под Мценска новый танковый бросок на Москву — с юга до столицы это был самый кратчайший путь. Но наши войска перемалывали гитлеровские полки и дивизии, а

те траншеи, что и сейчас лежат на Орловской земле, как рубец войны, сотни раз переходили из рук в руки, пока не разыгралось великое сражение на Курской дуге летом 1943 года.

Здесь, на Курско-Орловской дуге, начал свой боевой путь Уральский добровольческий танковый корпус. В боях за Орел и Брянск уральцы покрыли себя неувядаемой славой. Орловщина свято чтит память своих героев-освободителей. И сохранившиеся боевые траншеи под Мценском — это уникальный памятник, который надо беречь как свидетельство русской славы и доблести.

Надо бы всю линию обороны по Курско-Орловской дуге, особенно в местах пересечения дорог, где, как правило, проходили самые ожесточенные бои, отметить пусть скромными обелисками и мемориальными досками. Скажем еще раз, что на исторической дуге решалась судьба отечества.

Во время Великой Отечественной войны Уральский танковый добровольческий корпус прошел с боями от Орла до Праги около 5 500 километров.

В боях уральские танкисты захватили и уничтожили:

1110
ТАНКОВ
И САМОХОДОК,
1100
ОРУДИЙ,
589
МИНОМЕТОВ,
2100
БРОНЕМАШИН
И ТРАНСПОРТЕРОВ,
649

САМОЛЕТОВ.

В жестоких битвах на полях Орловщины, Украины, Польши, Германии, в Рудных горах и на площадях Праги частями корпуса уничтожено и захвачено **В ПЛЕН ОКОЛО СТА СОРОКА ТЫСЯЧ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ ПРОТИВНИКА.**

ТРИДЦАТЬ ВОСЕМЬ ГВАРДЕЙЦЕВ УРАЛЬСКОГО ТАНКОВОГО КОРПУСА УДОСТОЕНЫ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

В дни, когда под Сталинградом решалась судьба Родины, рабочие крупнейших уральских заводов предложили создать особый, Уральский добровольческий танковый корпус.

Сразу же на его создание уральцы внесли 17 миллионов 351 тысячу рублей.

Буквально в течение нескольких дней в партийные комитеты и военкоматы поступило свыше 100 тысяч заявлений о зачислении в корпус.

Весной 1943 года корпус был сформирован, а летом в Орловско-Курской битве уральские танкисты приняли первое боевое крещение. За отвагу, массовый героизм и мужество 23 октября 1943 года корпусу было присвоено гвардейское звание.

Тут каждая пядь земли стала могилой десятков, а порой и сотен советских воинов. Хотелось, чтобы свободный потомок, проходя по этой святой земле, прочитал такие слова:

СТОЙ, ПРОХОЖИЙ! СНИМИ шляпу и поклонись ЗЕМНО. ЗДЕСЬ УМЕРЛИ ЛУЧШИЕ ИЗ ЛУЧШИХ ВО ИМЯ ТВОЕГО СЧАСТЬЯ.

В наших братских странах существует хороший порядок, ставший моральным законом нынешнего поколения: не оставить ни одной жертвы фашизма без знака памяти и признания. Так, в городах Польши и Чехословакии места гибели — хотя бы одного патриота — отмечены мемориальными досками, которые всегда убраны живыми цветами, и люди, проходя мимо них, замедляют свой шаг.

Россия больше всех принесла жертв на алтарь победы, и мы, привыкшие к масштабам, ставим памятники там, где полегли полки, дивизии, армии. Но и одинокие могилы достойны памятного венка. Однако с горечью приходится узнавать то, что у нас есть много сел, деревень и даже городов, жители которых не знают, кто бился и умер на их родных улицах. Надо щедрее быть, отдавая дань подвигу отцов.

Небо стало синим-синим.

Стой, водитель,

слышишь, стой.

Там,

где горбится Россия
Безымянной высотой.

Наглядеться нам бы вволю
На простор земли родной!

Но неспаханное поле

Все засеяно войной.

И глубокая траншея

Делит поле пополам.

Мой товарищ перед нею

Наклонился не к цветам,—

Так, наверно, археолог

Ворошит останки дней...

Мой товарищ взял осколок

Давней юности своей!

Здесь и танки и пехота

Гнули Курскую дугу,

Здесь товарищ поднял

роту,

Чтоб ударить по врагу!

Вот на этом самом месте

С пулей встретился тогда.

Только в книгах,

Только в песнях

И остались те года...

Эх, какое здесь

раздолье!

Он глядит по сторонам.

...А траншея делит поле,

Жизнь и сердце

пополам!

ЛЬВОВ

МОСКВА

ОРЕЛ

БРЯНСК

Ф
Л
А
Г
Н
А
Д
Р
А
Т
У
Ш
Е
Й

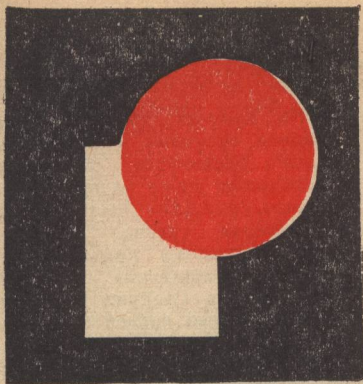
Пять дней на улицах Львова гремели бои. Немцы сопротивлялись ожесточенно, особенно в центре города. Чтобы ускорить развязку, командование Челябинской танковой бригады решило любой ценой захватить здание городской ратуши и поднять над Львовом красный флаг. Было ясно, что провести танк к ратуше, если это вообще можно сделать, надо поручить человеку, который хорошо знает Львов. Им оказался Александр Марченко — стрелок-радист танка «Гвардия».

Обойдя хорошо укрепленные огневые точки противника, танк «Гвардия» с группой автоматчиков прорвался к ратуше со стороны, откуда немцы их совершенно не ожидали. Танк еще не успел остановиться, как Александр Марченко с автоматчиками ворвался в ратушу. Пока бойцы забрасывали гранатами растерявшихся от неожиданности немцев, Александр пробился на чердак, вылез через слуховое окно на крышу — и над Львовом запылоскался по ветру красный флаг.

А вокруг танка «Гвардия», прикрывавшего вход в ратушу, смыкалось кольцо немцев. Нужно было немедленно уходить. Последним из ратуши выскочил Александр Марченко. Но он не добежал до танка двух шагов. Раненого, его автоматчики подняли на броню, и танк пошел на прорыв к своим.

Героя похоронили на Холме славы.

НА

польских

дорогах

Львов — город садов и парков. Город героического прошлого, в котором каждая улица, каждая площадь — живая многовековая история. Но самой волнующей страницей в этой истории является Холм славы, где покоится прах воинов Советской Армии.

Уже давно отгремели бои на Львовщине, на освобожденной и мирной земле выросло новое поколение, но воины, павшие в борьбе с фашизмом, незримо живут. Львовские ребяташки любят бывать на Холме, и каждый из них может быть экскурсоводом по этому музею. Вам расскажут, где и как погиб разведчик Николай Кузнецов, и покажут его скромную могилу, всегда утопающую в живых цветах. Здесь же похоронен Марченко, водрузивший над городом красное знамя. И вечный огонь горит над ними — символ бессмертия их имен, их дел, их славы.

Мадонны с тонкими чертами,
Христос, распятый на крестах,
Глядят печальными глазами
На асфальтированный шлях.
Колосья клонятся густые,
Как богомольцы,

к их ногам:

«Не пропустите,

о, святые,

Беды к окрепнувшим домам!»

Но было:

самоходки били,

Ломали спины у дорог,

И против танков был бессилён

Растиражированный бог!

Недаром чаще,

чем святые,

За всеми селами подряд,

Простые парни из России,

В гранит одетые, стоят:

Они пришли —

замолкли пушки,

Они прошли —

пожар принял.

И вижу:

польские старушки

Сегодня молятся на них!

Хлеба колышутся густые,

И вдоль дорог шумят сады.

Не боги —

парни из России

Их прикрывают от беды!

КЕЛЬЦ

ОДИН ПРОТИВ ДЕВЯТИ

4 марта 1944 года Уральский Добровольческий танковый корпус получил приказ овладеть Фридриховкой. Танкисты должны были пересечь обе дороги на Тернополь — железную и шоссейную, — отрезав тем самым пути отхода на запад окруженной в районе Проскурова группировки немецких войск.

Экипаж, которым командовал лейтенант Григорий Чесак, первым форсировал реку и ворвался на станцию Волочиск. В ночь на 8 марта, когда вражеские контратаки были особенно ожесточенными, Григорий Чесак вместе со своими боевыми друзьями Виталием Овчинниковым, Александром Бухаловым и Дмитрием Курбатовым вступили в неравную схватку с девятью «тиграми». Из девяти уцелели и повернули назад только шесть. А в ночь на 11 марта танк Григория Чесака разгромил автоколонну машин, пытавшуюся прорваться на шоссе Проскуров — Тернополь.

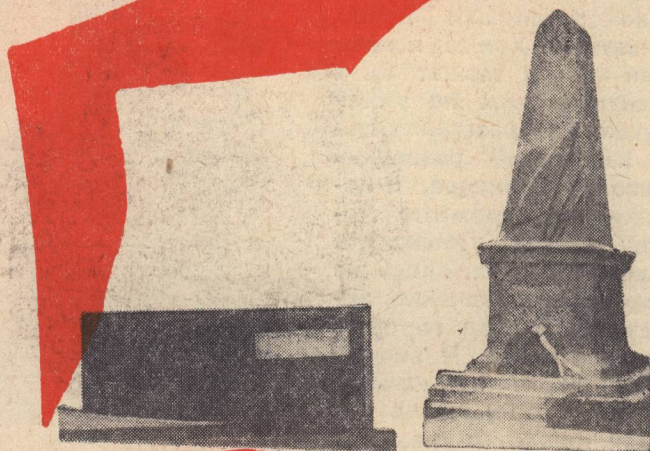
За эти подвиги Указом Президиума Верховного Совета СССР Григорию Сергеевичу Чесаку присвоено звание Героя Советского Союза, а все члены его экипажа награждены боевыми орденами.

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ЛЕГЕНДЕ

На пологих холмах, среди редких сосновых и березовых рощ раскинулся Островиц. Старинные дома за густой зеленью, площадь Рынок — традиционная главная площадь всех старинных польских городов, замощенная булыжником еще в средние века, тяжелый серый костел с тонким шпилем и памятник с красным знаменем, над каменными складками которого четыре буквы: «СССР». Памятник старый, видно, сооружен саперами сразу после освобождения Островца в сорок четвертом, когда после тяжелых боев на Сандомирском пладарме танки, наконец, прорвали немецкую оборону на Висле и по старым польским шляхам погнали захватчиков к Кельцу и дальше — к Ченстохове.

— К Сашке, к Сашке поедем, — торопит один из наших проводников, и мы едем к Сашке.

Их двое — наших проводников. Утром мы увидели их возле машины. Старший, ему на вид лет тринадцать, немного разговаривал по-русски, его имя — Стасик. Младший больше молчал. Но каждый раз, когда мы о чем-нибудь спрашивали их, они оживлен-

ОСТРОВИЦ

ОПОДЕ

но обсуждали наш вопрос между собой, и, как мы заметили, последнее слово оставалось за младшим.

Было воскресенье, над Островцом разносился размеренный колокольный звон, как-то не вязавшийся с нарядами, по-праздничному одетыми горожанами. В одной из узких улочек возле костела наша машина шла в сплошном людском потоке, и островчане с любопытством разглядывали и нас, и наших проводников.

Мы едем к Сашке. Иногда мы останавливаемся, Стасик высовывается из машины, кричит на всю улицу что-то по-польски — видимо, объясняя, куда мы едем, и тотчас откликаются сразу несколько человек: улыбаются, машут руками. Сашку в Островце знают все.

Кто такой Сашка! Наши проводники горячо обсуждают этот вопрос между собой, потом не менее горячо Стасик пытается объяснить. Мы понимаем: Сашка — любимый герой у ребят. О его подвигах им рассказывали в школе, рассказывали дома.

Машина въезжает в тихий пустынный переулок. Ребята выскакивают, зовут. «Вот он, Сашка», — говорит Стасик

и показывает рукой на красную кирпичную стену, на огромную бетонную плиту какой-то необычной параболической формы, с высокими бронзовыми светильниками. Стасик вполголоса читает по-польски и переводит: «Здесь похоронен Василий Петрович Войченко — Сашка». Надпись высечена в стене. А в бетонной плите два квадратных отверстия, залитых цементом. На досках надписи: «Здесь насыпана земля с мест сражений партизан нашего района», — на одной, а на второй: «Здесь земля с родины Сашки, село Калиновка». Цветы и черные смоляные пятна — следы от недавних факелов.

Мы много видели могил — и королей, и маршалов, и великих поэтов, но ни одна из них не поразила так, как могила командира партизанского отряда Войченко, молодого лейтенанта, парня из оренбургских степей.

— Едем к Сашке! — опять зовут нас наши проводники, и мы опять едем через весь Островиц — зеленый, чистый и по-воскресному праздничный.

Ребята привезли нас в музей — старинный дом генерал-губернатора. Скользя впереди нас по паркету в разъяженных шлепанцах, провели нас по залам, подвели к большой фотографии, на которой снята группа партизан. «Вот он, Сашка», — безошибочно указал Стасик на человека с собакой в руках и добавил: «За него гестапо обещало миллион злотых».

Стасик говорит об этом с такой гордостью, словно рассказывает о своем отце или старшем брате. И только здесь, в музее, слушая взволнованный рассказ островицкого мальчишки, мы по-настоящему поняли, что означают слова: «Национальный герой Польши». Эти слова о нем, о Петре Войченко.

МИЛИЧ

ВРОЦЛАВ

У переезда за городом Ополе вдоль колонны легковых автомашин металась женщина. Пожилая, экспансивная, в черном капроновом плаще, с большой сумкой в руках. На машинах — французские, английские, голландские знаки... «Нет, нет...» Роскошный западногерманский «опель» женщина обошла стороной. А в этой машине было три свободных места.

К «Волге» женщина подошла смело: «Только до Зеленой Гури, пан, а! Подвезите, опоздала на автобус», — просила женщина по-польски, вдруг услышала русскую речь и, не дожидаясь ответа, открыла дверцу... «Русские! Дзенкую, русские борзо добрые, я знаю!».

Минут десять пани Гелена восторгалась, радовалась, смешила. А потом вдруг резко изменилась, печально покачала головой, в одно мгновение осунулась. «От дочки еду. В больнице она, в больнице лежит», — как эхо повторила пани Гелена и с ненавистью сжала кулаки: «Будь он проклят, Освенцим!» «Освенцим» она произносит по-польски — «Ошвечим».

Ее дочь, студентка, побывала с экскурсией в музее Освенцима, это было с месяц назад, и с тех пор не спит — преследуют ее по ночам призраки Аушвица... «Ошвечим, Ошвечим», — повторяет с ненавистью пани Гелена, и ее лицо искажает гримаса боли.

Бесконечная серая лента асфальта, голубые указатели дорог, километровые столбики и вдруг — черная стрела, факел и меч. И надпись на стреле: «Освенцим».

Там все, как было: бараки — безупречно выстроенные по линейке мрачные трехэтажные корпуса из красного кирпича, крематории, виселица, высокая ограда из колючей проволоки на изоляторах, через каждые пять-шесть шагов таблички «Хальт! — Стой!».

В Освенциме почти все сохранилось в том виде, как бы-

ло четверть века назад. Только вместо живых его обитателей — вдоль коридоров на стенах бесконечные ряды фотографий тех, кто провел там свои последние дни. Анфас, профиль, полупрофиль. Номер и национальность. Вместилище всех фотографий стены Освенцима — Аушвица не смогли. От четырех миллионов человек остался на этой земле только пепел. Урна с горстью этого пепла стоит в Бжезинке — бывшем лагере Аушвица-II. В этой урне горстка тех, которых было четыре миллиона!

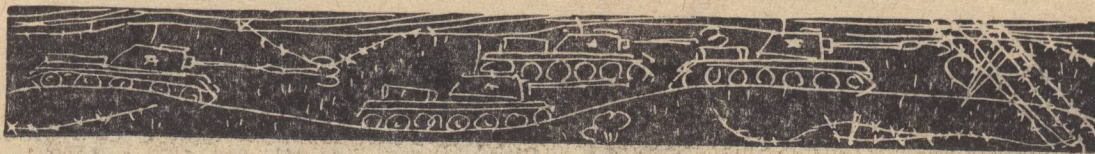
...«Зачем в Ошвечим пускают людей!» — с тоской спрашивает пани Гелена, качает головой и думает.

...В конце третьего ряда — блок № 11. Между ним и десятым — глухой двор, у задней стены которого бревенчатый «экран» с бетонным желобом. У этого экрана эсэсовцы расстреляли двадцать тысяч узников. Двадцать тысяч... Их невозможно представить на этом узком, зажатом меж двух высоких блоков, дворе. Колонна по четыре длиной в два с половиной километра!

Приговоренные должны были раздеться, у них выдергивали, если были, золотые зубы, смертников остригали наголо — и одежда, и волосы еще могли пригодиться рейху, — все это представляло ценность, все, за исключением человеческой жизни. Даже труп, сожженный в крематории, тоже стоил несколько пфеннигов, так как из пепла делали удобрения...

Обреченных выводили парами, ставили лицом к деревянному «экрану» и, не создавая в лагере «лишнего шума», стреляли в затылок из пневматического оружия. Деловито, четко, как на промышленном конвейере.

По такой же строго продуманной системе проводилась и «селекция» детей: эсэсовцы подымали деревянный прут на высоту ста двадцати сантимет-

ров от пола. Все дети, проходившие под прутом, отправлялись на сожжение. Все дети, проходя под прутом, вставали на цыпочки, стараясь задеть головой прут. Они знали, куда эсэсовцы поведут тех, кто до прута не дотянулся... Будь ты проклят, Освенцим!

За витринами — горы детской одежды. За витринами — горы детской обуви. Никто не знает, сколько детей прошло под страшным прутом, сколько отправлено в газовые камеры без счета и измерений...

Днем 27 января 1945 года в Освенцим вошли войска 1-го Украинского фронта, в состав которого входил и Уральский танковый корпус. Чудовищный комбинат смерти был пуст: почти всех узников эсэсовцы истребили.

...Пани Гелена опять говорит. Говорит быстро, по-польски, и мы с трудом улавливаем смысл.

«Наверное, шизофрения», — это про дочь.

«Пусть увидят все!» — это про Освенцим.

«Особенно немцы. С запада. Они не верят, что так было, они говорят — пропаганда... Всех их надо привезти в Освенцим!» — с ненавистью говорит она, показывая рукой на роскошный западно-германский «оппель», уходящий от нас на большой скорости.

Ветвь заломлена,

как рука,
Старый тополь в ужасе замер:
Над Освенцимом облака,
Словно дым

из газовых камер.
Словно снова падает война,
Вечер солнце на плаху катит.
Ох, какая здесь тишина
Неспокойная на закате!
Ты прислушайся:

говорят
Груды туфель и чемоданов
Голосами старух,

ребят,
Голосами Иванов,
Жанов.

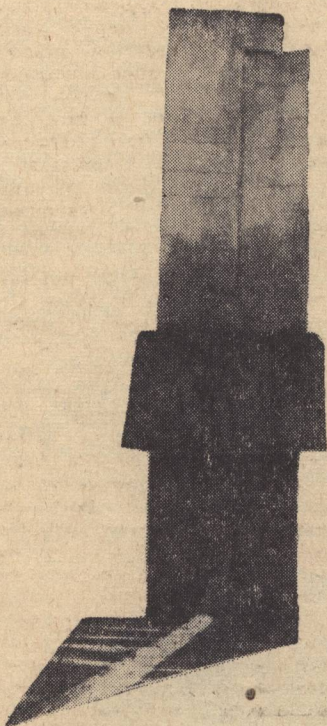
Плачут,
молят,
зовут детей.

Громче,
громче...

Освенцим ожил.
Кто шепнул за спиной моей:
— Наши волосы так похожи!
Душно!
Больше я не могу.
Вещи стонут по-польски:
— Панычи!..

Я спешу,
Я почти бегу,
Не могу здесь остаться на ночь!
А на улицах городка
За мячом гоняются дети.
От Освенцима облака
Отогнал набежавший ветер.
В огоньках нарядных дома...
— Что ж там плачет одна
из женщин!
— Дочь сошла у нее с ума,
Посетив

под вечер
Освенцим!

ЗЕЛЕНА ГУРА

Дорогой ценой заплатили русские за освобождение Европы. Могилы, могилы, могилы... Они всюду: по берегам русских рек, на перекрестках польских дорог, на площадях немецких городов, у околиц чешских и словацких деревень. Глядишь на могильные плиты — и на сердце закипают слова: «Великой и праведной кровью дан мир Европе, и быть ему во веки веков».

Хрустит под ногою белая галька. Пахнет рездой и жасмином. В ветвях молодых лип щебечут птицы. И тишина, и покой царят вокруг. А по воскресным дням богомольные старушки зажигают над могилами свечи и молятся за тех, кто спит в могилах Сандомирского кладбища.

Двадцать три года назад под маленьким польским городком на Висле разглагольствовалось огромное сражение, которое вошло в историю как битва на Сандомирском плацдарме. Уральские танкисты действовали на самых трудных и ответственных участках наступления.

В январе 1945 года войска первого Украинского фронта вышли на Одер. Гитлер называл Одер «порогом Берлина, неприступной крепостью». И действительно, на этой реке немецко-фашистское командование создало мощный оборонительный рубеж.

Одер с ходу не удалось форсировать. Захватить один из плацдармов было поручено разведчикам майора А. Косарева из 29-й мотострелковой бригады. Захват был намечен в ночь на 26 января.

Как только луна скрылась за лесом, разведчики вышли на лед. Почти сразу провалился под лед первый, но не из-

дал ни одного звука. Его успели спасти, но тут провалился второй, потом третий... На лед вытаскивали промокших насквозь, но никто не повернул назад. Все двадцать восемь выбрались на левый берег и двумя цепочками с автоматами и гранатами наготове подошли к первому доту. Было четыре часа утра, фашисты беспечно спали у пулеметов и минометов. Они настолько были уверены в непроходимости Одера, что не выставили даже часовых. Почти сто сорок трупов осталось в траншеях и дотах после удара разведчиков.

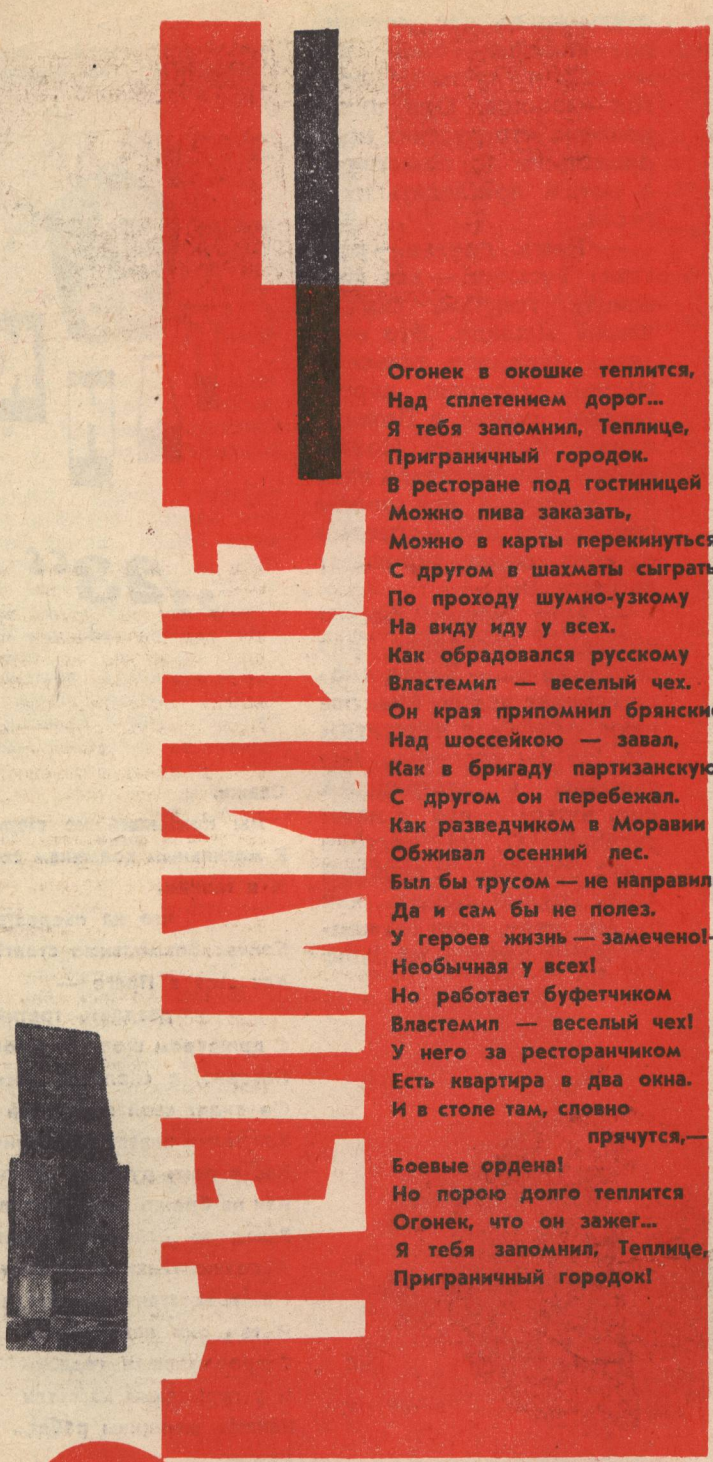
Майор Косарев подал сигнал: «Путь свободен!» И через Одер с досками наперевес бросился первый мотострелковый батальон. А разведчики тем временем пробивались к странному доту. В нем оказался командный пункт Одерского укрепрайона. На командном пункте был захвачен в плен майор, который на допросе раскрыл систему оборонительных сооружений на Одере.

...Так двадцать восемь разведчиков майора А. Косарева проложили через «порог Берлина» дорогу Уральскому танковому корпусу.

БЕРЛИН

Огонек в окошке теплится,
 Над сплетением дорог...
 Я тебя запомнил, Теплице,
 Приграничный городок.
 В ресторане под гостиницей
 Можно пива заказать,
 Можно в карты перекинуться,
 С другом в шахматы сыграть.
 По проходу шумно-узкому
 На виду иду у всех.
 Как обрадовался русскому
 Властемил — веселый чех.
 Он края припомнил брянские,
 Над шоссею — завал,
 Как в бригаду партизанскую
 С другом он перебежал.
 Как разведчиком в Моравии
 Обживал осенний лес.
 Был бы трусом — не справили,
 Да и сам бы не полез.
 У героев жизнь — замечено! —
 Необычная у всех!
 Но работает буфетчиком
 Властемил — веселый чех!
 У него за рестораником
 Есть квартира в два окна.
 И в столе там, словно
 прячутся, —
 Боевые ордена!
 Но порою долго теплится
 Огонек, что он зажег...
 Я тебя запомнил, Теплице,
 Приграничный городок!

МИКУЛОВО

В стороне от Сандомира, на самом высоком месте, или, как говорят военные, на вершине господствующей высоты, братское кладбище советских воинов, куда поляки снесли останки героически погибших. Кладбище обнесено каменной стеной и кругом цветы, цветы, цветы. Мы молча обошли могилы воинов, поклонились их праху и поклялись, что будем всегда помнить о их беспримерном подвиге. Расскажем советским людям о известных и неизвестных могилах. Здесь похоронен полковник Василий Федорович Скопенко. Ему было всего лишь 32 года. Капитан Иван Дмитриевич Воробьев, старшина Василий Фомич Романов, гвардии капитан Саутин... и сотни безымянных могил.

Почему безымянных? В некоторых городах мы видели памятники с такой надписью: «Слава героям — танкистам армии генерала Лелюшенко». Памятник героям танкистам, и надо бы на всех гранитных скрижалях золотом написать имена погибших с указанием, из какого города они или деревни. Сейчас это трудно сделать. Имена многих уже совсем не восстановить. Но могилы тех, кого мы знаем, надо бы поименовать. Это большая работа, но за нее охотно возьмутся ветераны войны.

В польском городке Кольце, который оказался в центре боев на Сандомирском плацдарме, на высоком постаменте установлена величественная скульптура Советского солдата, прижавшего к земле когтистого и хищного фашистского орла. А вокруг разбит парк и беседки. Мы посетили памятник под вечер, и почти на всех скамейках сидели отдыхающие. Люди и в часы отдыха заняты своими мыслями, своими заботами. Но когда они увидели нашу машину с советским опознавательным знаком, они окружили и нас и машину, наперебой стали объяснять нам, что лучшее место в городе они отвели для братской могилы и памятника радянским солдатам. А пожилой поляк Станислав Пажковский сказал:

— Тут и польские солдаты лежат. Мертвые наши солдаты лежат вместе. И нам, живым, надо быть вместе.

Когда мы уже собрались уезжать, Пажковский удержал нас и добавил:

— Русским матерям, пан, передайте поклон. Им нелегко, мы знаем.

В деревне Иваниска, где был нанесен главный удар по немецкой обороне на Сандомирском плацдарме, мы остановились, чтобы спросить, где находится кладбище русских солдат. Нам объяснили. Мы собрались

ехать, когда нас догнали два поляка — один пожилой и тучный, другой — юноша. Они вдруг решили, что русских надо проводить до памятника, а потом пригласить их в гости.

— Наши друзья — русские! Русские! — все восклицал толстый, сидя в нашей машине. Это оказался директор сельской школы, участник партизанской войны в Польше против фашистов Иозеф Нагаль. Он рассказал нам, что учащиеся его школы шефствуют над могилами русских солдат, украшают их цветами.

— Мир живет беспокойно, — несколько раз повторил он. — Запад снова готовит войну. Мы, поляки, особенно чувствуем это. Но мы спокойны. Мы уверены в завтрашнем дне, потому что с нами русские. О, на востоке у нас большой и сильный друг. Трудно сказать, как бы мы жили, если бы среди наших друзей не было России.

ПРАГА

Скажи,

мы привыкать не стали
К могильным холмикам солдат,
И к танкам,

что на пьедестале
Сейчас безмолвные стоят!
Как этот в Праге —

двадцать третий —
С прищуром щели смотровой...
Наверно, в сполохах рассвета
Он видит свой последний бой,
Как танки плавают в зарницах,
Как в реки рушатся мосты,
Как на броню летят в столицах
Вслед за осколками цветы.
А позже танки заползают
На пьедесталы. Навсегда!
И там они напоминают
Отгромыхавшие года.
И у громадины из стали
Качают женщины ребят...
Скажи,

мы забывать не стали,
Что эти танки грохотали,
А где-то новые гремят!

ПОМОГИТЕ,

Второго мая 1945 года капитулировал берлинский гарнизон. Берлин пал, но война еще продолжалась. Гитлеровский фельдмаршал Шернер сконцентрировал в Судетах большую группу войск и пытался уклониться от капитуляции. И вот в эти дни в тылу у группировки Шернера возстал Прага.

На Прагу были брошены эсэсовские дивизии, танки, орудия... Кровью обгарили улицы и площади древнего города.

«Говорит Прага, говорит Прага! Помогите, друзья, вставшей Праге... Наши силы слишком неравны, и нам трудно вести борьбу против множества танков, артиллерии и крупных сил пехоты оккупантов...»

Уральские танкисты получили приказ спасти Прагу, и на рассвете 6 мая танковые колонны двинулись к Суде-

там. В тот же день они разгромили вышедшую из Дрездена группу немецких войск и прорвались к подножью Рудных гор.

Восьмого мая уральские танкисты преодолели горные перевалы и, выйдя в район Духцов, Ледвице, рванулись к Праге. В течение нескольких суток танкисты спали и ели на ходу, с боями преодолевали топкие болота, горы, минные поля, засады фаустпатронщиков.

ДРУЗЬЯ,

Путь корпусу прокладывали два танковых батальона — капитана М. Коротеева и капитана М. Акиншина. Особенно тяжело пришлось этим батальонам в Рудных горах. Почти на каждом крутом повороте, на каждом перевале — завалы и засады. Танки издали, с ходу обстреливали завалы, а тем временем автоматчики, соскочив с брони, обхо-

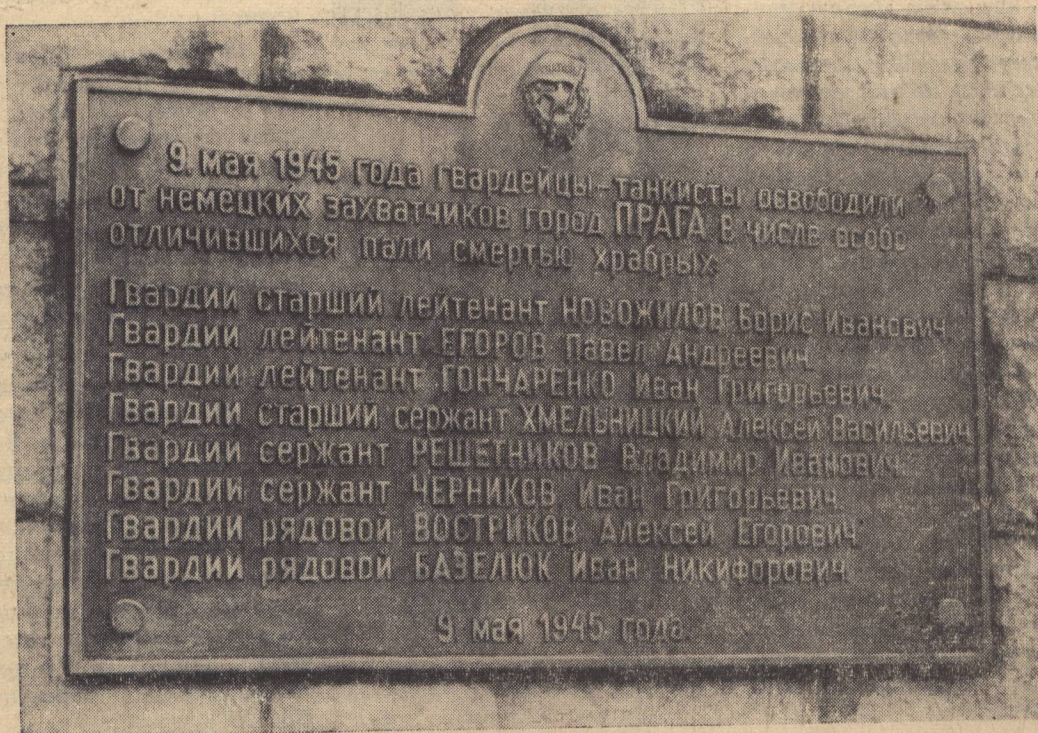
дили засады с флангов и забрасывали фаустпатронщиков гранатами.

И вот рано утром 9 мая танковый батальон гвардии капитана М. Коротеева первым ворвался в Прагу. Впереди батальона — танк № 23 под командованием лейтенанта И. Г. Гончаренко. Недалеко от Пражского Кремля, в районе Кларава, разгорелся упорный бой. Советских танкистов встретили «тигры» и артиллерия. Лейтенант Иван Гончаренко пошел в атаку. Подбит один немецкий танк, пылает второй, смята гусеницами противотанковая пушка. Но и «двадцать третий» подбит. Погиб Иван Гончаренко, а остальные члены экипажа были тяжело ранены. А

ПРАГЕ!

вслед за «двадцать третьим» в столицу Чехословакии ворвались главные силы корпуса, и во второй половине дня Прага была свободна.

Эта плита укреплена на постаменте танка № 23.

И здесь, и при встречах на Одере поляки высказали нам такую интересную мысль. Когда шли бои за освобождение городов и сел Польши, население спасалось в лесах и укрытиях. Очень немногие знают о подвигах русских солдат, о героизме советских войск, о тех, кто покоится в братских могилах Сандомира и Радомы, Остравы и Сташова, Кельца и Сукнавы, Еуджева и Вроцлава. Думается, ветераны Уральского добровольческого корпуса, писатели и журналисты, воевавшие в рядах легендарного корпуса, напишут воспоминания, как они дрались на Висле, Одере, Шпрее, как пробивались через Рудные горы.

«Лейтенант Калинин родился в 1925 году. Умер от ран 9 мая 1945 года». Ему было всего 20 лет. Он умер в день победы, когда над всей землей, над всем миром цвела весна. Похоронен лейтенант на Вроцлавском кладбище. А рядом тысячи могил. Имена похороненных можно читать и час, и два, и три. Кажется, им нет конца. В строгом молчании проходят люди, и мы знаем, о чем они думают. Нет, мы, живые, не можем допустить, чтобы повторилась трагедия минувшей войны. Нам слишком дороги эти могилы.

Зеленой оградой терновника обнесено это колоссальное кладбище. При входе на гранитных столбах застыли танки: они охраняют вечный покой сраженных, они, как бессменные часовые, охраняют и мир Европы.

Вроцлав — стариннейший польский город, который более шести веков был, по существу, немецкой колонией. Во время второй мировой войны гитлеровское командование превратило его в мощный опорный пункт. Он должен был стать, по выражению гитлеровской пропаганды, немецким Сталинградом для русских. Но советские войска наголову разбили фашистов и принудили гарнизон города и крепости Вроцлав, численностью более 40 тысяч солдат и офицеров, сдаться в плен. Вроцлав после многих веков стал снова польским. И в дни праздников жители города зажигают над могилами советских воинов светильник. Это и память, и благодарность, и верность тому делу, за которое погибло так много русских.

На одном из обелисков написано:

«ВЫ СОТВОРИЛИ ВЕЛИКУЮ ПОБЕДУ. ВЫ НЕ ЗНАЛИ СТРАХА В БОРЬБЕ И СЛОЖИЛИ СВОИ ГОЛОВЫ ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО».

Или еще на граните: «ВДАЛИ ОТ ОТЕЧЕСТВА ПОХОРОНЕНЫ ВАШИ ТЕЛА, НО ВЫ ВЕЧНО ЖИВЕТЕ В ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЙ СОВЕТСКОГО НАРОДА».

После прорыва немецкой обороны на Висле уральцы-танкисты в непрерывных боях продвигались на запад и одними из первых форсировали Одер. Это был последний водный рубеж перед Берлином, и немцы защищали его с огромным упорством. Но что могло противостоять советской броне!

У МЕМОРИАЛЬНОЙ ДОСКИ ГОРОДА ПЛЗЕНЬ, ЧЕХОСЛОВАКИЯ.

Маленький городок Шчинава. Уже прошло более двадцати лет, а в этом городке на Одере всюду видны следы жестоких боев. Лежат в развалинах трехэтажные немецкие доты, дома на берегу сплошь иссечены осколками мин и снарядов. Вдоль по реке тут и там разрушенные строения, от которых остались битый кирпич да фундаменты. Там, где переправлялись через Одер танкисты, стоит обелиск. А на центральной площади Шчиныавы на высоком пьедестале замер навечно танк. Когда мы осматривали боевую машину, к нам подошли польские парни и как бы между прочим заметили: броня на танке не ржавеет. Символично. Кое-кому на западе надо бы знать, что броня на советских танках действительно не ржавеет.

После боев за Берлин, когда еще не остыли боевые машины, танкисты Уральского корпуса двинулись маршем на помощь восставшей Праге. Путь был нелегкок и неблизок. Впереди лежали Рудные горы, с ущельями и кручами, заросшими вековыми деревьями.

— О, это было невероятно,— рассказывал нам житель города Теплице Жак Властемил.— Неве­ро­ятно. С запада, через горы, пришли русские танки. Такое могло почудиться! Нет, русские танки спустились с гор и, как ураган, умчались на Прагу. Их ждали с востока.

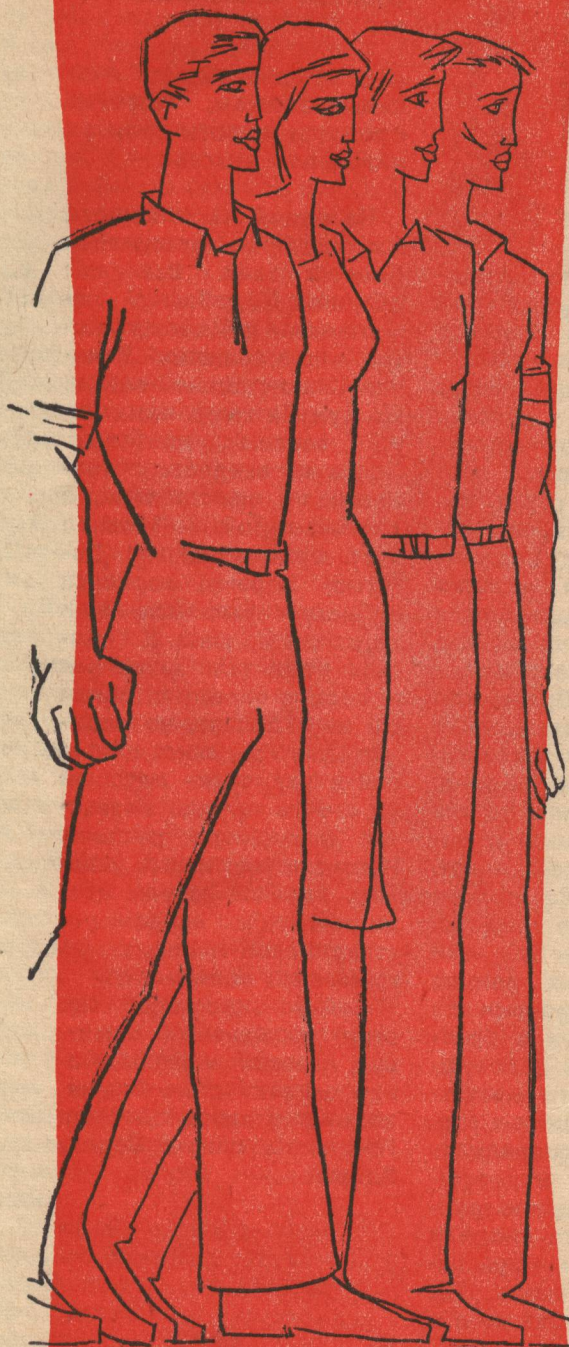
Рудные горы нелегко дались. Опомнившиеся немцы устраивали засады, завалы, разрушали мосты через речушки. Вражеские снайперы и автоматчики снимали солдат-десантников с русской брони. В горных селениях до сих пор хорошо помнят те незабываемые дни, знают, на каком изгибе дороги погибли русские солдаты. Когда отгремели бои, чехи собрали павших воинов в горах и похоронили со всеми почестями в братских могилах. В деревушке Микулово, что мостится в долине лесистых гор, погребено двенадцать русских солдат и девушка-полячка, санинструктор. Чехи много спорили в день похорон — приглашать ли священника. Решили обойтись без него и могилу украсили пятиконечной звездой из бетона. Сейчас надгробье утопает в зелени, а каменные плиты сплошь залиты теплым воском. Иногда

над могилой горит фонарь, и тогда при его слабом дрожащем свете можно и ночью прочесть золотом написанные слова:

«НА ВЕЧНУЮ ПАМЯТЬ РУССКИМ ВОИНАМ, КОТОРЫЕ СЛОЖИЛИ ЖИВОТЫ СВОИ ЗА НАРОДНУЮ ВЛАСТЬ».

На одной из площадей Златой Праги установлен боевой танк. Все как обычно. Подобными памятниками отмечены многие места сражений Великой Отечественной войны. Но судьба этого памятника совсем необычна. Здесь на пьедестале вознесен не просто танк, а машина-герой. Именно этот бронированный богатырь первым ворвался в Прагу и был подожжен на одной из улиц. В сумятице боев танк затерялся и, весьма вероятно, попал бы на переплав, но рабочие Праги задались целью найти тот танк, который из своего орудия возвестил о подходе русских. И поиски увенчались успехом. Танк № 23 уже после войны был найден, реставрирован и поднят на гранитный постамент.

Сейчас площадь, где стоит уникальный памятник, названа именем Советских танкистов. Она находится в западной части Праги, на левом берегу Влтавы.

РОССИИ

ТЫ — ВЕЧНОСТЬ.
Я — ТВОЯ ЧАСТИЦА.
ТЫ — ВСЕ. Я — ТОЛЬКО
 ЧЕЛОВЕК.
И МОЖЕТ ВСЯКОЕ СЛУЧИТЬСЯ
В МОЙ ВЕК, УВЫ, КОРОТКИЙ
 ВЕК!
НО НЕ СУДИ МЕНЯ ТЫ
 СТРОГО —
ЛЮБОВЬ К ТЕБЕ ВОЗЬМЕТ
 СВОЕ.
СКАЖИ — И ВСТАНЕТ
 ПО ТРЕВОГЕ
ВСЕ ПОКОЛЕНИЕ МОЕ.
ЧТОБ ВНОВЬ ШАГАТЬ ЧЕРЕЗ
 КАРПАТЫ
И, ЕСЛИ НАДО,
 ВЗЯТЬ РЕЙХСТАГ...
ТЫ — ВЕЧНОСТЬ.
МЫ — ТВОИ СОЛДАТЫ.
ТАК БЫЛО,
 ЕСТЬ И БУДЕТ ТАКИ

Текст

*И. Акулова,
Н. Абрамова,
Ю. Ярового.*

Стихи

Л. Сорокина.

*Стихотворение
«России»*

В. Шустова.

Оформление

Ю. Григорьева.

К. КАЗАНЧАН (Ставрополь).

ЗОЛОТОЕ РАЗДОЛЬЕ.

А. ШМАРИНОВ (Москва).

ОХОТНИК.

В. СОЛОВЬЁВ (Смоленск).

НА ПУТИНУ.

М. ДИСТЕРФЕТ.

НА ОКРАИНЕ ВИСИМО-ШАЙТАНСКА.

Как-то на уроке в шестом классе Слуцкой средней школы учительница Софья Федоровна Кунцевич рассказала о первом советском танке, который ворвался в город, занятый фашистами. Ребят заинтересовало это сообщение, и они решили узнать о дальнейшей судьбе воинов, освобождавших Слуцк. Так начался поиск. Так родился в школе клуб «Подвиг».

Следопыты завязали переписку с участниками боев за город, с семьями бойцов и офицеров, павших смертью героев.

Интересное письмо прислал ребятам Павел Федорович Сакун. Вот отрывок из него:

«2 августа 1942 года, когда фашисты, взяв Ростов-на-Дону, ворвались на Кубань и начали «победное шествие» на Кавказ, неожиданно на их пути стали кубанские казаки. В многодневных боях под станицами Канеловской, Куцевской они сумели остановить врага, а наша 10-я кавалерийская дивизия в сокрушительной конной атаке бросилась на немецкую мотопехоту, танки и самоходные орудия и разгромила фашистов. Это не сказка, а быль. Тогда иностранные корреспонденты спрашивали у командира корпуса гвардии генерал-лейтенанта Н. Я. Кириченко: «Покажите нам ту казацкую шашку, которой рубили фашистские танки». Конечно, казаки шашками не рубили танки, но своей конной атакой навели такой страх на гитлеровцев, что они бросали свои машины и в панике удирали.

Летом 1944 года наш Кубанский кавалерийский корпус ворвался в ваш город Слуцк. При освобождении его погиб гвардии подполковник, командир 40-го гвардейского кубанского кавалерийского полка Илья Иванович Головащенко».

Ровно год назад, 23 февраля 1967 года, в 20-й средней школе имени Виктора Кингисеппа в городе Таллине была открыта комната боевой славы. Провели конкурс на интересное сочинение и воспоминания о героической и трудовой истории Советского государства. В нем принимали участие сами ребята, их родители и друзья школы.

Есть в комнате славы и интересные экспонаты, привезенные ребятами из походов: пулемет «Максим», найденный в рапласких лесах, ржавый автомат, обнаруженный в местах боев с фашистами под Таллином, пистолет XIX века, винтовки, осколки снарядов из-под Ленинграда, Одессы, Бреста, земля с могил 128 Героев Советского Союза.

Но особенно гордятся следопыты своей картотекой. Она содержит пять тысяч карточек! По ним можно узнать, что подвиг Матросова повторили 256 воинов (известно, где родился каждый, где погиб, в каком журнале или книге можно о нем прочитать), сколько писателей воевали на фронтах Великой Отечественной войны, кто из моряков Краснознаменного Балтийского флота стал Героем Советского Союза.

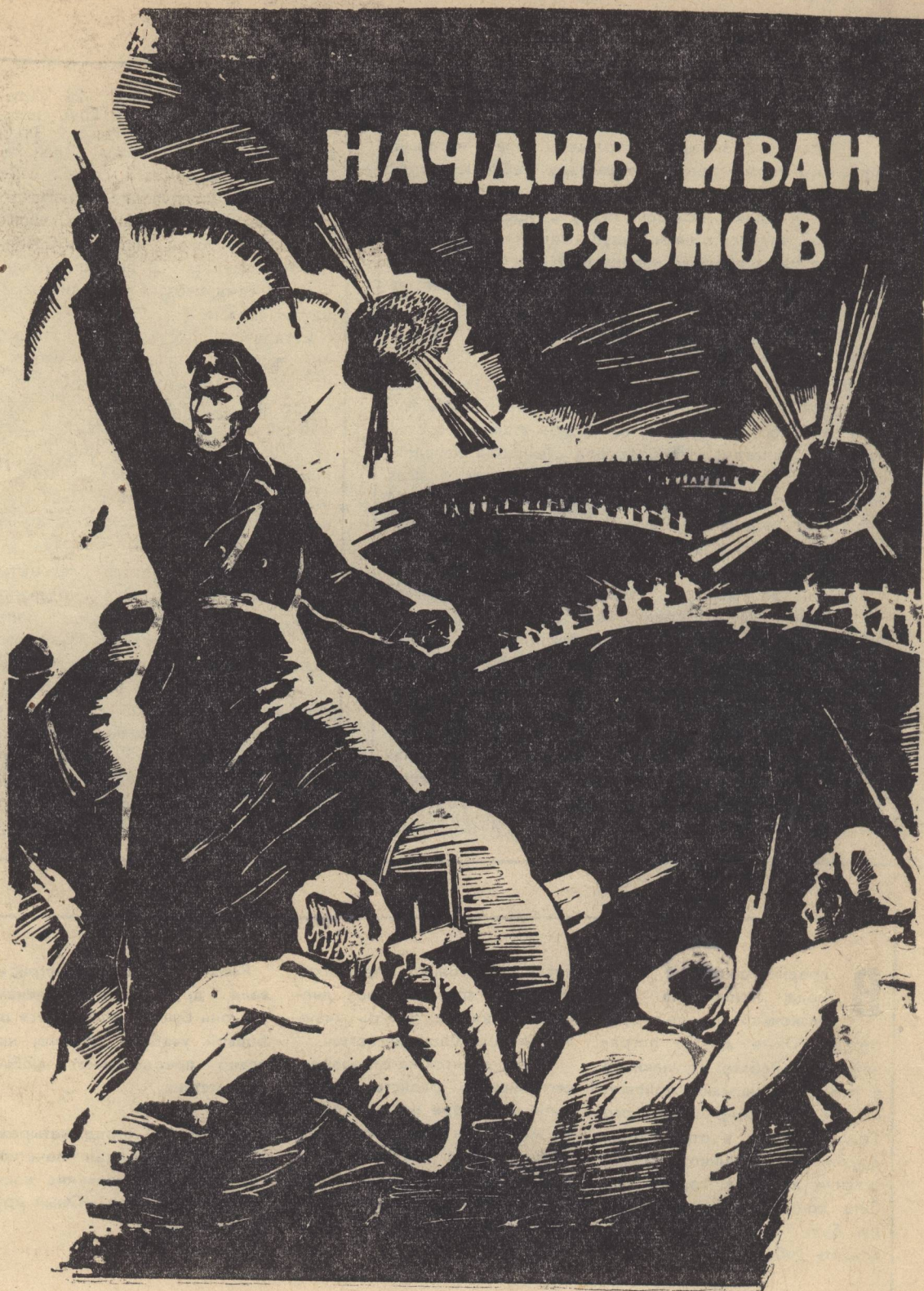
В средней школе № 14 города Ленинакана уже несколько лет действует отряд «Юные друзья пограничников». Ребята, вступающие в отряд, принимают присягу: «Я, юный пионер Советского Союза, вступая в отряд юных друзей пограничников, торжественно клянусь горячо любить социалистическую Родину, быть бдительным, уметь владеть собой в любой обста-

новке, постоянно проявлять высокую сознательную дисциплину, клянусь делать жизнь с товарища Дзержинского».

Отряд делится на отделения: сигнальщики, радисты, следопыты. Во дворе школы создана маленькая контрольно-следовая полоса. Ребята научились узнавать по следу, в какую сторону шел нарушитель, каков его возраст, его вес и рост.

Ребята не раз демонстрировали друзьям-пограничникам, как они быстро собираются по боевой учебной тревоге, как ловко преодолевают любые препятствия.

Пионерский отряд четырежды был награжден почетной грамотой, 22 школьника носят нагрудный значок «Юный друг пограничника».

Однажды в библиотеке Свердловского областного краеведческого музея мне случайно попалась выдавшая виды книжица: «История 262-го стр. Красноуфимского полка 30-й Иркутской им. В. Ц. И. К. дивизии. 1918—1922».

Открыл. На первых двух страничках — краткая биография почетного стрелка этого полка, его организатора и первого командира Ивана Кенсориновича Грязнова.

Фамилия показалась знакомой. Южный город. Я когда-то служил там в части, располагавшейся в городке, который старожилы почему-то звали «Уральскими казармами». От городка к трамвайной остановке и дальше к берегу Днепра вела улица имени Грязнова. Мы, военнослужащие, пытались узнать, кто он, этот Грязнов, чем был знаменит. Но горожане в ответ пожимали плечами: «Не знаем. Сколько лет живем тут, все так зовется...»

Неужели это тот самый Грязнов? Заглядываю в конец книжки. Так и есть: боевые действия и полка, и его первого командира на завершающем этапе гражданской войны были связаны с запорожским Приднепровьем.

Начиналось жизнеописание Грязнова довольно сухо. Но вдруг неожиданное: «Возвратившись по окончании войны (первой мировой.— Примеч. автора) в свое родное село, ведет здесь усиленную агитацию и пропаганду в пользу Совета, за что кулачеством села и прилегающего к нему района избивается до полусмерти и без признаков жизни выбрасывается в чащу леса».

Это произошло на Урале, в бывшем Красноуфимском уезде.

Чуда не было

В июньский ведренный день у видной избы села Поташки остановился конвой.

— Принимай, начальник! — выкрикнул старший конвоя. — В Березовке словили...

Начальник сошел с крутого крыльца волостной управы, оглядел арестованных. Их было двое: один — в гимнастерке без ремня, другой — в матросской тельняшке. Руки связаны, на шеях — удавки, концы их пока на весу, но только рванись — вмиг схватят намертво.

— Та-ак! — выдохнул начальник силовым перегаром, остановясь перед тем, который был в гимнастерке. — Отговорился председательский выкормыш. Что ж... Кончай, ребята!

Засвистали плетки. Под их ожогами арестованные выстояли. Тогда в ход пошла батоги, удавки перехватили дыханье. Горячая дорожная пыль забила глаза...

А жизнь только начиналась. Давно ль и сюда, в уральскую глухомань, загляну-

ла большая весна? Вчерашние батраки Поташек и Березовки, Ногушей и Амеровки стали хозяевами земли. И семена, и кони у них теперь тоже были свои. Никогда так не верилось в скорую сытую жизнь. Отсеялись дружно. После майских дождей солнце быстро согрело землю. Пошли в рост хлеба. В ту пору деревенская беднота, как доброго вестника, встречала молодого агитатора за новую власть, тянулась к нему за советами, делилась нуждами. На народе все величали его по имени-отчеству. Дома — не то. Сестры, как увидели без погон, опять за старое, опять Ванюшкой принялись звать...

А может, и не было муштры в школе прапорщиков? Может, не он, кто-то другой прижимался к земле под осколочным градом, а после первым вскакивал и кричал, не слыша собственного голоса:

— Рота, за мной! В атаку-у!

А сейчас... Били лежачего...

— Амба. Тащи их, — донеслось до угасающего сознания, и все...

Кулаки поднялись сразу чуть не по всей округе. Были сорваны красные флаги в Емашах и Ногушах. Бабий плач, начавшийся в Малых Устиках и Поташках, докатился и до Амеровки. Затворы клацали редко: патроны бандиты берегли про запас. Кололи активистов штыками, били прикладами, бросали живых в могилы и, трамбуя сапогами, кричали:

— Вот вам земля! Вот вам воля!

Первым 14 июня 1918 года против мятежников выступил коммунистический отряд рабочего поселка Арти. Командовал им фронтовик, член РКП(б), Трифон Иванович Шевалдин.

Вслед за артинцами в села, охваченные восстанием, направился Красноуфимский рабочий отряд под командованием Якова Семеновича Анфалова. Тогда же в уездном центре был создан военно-революционный комитет. Во главе его стал председатель Красноуфимского уисполкома Кенсорин Назарович Грязнов, отец Ивана...

Первые донесения от Шевалдина и Анфалова были обнадеживающими. Красногвардейцы за четверо суток выбили бандитов из семи деревень и сел. Но председатель ходил мрачный, ссутулился. «Не сберегли мы, отец, Ванюшу», — слышался старику причитающий голос жены.

Принимая новые донесения из отрядов, предревкома ждал, что вот-вот услышит: «Отбили, Назарыч, Поташки...» Но такого донесения все не было...

Необходимые распоряжения на очередной боевой день отданы. Ревком опустел. Председатель отослал отдыхать и дежурного. Сам остался у телефона. Огня не зажигал, сумерничал. Думы и в эту бессонную ночь шли все о нем, о Ванюше: «Боевым командиром вернулся с войны сын. Уцелел под германскими пулями, а здесь, дома, свои же и порешили...»

Под окнами заржал осаженный с хода конь. Председатель ревкома поспешил на крыльцо. Прибыл связной от Шевалдина. Пакета не протянул. Доложил, с чем ехал, на словах:

— Разбили нас в Ильчигулово. Войско ихнее прет, — ткнул плеткой в сторону юга. — Зарубили Бочкарева, Лобанова, Нефедова. И других товарищей тоже нету. Пособляйте, не то всему делу конец...

20 По небу гуляли зарницы. Рождали их не далекие грозы, а сполохи близких пожаров. 25 июля белочехи ворвались в

Екатеринбург. Неделью спустя красные оставили Арти. Фронт вплотную приблизился к Красноуфимску.

Члены военно-революционного комитета торопились завершить формирование двух регулярных полков РККА. В первый сводились отряды, действовавшие до этого под общим руководством А. Л. Борчанинова. Намечалось, что он займет и пост командира. Но Уралобком распорядился по-иному: утвердил Борчанинова комиссаром вновь создаваемой 4-й Уральской дивизии.

И тогда-то по городу и окрестным селам разнеслась удивительная новость: живым объявился сын Кенсорина Грязнова и теперь командует Первым Красноуфимским полком!

...Когда схватили в Березовке Ивана, его старшая сестра Анастасия кинулась к бандитам, умоляя пощадить безоружного.

— И ты подросла, краля! А этого не хощь! — осклабился Пашка Домрачев и плетью полоснул ее по лицу.

Девушка покачнулась, но тут кто-то сильно рванул ее за руку и протолкнул к городьбе:

— Беги, пока цела!

Вслед за Настей с малым Витюшкой на руках выбежала на улицу Пелагея Ефимовна. Иван и матрос Сергеев, избитые в кровь, были уже связаны. Домрачев процедил с коня:

— Не блажи, старая. Вишь, не трогаем боле. На суд в Поташки поведем.

Мать хотела идти за сыном, но ее остановила Настина подруга, Ася Кузнецова:

— Ох, не надо, тетя Поля! — И потянула Настю: — Лучше мы с нею!

Мать сдернула с головы платок, уткнулась в него и тихо запричитала.

По задворкам пробрались за околицу и дальше бежали не дорогой, а лесными тропами. В пути девушек застала гроза. Ливню только обрадовались: легче проскочить мимо бандитского патруля.

И в Поташках никому из чужих на глаза не попались. Притаившись, постояли под окнами больницы.

Когда стемнело, девушки прокрались к тому месту, где лежали Иван и Сергеев. Подле замученных суетились какие-то люди. Было их четверо, и все низкорослые. По голосу Настя узнала шестнадцатилетнего Максимку Пономарева. Подбежала к нему:

— Куда? Зачем?

— Фельдшер велел. Может, говорит, выживут. Чуете?

— Выживут? Правда?.. Ася, сюда, скорее!

Взялись за носилки, понесли. Максимка повел к бараку, что стоял на отшибе больничных построек.

— Там же тифозные! — испугалась Настя.

— И хорошо! — ответил на ходу Максимка. — К ним бандиты не больно-то сунутся.

Встретив носилки, фельдшер Михайлов распорядился спустить новых «больных» в подполье. Он осматривал их в первый раз по приказу Домрачева еще там, на месте расправы. Тогда заключение сделал быстро:

— Не дышат. Мне, лекарю, тут делать нечего...

— Нечего? Врешь! Бери, кого знаешь, и могилу готовь. К утру, чтоб тут чисто было. Понял?

Схитрил, однако, старый фельдшер: в битых смертным боем еще теплилась жизнь. Но то было часов пять назад. А как сейчас? Хорошо, хоть ливень прошел — умыл, освежил... Фельдшер склонился над телами замученных. Долго не признался ни слова. Но вот распрямился, смахнул со лба испарину и отрывисто приказал:

— Йод. Камфору. Быстро!..

Три недели действовал в Поташках подпольный лазарет, пока бойцы из отряда Чесалина не выбили бандитов из села.

Той же ночью Настю с братом Чесалин переправил в поселок Михайловского завода, к Пелагее Ефимовне. Настя, передав матери брата, сразу кинулась в заводскую контору, позвонила по телефону в Красноуфимск.

— Спасибо, дочка. Спасибо, родная. Ване, Ване приветы, — только и сказал отец.

Вскоре из города прискакал нарочный с запиской от предревкома. И на этот раз Кенсорин Назарович был немногословен. «Рад за тебя. Если на ногах, приезжай ко мне. Ты здесь очень нужен. Жму руку...»

И вот Кенсорин Назарович представил сына членам ревкома.

— Не рано провожаешь, Назарыч? Погляди, и лица на парне нет...

— Не рано, — ответил за отца Иван. — У меня с белыми особые счеты.

— Коли так, помогай нам, — ответили члены ревкома.

Получив мандат, Иван Грязнов выехал в Манчаж, где формировался 1-й Красноуфимский полк РККА. Встретили своего командира земляки, глянули на его бинты, на серое, в желтых пятнах йода лицо, и едва узнали.

Во второй половине сентября 1918 года из Белорецка в район Кунгура пробилась сквозь вражеские заслоны легендарные полки партизанской армии В. К. Блюхера. В 4-ю Уральскую дивизию влились три новые полнокровные бригады. Тогда же была создана и 1-я Красноуфимская бригада, командиром которой стал И. К. Грязнов. В ту пору ему шел двадцать второй год.

На посту комбрига Иван Кенсоринович находился до марта 1920 года. Девять из этих восемнадцати месяцев прошли в напряженнейших оборонительных боях.

Из событий того периода краткая биография героя особо выделяла следующее: «В начале 1919 г. принимает на себя всю тяжесть удара белого командования...»

А где и как это было?

Первые сведения я получил из Центрального государственного архива Советской Армии: «В начале 1919 г. на соседнем с 1-м Красноуфимским полком участке... на стыке 3-й и 2-й армий в рай-

оне г. Осы образовался разрыв, в который устремился противник. Героическими усилиями красноуфимцам удалось закрыть брешь и отразить превосходящего противника».

Тогда же в моих руках оказалась и копия текста поздравительной телеграммы, присланной начдиву Тридцатой членами партийно-следственной комиссии

ЦК РКП(б) и Совета обороны. Ну, а подробности тех памятных боев помогли восстановить ветераны дивизии. Особенно я благодарен за помощь бывшему командиру пулеметного расчета Кузьме Лаврентьевичу Щербакову, о подвиге которого при наступлении на село Дворецкое рассказано в специальной экспозиции Красноуфимского краеведческого музея.

На штурмовые батальоны

Шел первый день нового, 1919 года.

В лесу тишина. Стужа и ветрам прихватила крылья. Дремали под белыми шапками мохнатые ели. Бойцы тяжело шагали переметенным Осинским трактом. Ни полушубков, ни телогреек. Одни шинелишки. Редко на ком валенки, все больше сапоги да ботинки с обмотками...

Отступала 1-я Красноуфимская бригада, спешила к Каме. Своего коня, впряженного в легкие санки, комбриг отдал раненым и, как и все, грелся ходьбой. Думалось разное. Пришла на память слышанная еще от деда Назара примета: как встретишь Новый год, так и проживешь его до конца.

Сияясь побороть леденящую дрожь, Иван Кенсоринovich вышел из колонны, свернул на обочину. Утоптал под ногами крепкую площадку, расправил под ремнем складки шинели, как на смотру. Бойцы увидели живое, открытое лицо комбрига, который, как всегда, был энергичен и бодр.

— Подтянись, подтянись, ребята! — звонко выкрикнул он. — Иль не вас командарм величал орлами Урала? Выше головы, земляки!

Подтянулись командиры. Подтянулись и красноармейцы. Зашагали веселее.

Смотрел комбриг на бойцов и думал, сколько же в них силы, бодрости духа. Полгода в боях. И в каких!

...Колчак наступал. В середине декабря 30-я стрелковая (так теперь именовалась бывшая 4-я Уральская дивизия) сдала Кунгур. Начдив В. К. Блюхер издал строжайший приказ: «Отступить медленно, задерживаясь на каждом рубеже и селении». Так и отходили бойцы Грязнова. Под селом Орда они вновь встретились с Иркутской дивизией полковника

Гривина. Битая ими еще в сентябрьских боях, она только теперь сумела вернуться на фронт.

24 декабря колчаковцы цепями пошли на снежные окопы бригады. Отбивались с восьми утра и дотемна, а ночью контратаковали сами и навязали противнику рукопашную на улицах Орды. И в этот раз красноуфимцы одолели старых врагов и вынудили их уйти на вторичное переформирование.

Но праздновать победу не пришлось. В ту ночь на севере части 29-й дивизии оставили Пермь и отступили за Каму. На левом берегу остались только полки Тридцатой.

В ночь под Новый год Блюхер приказал Грязнову спешно перебросить бригаду в район Осы и закрепиться, чтобы противник не смог с ходу форсировать Каму и вклиниться в стык между частями 2-й и 3-й армий.

Полки в назначенный срок вышли к Каме и стали готовиться к встрече белых. Не опоздала и артиллерия. А сколько хлопот было с ней на марше! Легкие орудия поставили на полозья. Гаубицы после первого перехода разобрали. Стволы приспособились везти на дровнях. Для лафетов мастерили и сани и лыжи всяких конструкций, но они не выдерживали, рассыпались. Гаубичники каждое утро поднимались раньше всех и, подпрягаясь к лошадям, тянули орудия все тем же колесным ходом.

Что и говорить, артиллеристы в бригаде — особый народ. Каждый второй — коммунист. Опытны, бывалы. Тут и ветераны партизанских боев, тут и канониры кронштадтской береговой во главе с комбатом Аркадием Сивковым...

На Осу наступала только что прибыв-

шая на фронт дивизия горных егерей князя Голицына. В ее состав входил и Екатеринбургский полк, шефом которого был сам «Верховный правитель».

«На всем участке 1-го Красноуфимского полка идет жаркий бой. Со стороны противника введены в дело три полка и несколько сотен кавалерии. Все атаки противника отбиты... Перед нашим расположением валяется масса трупов», — доносил Грязнов начдиву на третьи сутки боев.

Иван Кенсоринович вместе с начштаба Георгием Микушевым¹ и начальником оперчасти Федором Бочкаревым безотлучно находился на переднем крае. Не покидал сражающиеся роты и комиссар бригады Мяги.

Отношения с ним поначалу у комбрига не ладились.

Комиссар прибыл в бригаду в октябре восемнадцатого. В армии до этого никогда не служил, был сугубо штатским пи-терцем. К тому же и в годах, в отцы ему, командиру, годился.

Только в боях под Осой и сблизился окончательно Грязнов со своим комиссаром. Пулям Мяги не кланялся, всегда был там, где в первую очередь требовалось призывное слово и личный пример старого партийца.

Утром 8 января над полком Артемьевского нависла угроза полного истребления.

— Сам поведу в контратаку. Иного выхода нет, — решил комбриг.

— Я с тобой, — коротко сказал комиссар.

И вот рядом, впереди всех рванулись навстречу егерским пулям седовласый комиссар и комбриг, ведя за собой бойцов 2-го Красноуфимского. Рядом были они и в гуще штыковой схватки.

...Десять суток не стихали жестокие бои. Но горным егерям Голицына так и не удалось прорваться за Каму и вбить клин в стыки двух армий.

Лишь 12 января подтянулись запоздалые резервы 2-й армии, и только тогда бригада Ивана Грязнова получила долгожданный и заслуженный отдых. Похоронили убитых, переправили в тылы раненых. Настало время и о себе, о живых

Иван Грязнов. Екатеринбургское коммерческое училище. 1912 г.

невредимых подумать. Тепла — ничего другого так не желалось.

В деревнях за Камой, куда отошли полки, закурились дымки над банными избушками. Потом самоварничали, отсыпались, снимали трехнедельную щетину. И вдруг:

— Поднимайся! Трево-ога! — понеслось от избы к избе.

Бригада получила приказ: «В кратчайший срок, любыми силами, в любом составе выйти в район Очерского завода». Чем вызвана такая спешка — не объяснялось.

И снова двинулись по морозу, по заснеженным узким проселкам.

На ночлег как в первую, так и во вторую ночь в деревни не заходили. Ложились в снег при кострах, при них и поднимались. Сборы под звездной крышей проходили куда быстрее. Комбриг опять торопил и торопил полки.

К вечеру 18 января 1-я Красноуфимская бригада достигла места назначения. Старший квартирмейстерского разезда на ходу доложил, что Блюхер уже здесь, в Очерском заводе, и что полки могут

¹ Г. Микушев впоследствии стал генерал-майором и погиб в первые месяцы Великой Отечественной войны, командуя стрелковой дивизией.

нынче заночевать в поселке и окрестных деревнях.

Грязнов немедленно направился к начдиву.

— Молодец, комбриг! Молодец, что и говорить! — по-братски просто встретил Блюхер. — За Осу спасибо, а еще больше за то, что к нам в Очер в самое время подоспели.

Расспросил о потерях, о настроениях бойцов. Прошелся по горенке раз, другой и остановился.

— Активных штыков не густо. Знаю, досталось вам, — начдив положил на плечо Грязнову руку. — А теперь садись, Иван Кенсоринович, и слушай... Наши разведчики перехватили приказ Пепеляева. Генерал грозит разбить дивизию. Части 1-го Сибирского корпуса с рассветом пойдут на Павловский и Очерский заводы. Главный удар будут наносить штурмовые батальоны.

— Это те, которых Колчак своей гвардией называет?

— Они. Ударная бригада полковника Рубановского сосредоточилась здесь, в Дворецком, — придвинув карту-десятиверстку, указал Блюхер. — Наша задача — перехватить, разбить ее батальоны на пути до Очера и взять Дворецкое. Нужен сильный упреждающий удар. Будет он — будут спутаны все планы Пепеляева...

В 3.30 19 января полки были уже подняты. Бойцам 2-го Красноуфимского предстояло следовать к Дворецкому по короткому, прямому пути.

— Везет тебе, Семеныч. Топать много не придется, — перед расставанием Артемьевский поддел Анфалова. — Должно быть, опять пожалел комбриг одного.

— Говори! — отшутился Анфалов. — Просто побоялся, как бы ты пятки не смазал, без деревяшки-то...

Задачи у каждого полка были не из легких: одному принимать на себя лобовой удар штурмовиков, другому — после маневра по лесам, по снегам завершать дело контратаки с фланга и тыла.

Прошло несколько часов. Поздний зимний рассвет только-только высветил белую колокольню церкви на западном краю Дворецкого, как от села донесся звенящий хруст снега.

— Приготовиться! — пролетело по це-

пи первого батальона. Анфаловцы взялись за винтовки.

Наступающих пока никто не видел, но печатный ритм их шагов нарастал и нарастал.

Красноармейцы поспешили открыть огонь. Далекие залпы не нанесли штурмовикам урона, скорее даже помогли им заранее, без суеты, словно на показном учении перестроиться в цепи и так же ловко начать сближение.

Да, то были отборные головорезы Колчака. Они дрались до конца и пока еще не знали поражений. У них была особая тактика — никогда не ложиться в атаке, наступать, расстреливать и опрокидывать противника, шагая в полный рост.

Первый батальон не выдержал натиска, и марширующая лава штурмовиков перекатилась через его наспех вырытые снежные окопы. Два других оказались более стойкими, панике не поддались и встретили врагов дружным и метким огнем. Но штурмовики и тут не пригнулись. В снег зарывались только сбитые пулями. Остальные шли и шли в рост, перекатами, цепь за цепью, держа равнение и заполняя места убитых.

Заговорили орудия артиллеристов Аркадия Сивкова. Красноармейцы почувствовали себя увереннее. Но и снаряды не остановили штурмовиков: как заведенные, они шли и шли напропалую.

Анфалов нетерпеливо глядел на часы: вот-вот уже с тыла и фланга должен был ударить Артемьевский.

Комбриг не ошибся в расчете времени общей атаки. Полк Артемьевского успел выйти во фланг и в тыл колчаковцам. Заслышав отзвуки боя у себя в тылу, штурмовые батальоны замедлили шаг, пришли в замешательство на какое-то мгновение, и этого мгновения оказалось достаточно. Анфалов ударил с фронта, и штурмовые батальоны впервые залегли. Стрелки часов показывали девять утра. Это еще не была победа, но это уже было начало разгрома штурмовых батальонов.

О самой победе Анфалов смог доложить комбригу лишь около двенадцати дня. Сильно припадая на протез, он прошел улицами только что освобожденного Дворецкого. А у бойцов еще было по горло дел: тушили пожары, подбирали убитых и раненых, вылавливали и разоружали разбежавшихся колчаковцев...

Немалой ценой заплатили бойцы 1-й Красноуфимской бригады за победу под Дворецким, но сила примера была огромна.

Перешла в наступление 3-я бригада Ивана Павлищева. К исходу суток ее 1-й Уральский полк вернул обратно Нытву.

За ним ударили в штыки красноармейцы бригад Каширина и Томина и прорвали белогвардейский фронт на правом фланге и в центре.

А там и красные конники Галунова, Карташева и Фандеева дали волю застоявшимся коням...

«Братский привет славным бойцам вашей дивизии, разгромившим штурмовые батальоны врагов родной России. Ста-

лин. Дзержинский» — так отметили геройский порыв Тридцатой члены комиссии ЦК РКП(б) и Совета обороны.

«Привет тебе, Красный Урал»

Газеты звали, звали вперед. «Товарищи, все на Урал! Уральский хребет ныне — главная баррикада Рабоче-Крестьянской России! Весь Урал к зиме должен быть наш! Солдаты Красной Армии, на Урал, на баррикаду!..»

Иван Грязнов не видел еще, чтобы люди так жадно тянулись к газетам. И «Правда», и «Красный набат», и дивизионный «Красноармеец» переходили из рук в руки.

Когда в предрассветные сумерки 5 июня 1919 года комбаты и ротные властным «Даешь Урал!» подняли бойцов из окопов, все были уверены в победе.

Тридцатая пошла безудержно вперед. К исходу вторых суток наступления 1-я Красноуфимская бригада, выбив колчаковцев из Нового и Старого Колесура, из Селт и Сектыря, сосредоточилась в районе деревни Шадринка. Около полуночи Иван Кенсоринович Грязнов открыл совет командиров. Решали, как вернее брать опорный пункт Узи, как развивать наступление завтра и в последующие дни.

Под чистым июньским небом о том же толковали и бойцы.

Колчаковцы еще сопротивлялись. Узи, как и Селты, по несколько раз за день переходили из рук в руки. На стороне врага оставался перевес в силах. Но наступающие были неизмеримо сильнее морально. На самые тяжелые участки боя

по-прежнему шли коммунисты. На пулеметах их было уже по девять из десяти. Партийцы первыми ударили в штыки, увлекая за собой остальных.

Пять долгих месяцев понадобилось колчаковцам на то, чтобы пробиться от Камы к берегам Вятки. Обратный путь под ударами частей 3-й армии они проделали куда быстрее. Уже 21 июня 1919 года в журнале боевых действий 30-й дивизии появилась запись: «Части 1-й бригады вышли на линию правого берега реки Камы от деревни Казанка до деревни Родинка».

Зимой бойцам Грязнова Кама как-то не приглянулась. Замерзшая, переметенная снегами... Да и до любований ли было? Теперь — не то. Стояло лето, и не отступали, а шли с победой.

— Так вот ты какая! И впрямь красавица! — долго смотрел на Каму комбриг.

Началась ускоренная подготовка к форсированию. Надо было подтянуть тылы, разыскать мастеров по ремонту катеров, отбитых у белых, наладить связь плотов и доставку лодок из окрестных деревень, а главное — тренировать и тренировать группы десанта.

Вечером 30 июня комбриг пришел к землякам. Начать форсирование Камы он решил силами родного 262-го Красноуфимского полка. Бойцы отдыхали на по-

лянах, под разлапистыми елями. В каждой группке шумно, в каждой толковали про свое, но увидя комбрига, все потянулись к нему. Потом, не сговариваясь, затянули песню. Сложили ее артинцы 3-й роты, сложили о себе, о родном заводе, но песня всем пришлось по душе, незаметно стала любимой во всем полку.

Запели сначала тихо, а потом все громче и громче.

За Камой, там, в предгорьях Урала,
Где черный бор к забвению ведет,
Где тишина траву заколдовала,
Стоит старинный Артинский завод...

Песня была долгой: с каждым памятным боем к ней добавлялись новые и новые строки.

«А что-то сложат песенники после Камы? — думалось Грязнову. — И как все будет там, на уральском, нашем берегу?»

Разведка приносила обнадеживающие сведения. Боеспособность полков армии генерала Гайды катастрофически падала. Некоторые части ждали красных уже не для борьбы, а для скорейшего перехода на их сторону. Вот и вчера разведчики доставили любопытный документ.

«Товарищи! — обращались солдаты одного из закамских полков. — Как можно скорее гоните белую шантрапу. Но очень не стреляйте. Мы офицеров сами перестреляем, добровольцев и штурмовиков тоже. А мобилизованных не троньте, потому что они насильно из деревень выгнаты с пулеметами. Так вот, товарищи, в добрый час! Забирай Пермь!»

«В добрый так в добрый! Меньше крови, меньше смертей. Быстрее Урал вернем, быстрее до своих дошагаем, — подумал комбриг. — Но с кем-то свидеться удастся?» Опустил руку на полевую сумку. Хотел было достать «Красный набат» с короткой заметкой «Герои нашей борьбы», но передумал: что в ней писалось, знал уже на память.

«27-го июня в Вятской губернской больнице от тяжелой болезни скончался заведующий губернским пленбежем Кенсорин Назарович Грязнов... Он всей душой рвался на Урал, где осталась его семья, с которой он потерял всякую связь еще в мае 1918 года... Спи спокойно, старый товарищ! А завтра вершинам Урала и твой дорогой семье мы скажем:

— Привет тебе, Красный Урал!»

— Теперь, ребята, самое главное — быстрота и смелость. Как только форсируем, не волнуйся, не кланяйся пулям. Вискакивай на берег, бей, коли...

Десантники сели в лодки, оттолкнулись от берега и поплыли, загребая неслышно, без всплесков. Прошли фарватерные знаки. Отчетливо обозначился вражеский берег. Взвилась ракета. Артиллеристы приняли сигнал и послали за реку первые снаряды.

Гребцы налегли на весла. Еще минута, другая, и лодки разом шаркнули по песку днищем. Красноуфимцы ринулись на штурм неприятельских окопов. Впереди — комбриг, все в той же старой шинели, в потертой кожаной фуражке.

Форсировав Каму одновременно у села Туродачий, у Оханска и у Усть-Нытвы, бригады Тридцатой устремились к Юговскому заводу, а затем вышли на линию железной дороги у станции Мулянка и 52-го разъезда. Пути отступления колчаковцам из Перми на Кунгур были отрезаны.

Тогда-то близ села Болгари частям 1-й бригады и сдались без единого выстрела два белогвардейских полка. Мобилизованные сдержали свое слово.

1-го июля 1919 года 29-я стрелковая дивизия освободила Пермь, а передовые батальоны 21-й вступили на улицы Кунгура.

— Наши идут! — летела по городам и поселкам Урала радостная молва.

Кратчайшим путем через Красноуфимск на Екатеринбург наступала 28-я стрелковая дивизия под командованием Владимира Азина. Дороги Тридцатой к столице Урала оказались более долгими, но и ее полки успели стать участниками парада войск победителей, который проходил на Верх-Исетской площади только что освобожденного Екатеринбурга.

Там и разыскал Грязнова порученец Азина.

— А вас уже ждут, товарищ комбриг, сестры¹. Справлялись в штабе. Вот и адрес. Спешите проведать.

— Визовская больница? Знаю, найду. Спасибо, друг.

Больничный адрес не смутил Ивана Кенсориновича: Настенька ведь медич-

¹ Старшие сестры И. К. Грязнова: Анастасия Кенсориновна, член КПСС с 1920 г. и Анна Кенсориновна, член КПСС с 1919 г. — ныне персональные пенсионерки, живут в Свердловске.

ка, а Аня, видать, в помощницах при ней. Но как попали сюда?

И вот встреча. Нелегкой оказалась она. Старшая сестра не врачевала больных: тиф подкосил и ее. Исхудавшая, с отметинами рваных ран на лице, Настя только дотронулась до алой ленточки на груди брата, залилась слезами и, ничего не сказав, снова впала в беспамятство.

Такой была встреча со старшими сестрами. А каким-то окажется свидание с матерью?.. Поездка разрешена. Сам начдив выхлопотал для Грязнова разрешение на отпуск.

К проводам отпускника готовилась

вся бригада. В каждой роте строчили и строчили письма. Впервые после почти годичной безвестности бойцы и командиры получили возможность дать знать о себе родным и близким.

Перед отъездом комбригу вручили объемистый мешок почты. Но он не казался таким тяжелым, как полевая сумка. Ее везти было куда труднее. Там, рядом с сообщением о кончине отца, лежал и обширнейший список всех тех земляков, которые сами уже ничего и никому не могли сказать о себе ни словом, ни письмом...

За стремительным броском красноуфимцев Грязнова от Урала к Тоболу и от Тобола к берегам Байкала следить было уже легче. Работая над документами в ЦГАСА (Центральный государственный архив Советской Армии), я встретил немало актов о боевых подвигах бойцов и командиров, подписанных в те месяцы комбригом 1-й и его комиссарами.

В числе первых был представлен к награждению орденом Красного Знамени командир кавалерийского дивизиона бригады, нынешний маршал и дважды Герой Советского Союза К. К. Рокоссовский. На дальних подступах к Омску отличился и помкомандира 262-го стрелкового полка Т. И. Шевалдин, а в январских боях 1920 года проявили себя героями командиры двух других полков бригады — И. К. Смирнов и В. И. Кузнецов (все они впоследствии стали генералами Советской Армии и с честью прошли через сражения Великой Отечественной войны).

А чем прославился сам Иван Кенсо-ринович в ту победную пору? В начале января 1920 года, рассказывают строки краткой биографии, он «стремительным ударом занимает г. Ачинск и по захваченному здесь телеграфу командует белыми генералами, направляя их армии в сеть красных частей, благодаря чему пленит целиком 3-ю армию противника и вынуждает на капитуляцию гарнизон г. Красноярска во главе с генералом Зиневичем».

Записи этих переговоров красного комбрига с сановитым генералом я нашел в Свердловской государственной публичной библиотеке. Для истории их сохранил сборник документов «Последние дни

колчаковищины», изданный Госиздатом еще в 1926 году. Но, конечно, опять захотелось большего, потянуло узнать, как был захвачен телеграф, как держался сам Грязнов, «командуя белыми генералами...»

Увы, шли годы, а поиски непосредственных участников столь примечательного эпизода не давали никаких результатов. И вдруг — бывает же такое! — вскрываю письмо, пробегаю начальные строки: «Из истории гражданской войны на Урале и в Сибири припоминаю следующий случай...» Да, именно ачинский, телеграфный!

Терять времени не стал. При первой же возможности наведаясь в Златоуст к бывшему помощнику начальника штаба 1-й Красноуфимской бригады Николаю Васильевичу Воскресенскому. Тогда же, в декабре 1965 года, мой архив обогатился и другой редчайшей находкой — подлинником письма И. К. Грязнова к матери.

У аппарата «генерал Пепеляев»

Полки Ивана Грязнова в броске на Томск не участвовали, и к вокзалу Тайги подкатили словно пассажиры. Бригада находилась в дивизионном резерве.

Иван Кенсоринович теперь квартировал один. Со своим комиссаром-питерцем Мяги распрощался еще до Оби. «Старика» отзывали на работу в центр.

Как-то вечером комбриг засиделся за книгой. В дверь постучали. Перед Грязновым появился высокий военный в малахе, барчатке, синеокий, улыбающийся. Представился:

— Сергей Кожевников. К вам комиссаром.

Разговорились. Оказалось, они погод-

ки и почти земляки, по Екатеринбург... Кожевников приехал поступать в институт, да студент из него не получился: захлестнула политика, молодой учитель стал большевиком и с головой ушел в партийную работу.

Дни Октября встретил депутатом Совета, разоружал контрреволюционеров, ведал финансами, а когда вспыхнул мятеж белочехов, вместе с И. М. Малышевым выехал на фронт под Златоуст. Вернувшись в Екатеринбург, нес охрану особняка, в котором содержался под стражей низложенный Николай Романов.

— Да, не биография у тебя — романтика! — заметил Грязнов и тут же напрямую спросил: — А не заскучаешь у нас? Работы почти никакой. Плетемся в хвостах, с пленными да тифозными только и возимся.

— Не бойся, пошагаем и первыми. Сибирь, она вон какая! — кивнув на карту, успокоил Кожевников.

Не ошибся комиссар. Прямо со станции Тайга 1-я Красноуфимская бригада была выдвинута в авангард наступающих войск Восточного фронта. 28 декабря бойцы Грязнова выбили колчаковцев из Мариинска, а в первый день нового, 1920 года достигли окраин Ачинска. К ночи сопротивление противника было сломлено. Семитысячный Ачинский гарнизон капитулировал. Бои не утихли лишь в районе вокзала.

Там и отыскал Ивана Кенсориновича помначштаба Николай Воскресенский.

— Товарищ комбриг! — доложил Воскресенский. — Нами занят телеграф. Пепеляев утек, а из частей все еще запросы к нему идут. А как отвечать, не знаем.

— Показывай дорогу! — приказал Грязнов.

У почты спешили. Воскресенский распахнул дверь в большую комнату. Доносился стрекот работающих аппаратов. Телеграфисты разом поднялись.

— Не отстучали еще, что Ачинск наш? — строго спросил Грязнов.

— Не велено было, — отчеканил долговязый, покосившись на помначштаба по разведке Онегина.

— Добро!

С помощью Онегина Иван Кенсорино-

вич разобрался, из каких частей идут депеши, внимательно перечитал их.

— Начинайте так: «У аппарата генерал Пепеляев...»

Телеграфисты послушно застучали ключами.

— Ваши доклады изучил, — твердым голосом диктовал комбриг. — Обстановка усложняется. Приказываю немедленно выйти из тайги и сосредоточиться под Ачинском в следующих пунктах...

Провода унесли приказ. В телеграфной несколько минут было тихо. Но вот включился один аппарат, за ним — другой, третий. Командиры белогвардейских частей, как сговорившись, просили разъяснить, чем вызвана столь неожиданная передислокация.

Тон новой депеши «генерала» был гневным:

— Вы знаете, я не люблю рассуждений, когда дело идет о выполнении моих приказов. Организуйте движение частей в указанных направлениях, а самим по прибытии немедленно явиться ко мне. Пепеляев.

Ранним утром разведка донесла, что части противника в точности выполняют приказ и уже сосредоточиваются в назначенных местах. Оцепив весь этот огромный район, красноармейские батальоны поднялись в атаку. Опешившие колчаковцы не сопротивлялись. Пленных оказалось около двенадцати тысяч.

А телеграф все работал. Теперь на проводе был лежавший по ту сторону Красноярск. Первым в переговоры с эсэром Колосовым вступил комиссар бригады Сергей Кожевников. Представитель «Комитета общественной безопасности» взмолился:

— Ваше слишком быстрое продвижение сюда, по дороге, сплошь занятой остатками отступающей армии, принесет мирному населению много лишних испытаний.

Советский военком ответил:

— Наше быстрое продвижение вперед — облегчение, а не испытания крестьянству, поголовно выпоротому и ограбленному белой армией.

За Колосовым к аппарату подошел начальник Красноярского гарнизона генерал Зиневич. Грязнов предупредил, что ни в коем случае не оставит в покое полки и дивизии отступающей колчаковской армии, а генералу — если он надеется еще сохранить свою жизнь — предложил разоружить войска гарнизона и подготовить их к безоговорочной капитуляции.

Зиневич принял условия. Это был, пожалуй, единственный в истории гражданской войны случай, когда неприятель сдавал такой крупный город... по телеграфу. В последнюю минуту генерал спохватился:

— Позвольте узнать ваш чин и фамилию.

— Чинов у нас нет, — ответил комбриг. — Фамилия моя — Грязнов.

4 января полки Тридцатой встретили уже в Красноярске. Колчаковская армия прекратила свое существование. Только жалкие остатки каппелевцев сумели уйти тайгою на восток.

Близ Красноярска бойцы Грязнова пленили и самых заклятых своих врагов — Красноуфимскую добровольческую бригаду Рычагова. Среди пленных отыскался и Пашка Домрачев. Советский военный трибунал воздал ему по заслугам.

14 марта 1920 года Иван Кенсоринович Грязнов вступает в командование 30-й стрелковой дивизией и в Иркутске «захватывает своими частями весь золотой запас Колчака и передает его государству».

А вот и заключительные строки биографии. Они переносят нас в места, с упоминания которых начался этот рассказ: «К исходу 1920 г. бросается со своей дивизией на Южный фронт, творит с ней чудеса храбрости и геройства в районе Мелитополь — Чонгар...»

Снова поездки, розыски редких документов, встречи с ветеранами и новые письма от них. С особым вниманием храню воспоминания умершего в позапрошлом году в г. Осе генерал-лейтенанта в

отставке Степана Николаевича Богомякова. Будучи начальником штаба 30-й стрелковой дивизии, он вместе с И. К. Грязновым был на приеме у М. В. Фрунзе перед атакой Чонгара.

«Республика смотрит на вас!»

9 ноября М. В. Фрунзе, совершив объезд войск фронта, созвал в штабе 4-й армии военный совет. Начдив Грязнов и начальник штаба Богомяков выехали на станцию Рыково. По дороге ломали голову, как доложить командующему о трудностях атаки Чонгара, как добиться получения понтонов, тяжелой артиллерии и многого другого, но, прибыв на место, забыли про все свои нехватки: поразили вести из армии Корка.

Наступательные действия на Перекопском направлении, оказывается, развернулись еще вечером 7 ноября. Три часа на пятнадцатиградусном морозе полки и бригады месили непролазную грязь Сивашей, чтобы затем внезапно ударить в штыки на кубанцев генерала Фостикова и к 8.00 8 ноября очистить от противника почти весь Литовский полуостров.

Днем 51-я дивизия Василия Блюхера пошла на штурм Турецкого вала. Три дневные атаки захлебнулись. Четвертая, ночная, принесла победу.

Свалилась с плеч гора — Перекоп взят! Но Фрунзе хмурился. Ворота в Крым и теперь не открылись. Войска остановились перед сильно укрепленными Ишуньскими позициями. Прорвать их с ходу не удалось. Сюда уже переброшен конный корпус Барбовича. Агентурная разведка сообщает, что и Донской корпус готовится перейти от Чонгара к Ишуню.

— Надо немедленно и одновременно атаковать Крым и со стороны Перекопа, и со стороны Чонгара, — сказал Михаил Васильевич, открывая военный совет. — Иначе еще одна зима военных действий в обстановке хозяйственной разрухи...

Командующий сделал паузу, обвел взглядом присутствующих и, отыскав примостившегося в дальнем конце стола Грязнова, задержал взгляд на нем. Фрунзе знал, что между уральцами 30-й и 51-й и на Восточном фронте было здоровое соперничество. Каждая из дивизий стремилась превзойти другую в воинской доб-

лести, но в то же время меж ними всегда был силен дух дружбы и боевого товарищества. И сейчас, когда бойцам Блюхера невероятно трудно, кому как не тридцатникам прийти на выручку. Но сумеют ли? Больно уж молод их новый командир. Не дашь ему и настоящие его двадцать три года. Худоба, кожа да кости, и ростом не вышел: совсем парнишка.

— Вся Республика смотрит на вас, — медленно и с какой-то особо подкупающей теплотой проговорил Фрунзе.

Молодой начдив пружинисто поднялся, выдержал прищуренно-испытующий взгляд командующего: «Ишь ты, словно вырос на глазах», — отметил Михаил Васильевич и со всей прямоотой и строгостью спросил:

— Можете ли вы выполнить стоящую перед нами задачу?

— Вверенная мне дивизия состоит из лучших революционных пролетариев Урала, из закаленных сибирских партизан. Тридцатая выполнит задачу, — ответил Грязнов.

— Верю, — кивнул Фрунзе и, словно угадав мысли начдива, добавил: — Из тыловых дивизий передаю вам на усиление гаубичную и тяжелую артиллерию. Богаче станете, но... смотрите, как бы 51-я не опередила вас.

В штабе Грязнов оставаться больше не мог. Поручив начальнику штаба получить все обещанное, выехал в дивизию и вместе с военкомом Романовым тотчас же направился в бригады.

Как ни любил Иван Кенсоринович части своей кровной Красноуфимской бригады, как ни гордился ими, но не забывал, что они только младшие братья в семье полков дивизии. Бойцы 268-го стрелкового — первоуральцы. С марта восемнадцатого под ружьем. От них и пошли на Урале все другие регулярные полки РККА. А ветераны 266-го? Они еще красногвардейцами бились с Дутовым. В рядах Коммунистического батальона

Екатеринбурга поднялись на борьбу с белочехами и в первых же схватках с ними заслужили право носить имя уральского большевика Ивана Михайловича Малышева...

Пришпорили коней и через час с небольшим добрались до 3-го батальона 268-го стрелкового полка. Вчерашнюю свою стоянку он сменил, передислоцировавшись в полуразрушенную кошару недалеко от Сивашского моста. Среди бойцов был и комбриг Окулич.

— Что за передислокация, Александр Константинович? — напустился Грязнов. — Там и обогреться люди могли, а здесь?

— Здесь теплее, здесь к Крыму ближе, товарищ начдив, — ответил за комбрига рыжебровый веснучатый боец, державший лопату над огнем самодельного камелька.

— Я вас спрашиваю, Окулич?

— Ругал уж их, но слышали гул орудий с Перекопа, заспешили сюда. От новой печи, что сами сложили, отказались, и маются вот с лопатами...

— Сегодня — праздник, — вступился опять рыжебровый. — Муку вот по фунту с четвертью на брата получили, а то все ячменем перебивались. Бог с ним, с варевом. Лепехи быстрее получаются...

— О чем тут спрашивать, начдив? — проговорил за спиной военком.

— Вижу, — ответил тихо и, возвысив голос, обратился уже ко всем:

— Верно действуете, первоуральцы! Пора вперед, пора в последние атаки!.. Фрунзе говорит, вся страна, сам Ленин смотрят на нас!

От Окулича начдив с военкомом поехали в бригаду Калмыкова.

266-й Малышевский полк уже второй день стоял на отдыхе в развалинах хутора Васильевского. Высокий, худой, со следами оспин на костистом лице комполка Аронет встретил начальников неприветливо.

— Ты что не в себе, Владимир Андреевич?

— Да так, — положив руку на эфес неизменной спутницы-шашки, ответил

Начальник Военно-Воздушных сил РККА Я. И. Алкснис и заместитель начальника управления механизации и моторизации РККА И. К. Грязнов.

Аронет. — Без дела мерзнем, без хлеба сырую конину зубами рвем.

— А за пролив не хочешь больше?

— За пролив? — переспросил Аронет. — Хоть сейчас!

— Вот теперь человек-человеком, а то как ворон...

Все светлое время следующих суток Иван Кенсоринович провел в разъездах от переправ в полки второго эшелона и обратно. Наведывался также в тылы, куда уже стали подтягиваться гаубицы и дальнобойные орудия. Фрунзе не поспешил; передал на усиление дивизии 12 тяжелых орудий и 8 легких. Двадцать стволов, да плюс своих двенадцать — это сила!

К 24.00 10 ноября части прорыва сосредоточились в исходных пунктах.

Ночь выдалась на редкость темная. С моря надвинулся густой туман. Проекторы врангелевцев тщетно пытались пробиться сквозь его толщу. Лютый холод пронизывал до костей, заочевшие руки слушались плохо, а надо работать и работать, набирать побольше патронов, подгонять амуницию и оружие, подвизывать надежнее котелки, чтобы не было лишнего шума.

На Тюп-Джанкойском направлении первым к форсированию пролива приступил 226-й рабочий имени Малышева

стрелковый полк. Один за другим, балансируя по скользкому и уходящему из-под ног в воду мостику, бесшумно шли и шли малышевы, таща на себе ручные и станковые пулеметы. Многие срывались и падали. Спасти их не успевали.

В 5.10 дивизионная артиллерия открыла огонь по первой линии Тюп-Джанкойских укреплений врага. Продолжительность обработки переднего края была значительно сокращена. Орудия пробili лишь в нескольких местах проходы в проволочных заграждениях и перенесли огонь в глубь врангелевской обороны.

О резке проволоки не могло быть и речи. Времени оставалось в обрез, да и ножниц со всей дивизии было собрано и передано в полк тринадцать пар. Бойцы топорами, прикладами и штыками рвали «колючку», кидали на нее шинели и налегке уже бежали к окопам врага. За все это время они не произвели ни единого выстрела, не услышали ни одной громкой команды.

За атакующим полком проворно поспевали телефонисты. По дну пролива они проложили три нитки проводов и обеспечили надежную и устойчивую связь.

В 6 часов 20 минут В. А. Аронет доложил на северный берег:

— Коротким штыковым ударом без единого выстрела противник выбит из первой линии укреплений. На его плечах ворвались и во вторую...

Теперь уже тишины не было. С крымской стороны донеслось могучее красноармейское «ура». Комбриг Калмыков немедленно пустил на переправу 267-й Горный полк, а 265-й Уральский сосредоточил в укрытиях у моста. Саперы к этому времени успели навести вторую нитку бревен, что ускорило переброску пехоты.

В 7 часов 20 минут последовал новый телефонный доклад командира малышевых:

— Полк занял деревню Тюп-Джанкой и с боем продвигается дальше. Каждую пядь земли отвоевываем с громадными жертвами...

На участке 90-й бригады дела сложились хуже. Ночные атаки Таганашских укреплений врага закончились почти безрезультатно, а днем наступать по насквозь простреливаемому мосту и дамбе — бессмысленно.

Убедившись, что Тюп-Джанкойское направление становится решающим, начдив Грязнов приказал комбригу Окуличу

оставить у Сивашского железнодорожного моста батальон первоуральцев, а всеми остальными силами поддержать боевые действия полков Калмыкова.

Погода наконец-то смилостивилась. Свинцовые тучи перестали давить землю, ушли куда-то. Стихли ветры. Небо засияло удивительной синью и ярким, до рези в глазах солнцем.

По залегшим на голой равнине уральцам из Джандавлета ударили полевые пушки, с Таганаша забили тяжелые. Едва улеглось снарядное уханье, на равнину высыпали офицерские эскадроны Донского корпуса, за ними со штыками наперевес повалила пехота Корниловского и Марковского полков.

В этот момент перед горсткой уцелевших бойцов вырос Аронет. Широко расставив ноги, держа наготове и маузер, и шашку, он скомандовал:

— Стрелять только прицельно! Храните гранаты для ближнего боя!

Рослый, в длиннополой распахнутой шинели, в фуражке, заломленной на затылок, командир удивлял и вдохновлял бойцов тем, что не берет его ни осколки, ни пули. Пропала оторопь, каждый старался стрелять расчетливо. Но патронов все меньше и меньше. Дальше-то чем драться?

— Не паниковать! Боеприпасы будут! — властно прогремел Аронет.

Глянули назад бойцы и глазам не поверили. От Авуз-Кирка к передовой катила запряженная парой гнедых бричка. Упряжкой правила девушка. Вот она резко осадил лошадей, повернула влево и принялась раскидывать цинки с патронами:

— Кому нужны? Разбирай!

Свистели пули, близко рвались снаряды, но девушка, не обращая на них внимания, раскидывала и раскидывала цинки.

Кто, откуда она? По чьему приказу кинулась в самое пекло? В горячке боя расспрашивать было некогда, а потом она бесследно исчезла. Искали, но не нашли. Так ничего о ней и не узнали...

А к вечеру вступил в действие мост через Чонгар. Саперы сразу же пропустили по нему патронные двуколки. Затем прогромыхла артиллерия, стремительно пронесся конный полк дивизии. Прочность положения 30-й на Тюп-Джанкойском полуострове стала бесспорной.

К исходу суток противник полностью

утратил боевую активность. Грязнов отдал приказ частям передовой линии возобновить наступление и, нанеся удары с востока и юга, выйти в тыл Сивашской группе.

На рассвете полки 30-й дивизии двинулись свободным маршем по крымской земле на юг, к морю. Перед новой дорогой начальник штаба Богомягков доложил начдиву, что части 51-й дивизии имени Московского пролетариата «прорвали последние Ишуньские позиции белых и твердой ногой вступили в чистое поле Крыма».

Иван Кенсоринович улыбнулся радостно и сказал Богомягкову:

— Степан Николаевич, передайте Блюхеру: 30-я Иркутская дивизия, форсировав Чонгарский пролив, преследует противника в направлении на Джанкой.

...После всего пережитого казалось бы должна прийти и усталость, но бойцы и командиры были бодры, веселы. Они выполнили приказ Фрунзе. Республика могла смотреть на них с любовью и гордостью.

Молодость Ивана Грязнова прошла в боях и походах. Было ему тогда чуть за двадцать. По нынешним временам возраст самый комсомольский. А после гражданской войны ученик В. К. Блюхера, М. В. Фрунзе и других замечательных пролетарских полководцев Иван Грязнов стал крупным советским военачальником. Он был заместителем начальника Управления механизации и моторизации РККА, командовал войсками Забайкальского и Среднеазиатского военных округов, входил в состав Военного Совета Народного Комиссариата Обороны СССР.

Ну, а «Уральские казармы», а улицы Грязнова в городе на Днепре? Какое отношение они имеют к 30-й стрелковой дивизии и ее командиру?

Самое прямое: в тех казармах после гражданской войны и разгрома махновщины расквартировали воинов одной из бригад дивизии, и тогда-то горожане называли казармы «Уральскими». А комкор

И. К. Грязнов — командующий Забайкальским военным округом. 1935 г.

И. К. Грязнов, заслуживший «за великие труды и подвиги много высших наград от рабочих, крестьян и их правительства», долгие годы берег скромную выписку из постановления Запорожского губисполкома от 6 ноября 1922 года о переименовании в честь 5-й годовщины Великого Октября одной из улиц города Запорожья в улицу имени Грязнова.

Название это, по чистой случайности, не было упразднено даже после того, как герой-командир пал жертвой необоснованных репрессий. Одна из больших улиц индустриального Запорожья зовется так и ныне, когда доброе имя и честь коммуниста-комкора И. К. Грязнова полностью восстановлены и вновь нераздельно связаны с боевой славой Советской Армии и ее легендарной уральской 30-й стрелковой дивизией.

Рисунки Ю. Ефимова

ИЗ СИБИРИ В ИРАН И ОБРАТНО

Вещи, как люди, имеют свою историю, и монеты в этом отношении не составляют исключения. Судьба некоторых из них достойна того, чтобы проследить ее внимательнее. К сожалению, далеко не всегда удается с достоверностью восстановить факты, относящиеся к истории того или другого экземпляра. Внешний облик монет редко носит такие характерные следы, которые говорят о перипетиях их долгого, иногда многовекового существования. Большей частью приходится ограничиваться лишь данными, сохранившимися от времени рождения монеты. Если только изображение на монете не стерто совершенно, обычно таких данных больше, чем кажется при первом взгляде. Непосредственные знаки времени и страны, в которой монета была в обращении, нередко так разнообразны и красноречивы, что возможны выводы, интересные и полезные не только для нумизматики.

Но с какой бы точки зрения ни рассматривать монету, мысль в конце концов неизбежно приведет к людям, имевшим отношение к этому экземпляру в прошлом. Хорошо известно это не только собирателям и ученым, но, вероятно, и всем, кто когда-нибудь держал в руках старинную монету.

Просматривая предлагаемые Эрмитажу для приобретения монеты и возвращая ненужные, нередко можно слышать слова вроде следующих: «Ведь это монета 1812 года, современница Кутузова и Бородинского боя. Неужели она вам не нужна?» Приходилось рассказывать, что в Эрмитаже таких монет несколько и подобраны все их варианты, что вообще эта монета, несмотря на замечательную историческую дату, ни особого научного интереса, ни исключительной редкости не представляет.

Обычно после такого ответа на лице или в голосе посетителя появлялось выражение разочарования, за которым

угадывалась точно какая-то обида за историческую реликвию, какой является этот маленький кусочек металла с древними письменами и изображениями.

При таких встречах не хотелось разрушать в людях то правильное отношение к монете как документу эпохи, потеряв которое, им, может быть, никогда не придется обрести его вновь. В подобных случаях неизбежные слова невольно произносились мной как-то неохотно, а вследствие этого, вероятно, и мало убедительно. И вполне вероятно, что не один раз посетитель, приносивший копейку 1812 года или драхму «самого» Александра Македонского, уходил не до конца убежденный отзывом специалиста. Что делать, — у случайного гостя нумизматики иная мерка, чем у сотрудника музея.

Все эти люди, несомненно, обладали «чувством истории». Школьники, студенты, техники, военные, представители специальностей, часто очень далеких от гуманитарных наук, понимали огромное научное значение вещественных памятников истории. Возможно, что им было присуще и другое, совершенно особое отношение, своего рода уважение к древним монетам, подлинным свидетелям «седой старины». Оно знакомо, наверное, всякому, кто однажды задумывался над ними. И многие припомнят его, если им приходилось разглядывать когда-нибудь хотя бы крошечные копеечки Ивана Грозного или Годунова, монеты или медали времени Петра I. У кого при этом не возникали в памяти образы и события, знакомые из истории со школьной скамьи, по стихам Пушкина и Лермонтова, по картинам Репина и Сурикова, операм Мусоргского и Римского-Корсакова?

Большей частью во всех таких случаях год или имя, замеченные на монетах, служат концом нити, разматывающим клубок истории. Как имя или название, прочитанное на обложке книги или афише теат-

ра, они невольно вызывают в уме круг образов и впечатлений, полученных раньше. Разница только в том, что на этот раз перед нами подлинный памятник, современник людей и событий, о которых мы знаем из других источников.

Реже находятся монеты, которые заставляют вспомнить имена и даты, на них не помеченные и прямым образом с ними не связанные, и события даже более ранние, чем проставленный на монетах год. Иногда те же монеты только им свойственным языком рассказывают и о своей собственной, порой необычной биографии.

Такой случай встретился мне в годы Великой Отечественной войны на Урале.

Передо мной потерятая медная монета. На одной стороне ее от бывших на ней первоначально изображений — двуглавого орла со скипетром и державой — сохранилось немного. Видны только внешние очертания правого крыла и правая лапа орла с державой в когтях. Внизу, у самого края, вполне ясная дата: «1813 г.», а под нею две буквы: «А. М.» Данных, конечно, совершенно достаточно, чтобы заключить, что монета — одна из чеканенных в России при Александре I. Хотя на другой стороне ее от венка из двух перевязанных лентой ветвей, лавровой и дубовой, остались лишь слабые следы и полностью отсутствует надпись; по размеру кружка ясно, что монета копеечного достоинства.

1813 год... Победоносные российские войска после блестящих успехов, одержанных вместе с союзниками под Кульмом и Лейпцигом, приближаются к пределам Франции. Недавние мрачные настроения сменились в Петербурге радостным ожиданием новых военных успехов. Осенью с Персией заключен выгодный Гюлистанский мир. Назло Англии и Франции он принес России обладание по-

Рис. 1

чти всем Закавказьем, и открыл русским кораблям путь по Каспию. Вся страна с напряженным вниманием следит за дальнейшими событиями. В сожженную и опустевшую Москву возвращаются бежавшие от французов жители, быстро восстанавливают кремлевские взорванные стены, вместо разрушенных зданий строят другие. Создается новое московское общество, то самое, которое через несколько лет наблюдал и бессмертными бичующими стихами изобразил А. С. Грибоедов. В «Сыне Отечества», в числе писем из Москвы неизвестного автора о франкомании русского высшего «света», печатается замечательное сатирическое письмо «О французском произношении». А в среде молодого петербургского офицерства тем временем крепнут и множатся тайные политические объединения, из которых вышли потом многие декабристы...

Мысли возникают и проходят одна за другой, пока, рассматривая в лупу монету, среди почти исчезнувших изображений оборотной стороны стараюсь различить знакомые детали.

Вот, наконец, искомая буква. Слева внизу, чуть выше листьев лавровой ветви. На этой монете здесь буква «К», плохо видная, но несомненная. Справа в том же месте должно было быть «М», но оно совершенно стерто. «К. М.» — «Колыванская монета», другими словами — выпущенная Колыванским монетным двором в Сузуне¹.

Действительно, на лицевой стороне другое подтверждение — буквы «А. М.», инициалы Алексея Малеева, начальника монетного «передела» на Сузунском заводе (рис. 1). Те же инициалы имеет и Андрей Мевес, бывший там начальником монетного пере-

дела в двадцатых годах XIX века, но А. И. Малеев работал на Колыванском монетном дворе с 1812 по 1817 год. Показания букв и дат сходятся.

Копейка 1813 года, чеканенная на Колыванском монетном дворе, довольно обычная монета (рис. 2), хотя встречается она несколько реже, чем выпущенные в том же году в Петербурге.

Пожалуй, это и все, что можно сказать по поводу ко-

Рис. 2

лыванской копейки 1813 года и о ней самой. То же пришлось бы повторить о многих других монетах Колыванского монетного двора. К давно известным фактам ни они, ни данный экземпляр не прибавляют ничего нового.

Однако четкие когда-то изображения на нем скрыло не время, или, вернее, не только оно. Заслоняют их непривычные для русских монет и странные на первый взгляд очертания. Всматриваюсь пристальнее, поворачиваю влево кружок — и сразу все становится ясным. Как наплыв нового кадра в кинофильме, выступают другие изображения и другие — не русские — письма (рис. 3). Вместо двуглавого орла на лицевой стороне в орнаментальном обрамлении — идущий влево зверек. Не безупречно сохранившееся изображение — в нем трудно признать какого-либо определенного зверя. Внизу едва заметные ровные кружочки точечного ободка. На другой стороне тоже в круге из точек, в тесном пространстве, заключенном в два круга, — персидская надпись в четыре строки. В ней два слова, из которых отчетливо видно только первое — «чекан». От наименования монетного двора, выпустившего монеты с таким изображением, сохранилась лишь последняя буква — «и» (или «й»). Подобрать к ней недостающие, впрочем, нетрудно, тем более, что догадку подтверждают чуть заметные

следы букв в нижней, четвертой, строке. Это — Хой, древний город в иранской части Азербайджана. А между первой и второй строкой, надписи — мелкие, но четкие цифры персидской даты: «1246», в переводе на нашу эру — 1831 год.

Город Хой, важный промежуточный пункт в товарообороте Ирана, издавна находился на скрещении торговых путей из Азии в восточную и западную Европу. Подобно ряду других крупных торговых центров Ирана, с XVI по XIX век Хой чеканил собственную медную разменную монету.

Давно выяснено, что право чеканки разменной монеты предоставлялось иранским городам уже в XVI веке, что некоторые города продолжали чеканить собственные монеты до конца семидесятих годов прошлого столетия. Известный путешественник и востоковед Олеарий еще в XVII веке отметил, что монеты, выпущенные в одном городе, не имели хождения в других городах. Все они носили общее назва-

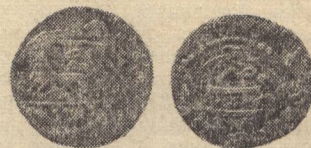

Рис. 3

ние — «фулус», хотя размер и вес их, а следовательно и стоимость, были различные.

На фулусах иранских городов изображались не только такие зверьки, как на рассмотренной монете. Встречаются на них и рыбы, и павлины, и зайцы, и обезьяны, и верблюды, и слоны и разные другие животные, реже — сабли, сосуды и человеческие фигуры. Обилие и разнообразие сюжетов объясняется тем, что часто менялся тип монет. Известно также, что с появ-

Рис. 4

¹ О Колыванском монетном дворе и Сибирской монете см. «Ур. следопыт» № 5, 1959 г.

лением фулусов каждого нового типа все прежде выпущенные считались недействительными и принимались на сплав за половину своей стоимости. Легко представить себе, каким крупным источником дохода был для городских властей выпуск фулусов собственной чеканки.

Некоторые вопросы, связанные с этими своеобразнейшими монетами, остаются, однако, пока не решенными. Так, еще не установлено точно, когда отдельные города получили право чеканить свою монету и как долго они этим правом пользовались. Большое значение имеют поэтому даты на монетах.

Интересно, что именно с фулусами Хоя связано в прошлом одно недоразумение. Фулусы описанного вида, чеканенные в 1246 (1831) году, долгое время считались самыми поздними среди разменных монет Хоя. Первый такой экземпляр опубликовал в 1863 году пражский нумизмат И. Нейман. В своем сочинении он поместил рисунок монеты с ясно читаемым 1246 годом хиджры¹. Примерно через пятьдесят лет тот же рисунок воспроизвел английский исследователь восточных монет В. Г. Велентайн. Однако на этот раз на рисунке значился 1231 (1815/16) год. Поскольку английский автор не давал никаких объяснений по поводу измененной даты, можно было предположить, что это ошибка и что произошла она при переиздании рисунка. Но во времена И. Неймана не существовало еще современных точных способов воспроизведения, а сам И. Нейман, по основной профессии судейский работник, в нумизматике известен более как знаток западноевропейских, а не восточных монет. Ошибка в передаче года могла произойти и по его вине. Монета, изданная И. Нейманом, принадлежала тогда некоему Мелькусу. Дальнейшая судьба ее теперь неизвестна. Проверить, прав ли был И. Нейман или он ошибся, оказалось поэтому невозможным, и позднейшая дата чеканки фулусов в Хое надолго осталась неясной.

С тех пор прошло более полувека. За это время нашлись новые фулусы Хоя, с другой, более поздней датой, и среди них несколько экземпляров спорного года. Все они чеканены штемпелями совершенно такого же вида, как те, что на рисунке И. Неймана и монете, о которой идет речь. Вместе с тем был восстановлен и авторитет почтенного чешского нумизмата. Зато теперь спорными стали фулусы, чеканенные в Хое в 1231 году, — таких монет пока не найдено.

* * *

Остается еще выяснить странную судьбу монеты, носящей на себе следы и русских, и иранских монетных штемпелей. В музеях СССР, и в частности в Государственном Эрмитаже, имеется еще несколько похожих медных монет. Одна из них, принадлежащая Эрмитажу двухкопеечная монета Александра I, чеканена в 1825 году на том же Колыванском монетном дворе. Последнее, конечно, — случайность. Но все необходимые для определения детали на ней сохранились, и это не удивительно. Лишь одна небольшая персидская надпись (название города Кашана) находится на ней — на груди двуглавого орла (рис. 4).

Объяснение такому необычайному соединению на монетах и русских, и иранских надписей и эмблем простое. Все эти монеты, бывшие в начале прошлого века в обращении в России, во время русско-персидской войны 1826—1828 гг. попали в Иран, а там — на базары Хоя, Кашана и других городов. Затем, как иноземные монеты, их изъяли из обращения и передали на местные монетные дворы. И здесь русские монеты превратились в иранские. Колыванская копейка 1813 года была перечеканена действовавшими в то время монетными штемпелями Хоя. Монета 1825 года «пострадала» меньше — она подверглась лишь «надчеканке». С помощью особого пунсона на ней поставили только небольшое клеймо, содержащее название иранского города. Но и это уже давало ей право существования на базарах Кашана.

Переделка чужой монеты в местную путем перечеканки или

надчеканки практиковалась не только на Востоке в XIX веке, но и во многих странах и во все времена.

Однако не всегда внешний вид перечеканенной монеты позволяет точно установить ее первоначальное происхождение. Нумизматический ребус остается иногда неразгаданным. Случай с копеечкой 1813 года — один из удачных. Только небрежности восточного мастера и счастливой случайности мы обязаны тем, что иранские штемпели не полностью скрыли на монете ее прежние изображения.

И снова монета вызывает в памяти героический образ автора «Горя от ума», с саблей в руке защищавшего жизнь своих подчиненных от фанатизма разъяренной толпы. Снова вспоминается русский поэт, павший жертвой долга, захваченной восточной политикой Николая I и коварства английской дипломатии. В виде фулуса города Хоя, монета, сохранившая два своих облика, была почти современницей трагического события, разгравшегося на ступенях дома русского посольства в Тегеране 30 января 1829 года.

Вспоминаются и несколько других монет, сохранивших отпечатки и иранских, и русских монетных штемпелей. Сильно пострадавшие от употребления и времени, они обнаруживают еще штемпели фулусов иранских городов и покрывающие их маленькие русские надчеканки в виде двуглавого орла. Редкие памятники нашей отечественной истории, они переносят нас ко времени персидского похода Петра I, рассказывая, что иранские фулусы надчеканивались русским командованием для нужд армии, занимавшей крайний северо-запад Ирана в 1725 году.

Любопытная колыванская монета, из русской превратившаяся в иранскую, каким-то образом вернулась потом в Россию. Встретилась она мне на пороге Сибири, на Урале, в дни осени 1945 года, когда мы, которым было поручено хранение одного из ценнейших нумизматических собраний мира, готовились вернуть его в стены родного Эрмитажа.

А. А. БЫКОВ,
зав. отделом нумизматики
Государственного музея
Ленина Эрмитажа.

¹ Эра хиджры — мусульманское летосчисление, ведущее счет по лунному времени от 16 июля 622 года.

МИЛЫЕ ЗЕЛЕННЫЕ ГОРЫ, СОХРАНИМ ВАС!

„...Милые зеленые горы!.. Когда мне делается грустно, я уношусь мыслью в родные зеленые горы; мне начинает казаться, что и небо там выше и яснее, и люди такие добрые, и сам я делаюсь лучше. Да, я опять хожу по этим горам, поднимаюсь на каменные кручи, спускаюсь в глубокие лога, подолгу сижу около горных ключиков, дышу чудным горным воздухом, напоенным ароматами горных трав и цветов, и без конца слушаю, что шепчет столетний лес...»

Ветер ли нашептывает эти слова или память извлекает из глубин то, что казалось позабытым; но только эти полные поэзии строки все звучат в ушах, пока серенькая «Волга», ныряя с увала на увал, уносит нас по лесистой дороге все дальше от Тагила — в Висим. Туда, на родину Мамина-Сибиряка, где, думается, должен побывать всякий, кому дорога отечественная культура и кто хочет полной мерой вкушать красу родимого края.

«Милые зеленые горы...»

Правда, горы не зеленые: на дворе не лето, октябрь, он обрядил их и в золото, и в пурпур, — но, право, от этого они стали только еще красивее, еще живописнее.

Вокруг истинно маминские места. Бойкие речки, зеркальца-озера, в которые смотрится лес, как и тогда, когда по этим местам мальчиком бродил будущий певец Урала. Старая насыпь — плотина, пробитая вешними водами; в развале — все еще не рухнувший, чудом противостоящий разрушительному напору времени сруб — подпорная стенка, сооружение старателей... Шулпи́ха. Сколько поколений золотоискателей трудилось здесь? Потом прошла драга. Она оставила аккуратно уложенные одна к одной грядки, галечные отвалы, напоминающие пироги на противне. Поселок Красный Урал, бывший Авроринский прииск; светлые корпуса на взгорье — завод «Урал», оборудующий для культурно-просветительных нужд маломестные автобусы «Уралец».

— Ну, где еще такая красота? Где еще такие истинно маминские, истинно уральские места? — оживленно оборачивается к нам наша спутница, Татьяна Константиновна Гуськова, заместитель директора Нижне-Тагильского краеведческого музея и зам. председателя городского отделения Общества охраны памятников истории и культуры. — Приезжают москвичи, просят показать «типичный Урал». А вот он, Урал, здесь! Только бы поближе к нему относились...

Гуськова любит и знает Урал, она увлеченная поклонница творчества Дмитрия Наркисовича, писателя-земляка. Пешком исходила все эти места,

знакомые ей чуть ли не до каждой горушки, каждого деревца, по-родному близкие и дорогие. И поэтому вполне понятно, что именно она — один из инициаторов и горячая сторонница идеи создания здесь заповедника маминской старины.

Ей видятся восстановленные в первозданном виде домики, где родился писатель, трех-оконная избушка-школка, где он учился, «показательные» хатенки «трех концов», села — хохлацкого, туляцкого и кержацкого... Сохранные в неприкосновенности окрестности, где он бродил мальчонкой и юношей, где черпал полными пригоршнями впечатления, осевшие в душе на всю жизнь и отложившиеся в десятках его произведений... Ей видятся с толком проложенные заново охотничьи и старательские тропки за Сулемом, по которым он пробирался некогда то с «Емелей-охотником» на глухариный ток, то с бородатым старателем к его «хитному», запрятанному в тайге местечку, чтоб увидеть своими глазами, как «золото роют в горах»... Ей видится, что вот идешь, идешь по такой тропке, раздвигая плечом нависшие еловые лапы, и вдруг, глядь, — вахгердт, словно только что оставленный спрятавшимся за лесину «хитником» промысловый ковш у запрудки... Неглубокая, пахнущая сыростью шахтенка, на дне которой будто и сейчас кто-то копошится... Балаганчик углежога с немудрящим хозяйством лесовика — лопотиной, котелком с деревянной ложкой, санным ложем... А около — неназойливо, тактично «включенная в комплекс» — выписка из Мамина, относящаяся к этому месту или к этому предмету (как, кстати, сделано в Пушкинском заповеднике)... Видится ей, что приведены в порядок и охраняются и другие ближние к Висиму места, связанные с жизнью и творчеством Мамина-Сибиряка: и Черноисточинский пруд, и «Ушковская канава», и поселок Усть-Утка, где, говорят, сохранился еще дом сплавщика Савоськи, запечатленного в очерке «Бойцы»...

За этим, собственно, мы и едем сюда — чтоб поглядеть и убедиться в том, что возможно или невозможно, что и кто здесь «за» и «против».

* * *

Выезду в Висим предшествовал разговор в Нижнем Тагиле, в Пригородном райсовете. Нам хотелось знать точку зрения местной власти. Алексей Павлович Ульянов, председатель Пригородного райсовета, с готовностью отложил в сторону очередные дела; его заместитель Виктор Федорович Бородин тоже принял участие в беседе. Они извлекли из ящика стола карты — одну,

другую и, разложив, стали показывать по ним: где находился прежде заповедник, каковы были его границы и насколько — если его восстановить — он затрагивает интересы лесозаготовительного ведомства (пожалуй, главное препятствие в этом вопросе).

Да, заповедник уже был. К сожалению, он просуществовал недолго. Сперва его урезали, а вскоре прикрыли совсем. (Земли, что ли, нам не хватает, просто диву даешься иной раз!) А между тем, как правильно отмечала не раз в своих докладных и научных записках бывшая сотрудница Висимского заповедника и еще один его энтузиаст, ботаник Н. М. Грюнер, заповедник здесь был очень необходим.

В прошлом изучение Среднего Урала шло в основном по линии поисков полезных ископаемых, а все прочие слагаемые природы края — животный и растительный мир, гидрогеология и многое другое — оставались без серьезного внимания; тогда как Урал, подчеркивали Грюнер и другие, представляет здесь особый интерес. Здесь понижение горной цепи, как бы грандиозные «ворота», соединяющие Европу и Азию, что служит «путем проникновения с запада на восток и с востока на запад видов животных и растений, для которых высокие горные хребты в других местах представляют непреодолимую преграду» — как пишет Грюнер. И ландшафт сохранил много «специфических черт древней горной страны», леса раскиданы на мелких каменистых («скелетных») почвах, проявляя подчас поразительную способность к живучести, под их пологом можно найти немало растений, оставшихся от

ледникового периода. Из них можно назвать орхидею Калипсо, «изящное растение с тонким ароматом». Здесь, в районе горы Старик-Камень, водились в прошлом северные олени, до самого недавнего времени было много коз (их погубила снежная зима 1946 года, восстановить поголовье — задача охотников и звероводов). По главному хребту проходит тропа очень выносливой, приспособленной к местным суровым условиям и так же охраняемой ныне уральской горно-таежной пчелы. Тайга темнохвойная, елово-пихтовая (с островками ильма, что так же представляет немалый научный интерес), в ней не редкость встретить медведя, лося, рысь, появляются и волки.

К несчастью, заповеднику не повезло с самого начала. Многие интересные в научном отношении участки в него не были включены, и, наоборот, попали такие, природа которых уже была нарушена. Это дало повод недругам заповедника говорить о его малой ценности и полезности. Так получилось, что заповедник — единственный на Среднем Урале! — был вскоре ликвидирован, леса его стали вырубаться. Он просуществовал всего шесть лет: организовали его по инициативе Уральского университета в 1946 году, закрыли в 1951-м.

Впрочем, были и такие, роковые для многих заповедников годы, когда ликвидировали добрую половину их по стране — пятьдесят или шестьдесят заповедников. Теперь восстанавливают.

— Как же будет обстоять с Висимским?

— Надо делать, — решительно произносит Ульянов. — Мы не против. Больше будет порядка в лесах. Зверье оживет...

— А что мешает?

— Да ничего не мешает,— тем же недопускающим двойственных толкований тоном отвечает Ульянов.— Ну, правда, там сырьевая база Висимо-Уткинского леспромхоза. Он рубит на территории заповедника, уже перебазировался на север. Частично уже ушли. Ну,— председательский палец опять двинулся по карте,— захватывает еще кварталов десяток-полтора на территории заповедника... если в прежних границах... У Коуровского леспромхоза тоже придется изъять некоторые кварталы. Ну, и все. Пашен, больших массивов, нет; покосы, правда, есть, жители по берегам речек траву косят. Да это ерунда...

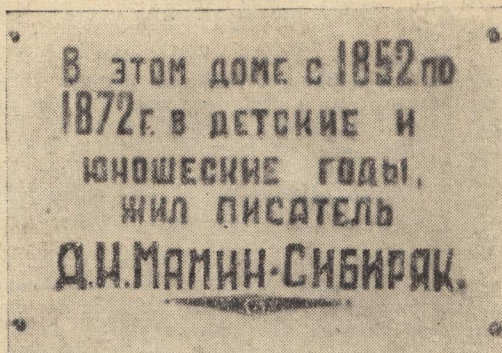
— А дунитовый рудник?—вставляю я, припомнив возражение, услышанное в одном из учреждений Свердловска.— Он же ведет там добычу камня, нужного для производства огнеупоров...

— Он не помешает.

— Нам говорили, что если прекратятся лесозаготовки в этом районе, население останется без работы. Называли цифру: пять тысяч человек...

— Пять тысяч! — с ехидцей восклицает Ульянов. На лице Бородина тоже появляется насмешливая улыбка.— Да там всех жителей-то не будет пяти тысяч. Из них девятьсот человек пенсионеры...

Совсем хорошо! Значит, отпадает и это препятствие. А оно, правду сказать, смущало больше всего.

Наши собеседники разговорились. Они оживились и делятся своими планами, желаниями, которые, очевидно, вынашивали уже давно. У каждого районного руководителя есть свои «местнопатриотические» мечты, а тут подвергается прекрасная возможность.

— Да, если заповедник открыть, знаете, сколько народу поедет? Туристы едут уже сейчас. Тысячи людей в год. Будете в Висиме — справьтесь, там вам покажут книгу записей. Построить мотель, протянуть дорогу хорошую... Вozить туристов, показывать... Уголок старого Урала!.. Пан-

сионат построить¹. Ходи и смотри, наслаждайся. У завода «Урал» есть Белая гора, где проходят массовые горнолыжные соревнования. Там — пансионат для спортсменов. Туда же туристы... Дорога вчерне дотянута до Черноисточинска, в проекте — дотянуть до Висима. К семидесятому году будет асфальтированная. Пустить автобусное движение. Сейчас узкоколейка: от Тагила — сорок километров — три часа. Неудобно. Хотя сама узкоколейка тоже память прошлого. Ее, кстати, можно приспособить в основном для экскурсионных нужд... Поселок Висим не из числа перспективных, открытия никаких крупных производств не предвидится. Был Висимский район, он вошел в Нижне-Тагильский пригородный, укрупняли да сливали, а Висим захирел. Хорошего клуба нет. Имеющийся не в счет: каменный шестигранный бывшей церкви. Деревушка Первомайская уже умирает. А это вдохнет жизнь, появятся новые занятия, население без дела не останется. Наоборот! Конечно, надо сделать много. Нужна пекарня. Реконструкция плотины (едва дышит, каждую весну боимся, что снесет). Восстановить, как была прежде. Если не будет плотины, утратится весь вид.

Разговор продолжался в том же духе еще некоторое время.

Да, видеть, все это не безразлично им; так и должно быть.

Подводим итоги — к чему же мы пришли? Заповедник составит очень малую долю площади района, и нелепо заявлять, что он в чем-то может стать помехой и обузой.

С чего же начинать? «С какого края?»

— Надо, — завершая беседу, подытожил Ульянов, — чтоб ученые дали нам свои рекомендации, сказали точно, каким должен быть заповедник, составили смету, указали границы, площадь, а мы примем решение на исполкоме...

А что скажут насчет этого на месте, в самом Висиме?

До Красного Урала с нами ехал третий секретарь Пригородного райкома партии Валерий Васильевич Трухин. Поинтересовались, как смотрит он. Решительно тряхнул головой: «Надо, надо. Пока все не вырубил!» — «А что, уже сильно очистили?» — «Голо, зверям уже негде жить... Лесовозобновление, правда, на вырубленной площади сильно сделано. Да ведь это уже не то!»

Такой же разговор произошел у нас и со вторым секретарем райкома, Василием Алексеевичем Кочусовым. В прошлом Кочусов лет шесть, или даже больше, был председателем райисполкома в Висиме, и он очень заинтересованно отнесся к нашему приезду.

— Мы занимались заповедником много лет, — сказал он. — Надо устраивать его. Какой разговор!

Что ж, значит полное единодушие. Остается добавить, что УФАИ, в лице своей комиссии по охране природы, возглавляемой ректором университета профессором Б. П. Колесниковым, также давно высказался за организацию заповедника. Поддерживают создание его и Общество охраны природы, Уральский университет. Ходатайствует большая группа ученых Москвы. За организацию заповедника высказался маршал Совет-

ского Союза Филипп Иванович Голиков, уроженец Урала, а также многие другие видные люди, ученые, историки, краеведы и вообще все природолюбцы.

* * *

Дорога вверх-вниз, вверх-вниз и все лесом, лесом. Пашня появилась только перед Висимом. Драга прошла, даже дважды, и в самом Висиме — искалечено русло реки Утки. Мелькнул памятник Мамину на перекрестке — большая голова в шапке, знакомая по традиционным портретам, на сером гранитном постаменте, на скрещении улиц (мне он показался стоящим как-то сиротливо и неуютно, на вытоптанном месте, без единого цветочка), и мы у дома, где родился писатель.

Дом на пять окон, обшитый тесом, большой, просторный, под железной крышей, с крылечком. На стене мемориальная доска:

**В ЭТОМ ДОМЕ,
С 1852 ПО 1872 Г.
В ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ
ЖИЛ ПИСАТЕЛЬ
Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК**

Сейчас здесь библиотека, о чем тоже сообщает табличка у входа. Рядом другой дом, на три подслеповатых оконца, совсем маленький, какой-то игрушечный, кубиком, кажется, вросший в землю, с деревянной кровлей, которая уже давно ждет ремонта. И так же мраморная доска:

**ЗДЕСЬ УЧИЛСЯ
В 1860-63 ГГ.
ПИСАТЕЛЬ**

Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК

Тут помещалась заводская школа, где преподавал отец будущего писателя. Туда первое время ходил и юный Дмитрий Мамин, позднее прибавивший к своей фамилии («Сибиряк»). Оба здания — памятники истории, на государственном учете.

Нас встретила заведующая библиотекой Валерия Гавриловна Широкова, крупная, приветливая женщина в синей вязаной кофте. Хозяйка дома — библиотека, книгами занята как раз половина; во второй половине — музей. Библиотека — это хорошо, это до некоторой степени даже символично, но...

Говорить много не пришлось: прибыла экскурсия, группа молодежи из Тагила, и Валерия Гавриловна, извинившись, метнулась к ней, однако вскоре вернулась — показывать музей экскурсантов повела дочка Широковой, ученица седьмого класса Лариса.

Музей не слишком богат, но в нем можно познакомиться с историей Висима. Голосок Ларисы, доносящийся из другой комнаты, бойко повествует о том, что на территории бывшего Висимского района были найдены осколки посуды новгородского происхождения, свидетельствующие о древних связях местного населения с новгородцами. Из личных вещей Дмитрия Наркисовича имеется лишь фарфоровая чашка — дар племянника писателя Б. Д. Удинцева. Она лежит под стеклом на видном месте, в центре экспозиции.

Так вот каков ты, старый маминский дом, окна которого с одной стороны выходят в Европу, с другой — в Азию... Эта «граница света», как отмечают все биографы Мамина, постоянно занимала его воображение.

¹ Некоторые товарищи рекомендуют для этого так называемую «баронскую сторону», где прежде находилось имение графов Строгановых.

Листаю книгу отзывов. Записей много. Читаю наудачу.

«Спасибо, висимцы, что вы так бережно храните память о писателе-земляке. Судьба забрала меня далеко от родных мест, но, вспоминая об Урале, я всегда вспоминаю и о Мамине-Сибиряке. Без него нельзя представить «милые, зеленые горы», всего очарования уральской природы... И. Кортев. Сочи».

«Сегодня, наконец, я побывал в комнате-музее певца Урала Д. Н. Мамина-Сибиряка. Прочитав все его произведения помногу раз, я понял, что, описывая чудесную уральскую природу, он заставляет всех нас еще больше любить наш Урал и нашу Родину...»

«Отрадно, что висимцы так бережно хранят память о своем земляке, но очень сожалеем, что в музее холодно, не отапливается...»

Это уже укор, и, по-видимому, справедливый. Но — музей содержится на общественных началах, средствами не располагает.

А между тем откуда только люди не приезжают сюда: из Свердловска, из Перми, из Салды, Лысьвы. Вот запись — из Ярославского пединститута. Учащиеся, военные, геологи, просто туристы... В год 4—5 тысяч посетителей. Всех надо обслужить, всем показать, рассказать. Это, повторяю, на общественных началах. Хорошо, хоть девочки помогают — Лариса Широкова и ее подруги, тоже школьницы. В свободное от уроков время они приходят сюда и исполняют роль добровольных экскурсоводов.

Интерес к музею велик. Цифра четыре-пять тысяч говорит сама за себя. И это, напомним, при полном отсутствии какой-либо рекламы, пропагандистских средств, популяризирующих музей.

— Вывески доброй нет, — сдержанно сообщает Широкова.

И тем не менее, значит, сколь велика известность Мамина-Сибиряка, любовь к нему, если люди идут сюда каждый день!

Разговор переносится в поселковый Совет. Там уже собрались председатель Совета Александр Васильевич Кедун, невысокий улыбающийся мужчина, директор лесхоза Михаил Сергеевич Попович — он в форме работника лесного хозяйства, и ряд других товарищей. Начинает Попович.

— Надо сохранить, — говорит он. — До закрытия были девственные места, спелые леса, нетронутые. В том и состояла ценность заповедника. Когда ликвидировали его — увезли гербарии, чучела животных и птиц. Куда? В заповедник «Денежник Камень». Теперь он тоже ликвидирован, так что материалы надо разыскивать. Как будто в Висимо-Уткинском леспромхозе осели материалы. Надо вернуть. А может, теперь уже и не вернешь... — Он широко разводит руками. — Я здесь двадцать пять лет, помню, как было. На моих глазах все изменилось. Говорят, при Демидове рубили куренями, возили в уголь, на домну. Это я для сравнения хочу сказать, как в старину было... Сучки вязали и тоже везли для отопления цехов. Сейчас двадцать процентов бросают, по лесосекам не пройдешь, все замусорено. Был 56 тысяч гектаров заповедник или что-то около того. Процентом двадцать вырубали. И продолжают рубить. Сейчас вклинился Уральский леспромхоз и Кировградский, там, где горные леса, кедровые... Вы думаете, — лицо Поповича принимает хитрое выражение, — почему наши районные начальники теперь все за заповедник, а были против? Потому, что лес рубят теперь

леспромхозы другой системы — «Свердлес», а не «Тагиллес». К тому же наши-то работали не торопно, а эти взялись пластать...

— Пластают, пластают, — согласно кивают головами присутствующие.

Мы продолжаем слушать Поповича с напряженным вниманием. Он — специалист, видит все трезвым глазом, и по мере того, как со знанием дела раскрывает нам сложившуюся обстановку, грозная опасность, нависшая над бесценными маминскими местами, вырисовывается все отчетливее, неотвратимее.

— Деревню Большие Галашки слышали? Была центром заповедника. К ней продвигается Кировградский леспромхоз, наращивает темпы... («Продвигаются»... Как на фронте! В воображении возникают механизированные колонны, со скрежетом железным движущиеся на приступ маминского наследия, чтоб снести, уничтожить последние оазисы нетронутой уральской природы... Скорей, скорей остановить их!... На десять лет нарезаны клетки... мы и нарезали! Если будут рубить дальше, будет голо... Нужно успевать! Со временем, конечно, лес отрастет... может отрасти, но будет уже другой. Сменится и животный мир, и травы. Широколистные сменяются на узколистные. Условия лесовосстановления сменяются, вместо хвойного леса может появиться осинник. А это уже какой заповедник!

Прав, прав Попович, нельзя допустить этого. Утратится сама идея сохранения всего в том виде, как было при Мамине.

Надо спешить еще и по другой причине. Как нам сообщили еще в Свердловске, на горе Белой будет трасса горного слалома. Трасса всесоюзного значения. Так что район Красного Урала будет очень людным. Это хорошо. Именно об этом мечтают в Пригородном райсовете. Но это и чревато определенной опасностью. Поток молодежи, если вовремя не принять меры, может по камешку, по веточке разнести все. Известно, что за народ иные «туристы».

А Попович торопится высказать все, что накопилось на сердце:

— Помимо всего прочего леса здесь, на водоразделе, имеют водоохранное значение. Река Сулем пересекает весь заповедник. Висимо-Уткинский леспромхоз утопил в ней много леса — вымостил дно, можно сказать. По Межевой Утке все забито лесом, лес киснет. Шайтанка обмелела совсем: грунтовые воды уходят. Приехал недавно — не узнал, все берега изгажены...

Увы, везде одно. Где появляются лесозаготовители, начинается бесхозяйственность, подчас граничащая с подлинной преступностью, гибнут сокровища природы, выхватываются лучшие куски, а многое бросается. Сведение боров по берегам ведет к высыханию рек, в том числе таких, как воспетая Маминим-Сибиряком Чусовая. (Он еще имел возможность наблюдать барочный сплав по Чусовой; а пройдет ли по ней теперь хоть одна баржонка от Коуровки до Чусовского завода! И по реке Тагилу тоже спускали барки по вешней воде, от Нижнего Тагила вниз по течению, до Тюмени и дальше.)

— А как около Висима?

— Висимское лесничество переведено в зеленую зону, заготовителей сюда не пускают.

Слово берет председатель поссовета Кедун:

— Надо восстанавливать. Глухаря совсем не стало. Леса повырубали. Правда, глухаря и тогда для меня не будет, — шутит он. — Заповедник!

А помочь в самом деле надо. Возьмите хотя бы такой вопрос. Туристы просят открытки на память. С видами здешней природы. Нету. Хотели дать заказ. «Только через Москву».

Разговор снова переходит на музей. Каковы его перспективы, если дело закрутится?

— Племянник писателя Удинцев сообщал, у него есть кое-что из реликвий, — напоминает Широкова. — Обещал: когда почувствую, что у вас дело твердо поставлено на ноги, передам вещи...

— В Нижнем Тагиле, в музее, много прижизненных изданий Мамина-Сибиряка. Предметы горнозаводского производства и быта. Тагильчане передадут, — заверила Гуськова.

Кажется, можно подвести итог.

Задача, таким образом, распадается на две части: организация историко-литературного и этнографического или, собственно, «маминского» заповедника, с превращением ныне существующего самостоятельного музея-уголка в настоящий, государственный музей — это во-первых. И природного заповедника — во-вторых. Последний, то есть природный, может быть и не сплошным массивом. Выбрать участки, наиболее ценные в научном отношении. Однако и то, и другое органически связано с именем писателя и должно составлять единое целое. Говорят, что у нас даже опыта такого нет — объединения в одном заповеднике истории, этнографии, литературоведения, природы; все заповедники — ведомственные; ну что ж, пусть он появится, такой опыт.

Пока не ясно: должен ли сам Висим каким-либо краем входить в заповедную черту. А данные к этому есть. Именно здесь, как нигде, чувствуешь на каждом шагу, что ты на родине писателя, что он — народный писатель. В Висиме сохранилась кой-какая старина. Есть характерные постройки в три конька (дом — двор — сарай). Цел дом управителя завода (в нем поликлиника). Реставрировать все это. Сохранить наиболее типичные избы и подворье, наполнив их хозяйственной утварью и орудиями труда того времени. При желании можно попытаться восстановить кое-что и из рабочих устройств старого Висимо-Шайтанского завода, например вододействующее колесо, кричные молоты.

Подают и такую мысль — открыть в Висиме учебную базу пединститута. Тут и практика, и научная работа в заповеднике.

* * *

Мы уезжали из Висима полные надежды. Все, с кем мы ни говорили, все — «за», все, все! Хотя впереди, наверняка, еще бой с хозяйственниками, с комбинатом «Свердлес» в первую голову. На словах, конечно, и там будут «за». А на деле... Предлогов для проволочек найдется, конечно, достаточно.

Вспоминаются и замечания московского консультанта, человека, искусственного в таких делах, его опасения: «Нужны доказательства и большой патриотизм местных сил, чтобы добиться утверждения заповедника, связанного прежде всего с финансированием».

Да, доказательства и патриотизм. Последнее,

пожалуй, надо выделить особо. Без любви к родной стороне не бывает патриотизма.

...Снова дорога вверх-вниз, вверх-вниз (на то и Урал!). Мелькают километровые столбики. День — тихий, молчаливый, чуть печальный: осенний, как бы слегка пригорюнившийся — клонится к вечеру. В молчании рождаются думы...

Как ни парадоксально, но мы, обладая самой обширной территорией, скучимся на заповедные уголки, крайне неохотно изымаем даже ничтожные участки из хозяйственного пользования, как будто боимся, что от этого может ослабеть, оскудеть могущество страны! А не наоборот ли? Не в таких ли вот Висимах черпал всегда русский человек свою убежденность и твердость, набирался запаса духовных сил, которые вели его на свершение больших дел? Определенный вред нанес нашим взглядам и тот печальной памяти период хозяйствования, при котором развернулась настоящая «кампания» против музеев и заповедников, на них начали смотреть как на некую ненужную роскошь.

Еще и на сегодня по отношению к общей площади страны у нас самый низкий процент оберегаемой таким путем земли. Не удивительно ли? По мнению ученых, только на Урале следовало бы иметь 8—12 заповедников (к моменту нашей поездки их имелось всего три). Явно ненормально, что ни одного заповедника нет на Среднем Урале. «Уральский следопыт» поднимал вопрос о Конжаковском Камне — молчание. Правда, недавно мы узнали, что предreshен вопрос о восстановлении другого заповедника — «Денежкин Камень». Но все равно этого слишком недостаточно для такой большой и все еще не полно изученной страны (страны в географическом понимании), как Урал.

На память приходили и грустные и трогательные одновременно строки из письма Бориса Дмитриевича Удинцева, вместе со своими коллегами — московскими учеными — уже на протяжении нескольких лет добивающегося осуществления своей заветной мечты — учреждения маминского заповедника: «Жаль висимских лесов, если они окончательно уйдут под топор... Если бы не болел, нынче обязательно съездил бы в Тагил, чтобы (может быть в последний раз) полюбоваться всеми этими красотами, равных которым я не знаю». С ума не шли и предупреждающие слова американской писательницы-натуралистки Л. Крайслер, слова, полные трагизма, где сердце и разум выступают заодно: «Последние чудесные уголки дикой природы, ныне стираемые с лица земли, представляют собой несметную ценность, лишь смутно ощущаемую человеком и в наши дни стоящую на грани гибели и полного исчезновения». Нельзя допустить этого, нельзя. Страшно подумать, да, поистине страшно при мысли, что эти горы перестанут быть зелеными, что живое убранство их сбреет безжалостная рука, а вместе с ним исчезнут и звери, и птицы, жившие тут, быть может, миллионы лет, еще тогда, когда и человек-то еще не ходил по этим местам; на веки-вечные уничтожатся их своеобразие и неповторимость... Нет, нет!

Борис РЯБИНИН

МЫ ПОДВОДНИ- КИ

Георгий СЕННИКОВ

Рисунки Н. Мооса

24 марта

Сегодня уходим в море, снова туда же — к уютным норвежским берегам. Мыс Маккаур, Скульте-фиорд, остров Эккерей... — чужие названия на штурманской карте, чужая страна, чужой народ. Только море одно — Баренцево море — и здесь, и там.

Нас провожает вся бригада. Провожрующие — и на пирсе, и в лодке. В пятом отсеке, у дизеля — Валька Хрулев, юнга, сын командира «пятерки». Он «персональный» провожающий: пришел проститься со своим большим другом Николаем Павловичем Новожиловым. Валька плачет, утирает слезы рукавом рубы и настойчиво дарит Новожилову финский нож:

— Возьми, Николай Павлович, может, фашиста убьешь!

— Как же я убью его, Валька, да еще ножом? Ведь я в лодке буду!

— Ну, все равно возьми, может, пригодится...

На эту сцену, хмурясь и улыбаясь одновременно, смотрит начальник подводного отдела флота контр-адмирал Виноградов...

Как выстрел стартового пистолета — знакомая команда: «По местам стоять, со швартов сниматься!»

У Баренцева моря завидное постоянство характера: опять штормит. Только вышли за боны — и началось: вверх, вниз, на правый борт, на левый и снова вверх... Отсек похож на закупоренную бочку, пущенную с горы. Все вокруг трещит, грохочет, валится. Мы с Шестаковым старательно привязываем все, что только можно привязать, но шкеры лопаются, как нитки. Вещи гуляют по всему отсеку. Наш завтрак, к которому так никто

и не прикоснулся, тоже на палубе. Какао хлупает под ногами, с магистралей свешиваются макароны...

Испрашиваю разрешения и поднимаюсь на мостик. Здесь совсем иной мир, полный звуков, запахов и движения. В движении все: корабль, лохматые тучи, море. Прежде всего — море.

Волны катятся одна за другой без конца и края. Кипящая в пене и брызгах поверхность моря выжимает из себя крутые горы зеленоватой воды и стремительно гонит их навстречу нам. Приближаясь, они увеличиваются в размерах, заслоняют горизонт, покрываются шапками пены, глухо рокочут. Ледяная вода хлещет через козырек ограждения, врывается в открытый люк, непрерывным потоком струится по клеенчатым плащам вахтенных. А корпус лодки гудит, как натянутая струна, скрежещут листы палубного настила и кажется — весь корабль кряхтит и стонет.

Лодка наша держит курс на норд,
Пенится вода из-под кормы.
Мы идем во вражеский фиорд
Через многобальные штормы...

Вспоминаю ребят с погибшей «восьмерки». Вот так же шли они через штормы...

12.00. Режим работы дизеля резко меняется: размеренный гул превращается в дробный грохот, а лодка, как подстегнутая, делает скачок вперед. Из центрального поста доносятся взволнованные голоса.

— Что случилось? — орет в переговорку Шестаков.

— Блуждающая мина, — отвечает голос вахтенного. — Прошла по левому борту, впритирку. Хорошо, успели отвернуть, а то бы...

Окончание. Начало см. в № 1.

— А то бы пошли на корм рыбешке, — заканчивает Шестаков, отворачиваясь от переговоров и криво улыбаясь. — А что же, — продолжает он, — недаром говорят: подводная лодка — это такой корабль, на котором, сколько ни плавай, все равно к черту утонешь!

Я смотрю на Шестакова с изумлением. Что с ним происходит? Всегда веселый и неунывающий, он сегодня мрачен, как сама смерть. Дома что-нибудь неладно?

13.00. Срочное погружение: «Арадо». Нет на них уюта даже в такую погоду.

А шторм ничего себе — на глубине в двадцать метров качает! Правда, эта качка иная, даже приятная — медленная, плавная. Под нее хорошо дремлет, и я, по примеру подвахтенных, незамедлительно располагаюсь в своем логове.

— Слыхали, ребята? — доносится с нижней койки голос Шестакова. — Фрицы опять какую-то каверзу придумали. Судно-ловушку, что ли. Стоит такая посудина у скалы, дымок из трубы — все как полагаются. Выйдет наша лодка в атаку — и каюк. Говорят, «С-55» на эту штуку напоролась. А теперь...

— А ты не каркай, без тебя тошно, — обрывает Шестакова Толя Чекорев, недавно сменившийся с вахты и тщательно старающийся согреться под сырым полушубком.

— Ну, чего ты киснешь, Ванюшка? — обращается к Шестакову Сергей Махов. — С Райкой, что ли, поцапался?

— Какая там Райка! — стмахивается Шестаков.

— Так что же?

— Да так, ерунда... Понимаешь, сон плохой перед самым походом видел. Теперь из ума не выходит, хоть тресни.

— А что за сон?

— А-а... рассказывать неохота. Сижу будто я в кубрике на береговой базе. Вдруг открывается дверь и входит Виктор Юдин. Ну, тот, рулевой с «восьмерки», мы ведь с ним дружили... Я, конечно, обрадовался страшно, что Витька живой. Стоим, улыбаемся, хлопаем друг друга по плечам. Потом он заторопился куда-то и говорит мне: «Не горюй, скоро увидимся!» И тут меня разбудили на вахту. Одеваюсь я, а в ушах так и звенит: «Скоро увидимся, скоро увидимся»...

Ванюшка зябко передергивает плечами. Признаться, и я чувствую, как по моей спине поползли мурашки. Но тут в разговор вмешивается Женька Ефремов.

— Дурак ты, Ванюшка. Семь раз дурак, — говорит он спокойно.

— Почему — семь? — обижается Шестаков.

— А что, мало? Могу накинуть. А дурак потому, что чепуху городишь и другим настроение портишь. Если всем снам верить, то я бы уже давно был шахом персидским, а ты — смазливой девчонкой. А что? Мне однажды снилось, что ты меня жаркими поцелуями награждал, только на тебе тогда юбка была. Проснулся — целый день плавался!

Матросы хохочут. Улыбается и Шестаков. Молодец Женька, снял напряжение...

А с суевериями у нас явно неладно. Иначе как объяснить тот факт, что у каждого матроса есть своя «счастливая» вещь, без которой он не уходит в море? У Пашки Шаталова, например, таким талисманом служит... роба — холщовая

«голландка», которая настолько пропиталась соляром и маслом, что кажется сделанной из жести. Пашка ее упорно не стирает и всегда одевает, отправляясь в очередной поход, — как кольчугу от вражеских стрел. А история с кубриком «малютчиков» на береговой базе? Ведь пустует огромное помещение, хотя комнаты рядом набиты битком. Все потому, что матросы уверены: экипажи погибших «малюток» уходили в свой последний поход именно из этого кубрика. Вот и «восьмерка» тоже. Их командир не посмотрел на мрачную славу кубрика, поселил в нем свой экипаж. И они не вернулись...

Конечно все это чепуха, простое совпадение. Но когда люди живут в обстановке постоянной опасности, когда каждый день несет с собой чью-то гибель, поневоле начинаешь придавать значение всяким случайностям, выискивать какие-то тайные связи между этими случайностями, видеть в них определенную закономерность.

Смешно? Не смешно.

14.00. «По местам стоять, к всплытию!» И снова сюрприз: нарываемся на подводную лодку, идущую в надводном положении без флага.

Мы сидим по отсекам и, затаив дыхание, прислушиваемся к разговору старпома и командира, доносящемуся к нам по переговорной трубе. Они по очереди рассматривают лодку в перископ и отчаянно спорят: один утверждает, что лодка наша, другой, — что немецкая. Сердце болезненно сжимается: вдруг лодка наша, а мы ее сейчас... И все мы облегченно вздыхаем, когда командир отказывается от атаки. Зато как мы пожалели об этом несколькими минутами позже!

Лодка оказалась фашистской. По-видимому, на ней заметили наш перископ, потому что лодка срочно погрузилась. Охота началась.

Немецкая субмарина настойчиво преследует нас. И мы, и она, маневрируя, выписываем под водой самые замысловатые петли, много раз выходим друг на друга в атаку и снова маневрируем. Мы стоим по боевым постам и чертыхаемся шепотом. Не очень-то это веселое дело — сидеть и ждать, когда в тебя пустят торпеду. В том, что ее пустят, никто не сомневается, ведь все мы хорошо знаем немецкую привычку стрелять на каждый шум. Они торпед не жалеют...

И все-таки момент, когда мы услышали злое кудяхтанье торпед, явился для нас, как это бывает в таких случаях, полной неожиданностью. Шум возник откуда-то из глубины океана и стремительно понесся, казалось, в сердце каждого из нас.

Не знаю, как я выглядел в эту минуту, и не помню, как выглядели остальные, находившиеся в отсеке. Из всей картины мне запомнилось одно: чья-то рука, машинально сжимающая никелированную стойку гидрокомпы с такой силой, что из-под ногтей выступили капельки крови.

Клохтанье торпед шквалом пронеслось над нашими головами, поглотив на миг все другие звуки, и затихло вдали. Но мы еще долго сидим по своим углам, сжавшись в комок, боясь поверить, что нам и на этот раз повезло. И только заковыристое ругательство Сергея Махова, которым он выразил свои чувства, встряхнуло нас.

Блуждающая мина, «Арадо», фашистская подводная лодка — не многовато ли для одного дня?

А тут еще Шестаков со своим сном...

25 марта

На редкость спокойный день, как вознаграждение за вчерашние передрыги. Мы провели его у крошки вражеского минного поля, прикрывающего фиорд.

Удивительно тихо и как-то покойно в лодке под водой на позиции. Казалось бы, наоборот — надо быть всем начеку, ведь мы в самом логове врага. Но привычка — великая вещь. Оказывается, можно привыкнуть и к опасности, просто не обращать на нее внимания, как не обращаешь внимание на скрип дверей или жужжание мухи.

Подвахтенные спят. Толя Чекорев чему-то блаженно улыбается во сне. Чему? Где он сейчас? Уж конечно не на подводной лодке в боевом походе... В пятом отсеке, у дизеля, лениво насвистывает Махов, протирая какую-то деталь. Даже командир, спрятав нос в воротник канадки, откровенно подремывает на своем излюбленном месте у люка во второй отсек. По временам он поднимает голову, окидывает отсек зорким, ничуть не сонным взглядом и снова спускается.

По-настоящему в действии один гидроакустик. Под водой он — наши глаза и уши. Только ему ведомо, что делается вокруг лодки на многие десятки миль. На лице Лешки застыла болезненная гримаса, а в глазах — полная отрешенность от всех наших лодочных дел. Когда я просовываю голову в дверь его рубки, он делает свирепую физиономию и показывает огромный грязный кулак.

Сегодня под водой мне абсолютно нечего делать. Все мои приборы работают нормально. Даже великий фокусник эхолот ведет себя вполне по-джентльменски. Я валяюсь весь день на койке с книжкой в руках. Хотя день в наших условиях — понятие весьма относительное. Бог его знает, что там сейчас, наверху.

Читаю Новикова-Прибоя. Все его вещи, вплоть до «Подводников», я читал еще в школе. Но теперь перечитываю совершенно иными глазами, как написанное о себе самом. Многие писали о море или, во всяком случае, пытались писать, но так, как он, — никто. Потому что он сам был моряком? Или потому, что написанное моряком читает моряк? Но ведь Станюкович тоже был моряком, а его рассказы мне кажутся какими-то приторными, надуманными...

В «Ерлашном рейсе» невольно расхохотался над строчками:

Матрос идет — спотыкается,

На клеш наступил — в бога лаетя.

Я так и вижу этого моряка, возвращающегося из увольнения на корабль в солидном подпитии. Бредет, покачиваясь, и мрачно ворчит, наступив на собственную широченную штанину.

— Ты над чем это хихикаешь? — окликает меня с нижней койки проснувшийся Чекорев.

Я читаю.

— Таких матросов нынче нет, — авторитетно заявляет Чекорев. — Нынче матрос пошел интеллигентный, да мелкий. Не те времена.

Чекорев — «ополченец», как мы его называем: призван из запаса, а до этого служил на миноносце еще в начале тридцатых годов. Он твердо убежден, что раньше и корабли были лучше, и матросы крепче, и море солонее.

Мы постоянно спорим с ним на эту тему. Ведь физическая сила — это еще не все. Сложнейшие механизмы современной подводной лод-

ки требуют в первую очередь знаний. Только для того, чтобы стать рядовым матросом, мне пришлось год учиться. Целый год, имея к этому времени десятилетку за плечами! Да и другим не меньше. А знания и, в конечном итоге, общая культура человека, естественно, сказываются на его внешнем облике, на поведении. Вот почему мрачная пьяная фигура, изрыгающая отборную ругань, — сейчас редкость. От старого флота остался особый флотский шик, умение носить форму и не теряться ни при каких обстоятельствах. И еще — безотчетная храбрость, заставляющая моряков и на сухопутье быть всегда впереди. Недаром фрицы называют отряды морской пехоты «черной смертью».

26 марта

Крупная неприятность, чуть было не окончившаяся трагически. И всегда так: смех и слезы, удачи и несчастья — рядышком, рука об руку.

Вышла из строя муфта Бамаг. Это механизм, автоматически отключающий линию вала от дизеля при срочном погружении лодки. Штука крайне капризная, хуже моего эхолота, да и по сложности устройства не уступающая ему. Но без эхолота мы можем плавать и даже воевать, а без муфты Бамаг, увы, нет. Без нее дизель работает вхолостую и лодка превращается в щепку, носимую по воле волн и ветра.

Целый день — все время обычного пребывания под водой — мотористы возились с проклятой муфтой. Ими руководил Алексей Иванович Тимофеев, наш механик, и, кажется, только он один был абсолютно спокоен. Они несколько раз разбирали муфту, что уже само по себе — дело нелегкое, если учесть нашу тесноту. И все бесполезно.

Мы ничем не можем помочь мотористам, и нам остается только молча переживать. Неужели и нас не минет печальный опыт плавания под парусами, выпавший на долю видявской «Щ-421»? Эта лодка в марте сорок второго года подорвалась на mine. Взрывом ей повредило корму и уничтожило гребные винты. И тогда, по решению командира, сшили парус из дизельных чехлов и подняли его на перископе. Так и дрейфовали довольно долгое время, пока не подошла другая наша лодка, снявшая экипаж искалеченной «щуки»...

К вечеру, когда электроэнергия подходила к концу, мотористы, наконец, нашли неисправность и устранили ее. Немедленно всплыли и включились на винт-зарядку, благо над морем уже сгустились сумерки, и вражеский берег утонул в темноте.

27 марта

Осушаю перископ: специальной машинкой удаляю влагу из его внутренней трубы, чтобы улучшить видимость.

Перископ полностью поднят, но его головка не достигает поверхности океана. В окуляр видна зеленая пелена. Вода отликает серебром. Какие-то тени бродят вокруг, рисуются целые картины, волшебные, неземные.

А ниже — тьма, густая и плотная. И где-то там, в этой вечной тьме, покоятся тела наших

товарищей. Может быть, вот сейчас, в эту самую минуту, мы проходим над их стальным, холодным гробом. И не знаем этого. И никогда не узнаем. Может быть, и сами мы скоро вот так же уснем вечным сном, приткнувшись к подводному рифу, обросшему водорослями, и другая лодка будет бесшумно скользить над нами в изумрудной, пронизанной солнечными лучами вышине, спеша на встречу победе или гибели...

Я отрываюсь от перископа.

Опять Шестаков? И нужно же было ему вылезти со своими идиотскими предчувствиями! Как занозу в сердце всадил.

30 марта

Выписка из гирскопического журнала:
00.00. Открытое море, курс 270, волна 4 балла...

Примечания:

02.00. Обнаружили караван противника в составе трех транспортов, одного танкера и восьми кораблей охранения.

02.30. Вышли в атаку. Торпедировали и потопили танкер, шедший в хвосте каравана.

02.50. Погрузились у кромки вражеского минного поля. Форсируем минное поле в подводном положении.

04.00. Всплыли в открытом море. Курс — Кольский залив.

И ни одной бомбы!!!

Вечером Толя Чекорев, бывший во время атаки на верхней вахте, рассказывает подробно-сти события.

— Караван заметили поздно. Он крался у самого берега, маскируясь скалами. Пришлось догонять. С концевой сторожевика нас обнаружили и запросили ратьером позывные. Командир приказывает: «Пиши ответ!» — «Какой, спрашиваю, ответ?» Тут он и загнул мне такое, что не приведи, господи! «Вот, говорит, это и пиши!» Ну, написал я, а фрицы переспрашивают, не поняли, значит. Пока я с ними таким манером переговаривался, батя: «Левый аппарат, пли! Правый — пли!» Не успели мы на обратный курс лечь, взорвался танкер. Прилично гроыхнул! Тут немцы опомнились, в погоню ударились. Все небо трассами расцвели — что твое северное сияние. А мы дошли до ихнего минного поля — и под него...

Закончил Чекорев довольно неожиданно:

— Молодец ты, Ванюшка, — говорит он Шестакову. — Хороший сон видел! Пусть тебе почаше такое снится.

Шестаков смущенно шмыгает носом, а глаза у него блестят. Будто и вправду по его милости атака прошла блестяще.

Разговоры вокруг потопления танкера еще долго не утихают в отсеке. Матросы возбуждены, спать никому не хочется. Даже подвахтенные не ложатся, хотя им скоро снова на боевые посты. Естественно, вспоминаются и прошлые походы. И тут я узнаю еще одну черточку нашего командира.

Подводным лодкам в боевом походе приходится множество раз форсировать вражеские минные поля. Это очень опасно. Предполагают, что большинство лодок и гибнет на этих полях.

Но делать нечего: иначе не попасть туда, где ходят вражеские караваны.

Противолодочные мины немцы ставят ярусами на разной глубине. И от каждой мины — вверх и вниз — тянутся двадцатиметровые антенны. Заденешь ее — и взрыв. А поскольку максимальная сила взрыва направлена вверх, то форсируют минные поля обычно на больших глубинах. Это уменьшает опасность, хотя и не снимает ее совсем. Ведь можно задеть минреп каким-нибудь выступом корпуса — скажем, горизонтальными рулями — и притянуть мину к лодке.

Колосов решил поступать по-другому. Общая величина отлива и прилива в Баренцевом море — семь метров (по 3,5 метра от нуля). При полном отливе мины и антенны не обнажаются, следовательно, над ними есть еще запас воды. Перископная глубина «малютки» — около семи метров. А раз так, то при полной воде лодка смело может пройти поверх мин! Так наш батя и сделал. И, проложив первый «фарватер» над минным полем, он гулял затем по нему, как по Невскому, вопреки инструкциям и строжайшим приказам.

Правда, такие варианты не всегда возможны. Война есть война, и обстановка иной раз просто заставляет проходить минные поля на глубине. Так было, например, сегодня. Да и раньше случалось нам нырять под мины. В одном из походов даже намотали минреп на кормовые горизонтальные рули. Всплыли, а сзади сюрпризик плывет — рогатая громадина. Того и гляди, рванет. И не избавишься, зацепишься крепко. Куда лодка, туда и она, а чуть сбавишь ход — мина начинает приближаться к корпусу. Хорошо, что произошло это вблизи своих берегов. Зашли в Пуманку и там с величайшими предосторожностями избавились от веселой спутницы.

1 апреля

Вот и Кольский залив.

Грохочет дизель, звонкой песне вторя,

Залив объятия широкие раскрыл.

Идет хозяин Баренцева моря,

Он отыскал врага и победил.

«Команде на базу!»

Вечером был мощный сабантуй. Мы пригласили друзей с других лодок и отпраздновали победу соответственно возможностей каждого.

Мои возможности не на высоте. В школе мы как-то обходились без выпивок, на вечеринках бывало весело и без этого.

— Ну, а теперь, вроде бы, ничего, привыкаю. Да и как не привыкнуть, коли тебе положено, коли перед каждым походом на лодку волокут жбан водки, в котором есть и твоя порция.

Только вот что странно: водку выдают на поход, я же ни разу не видел, чтобы в море кто-нибудь из офицеров или матросов выпил хоть грамм. Это и понятно: на подводной лодке, где жизнь всего экипажа зависит от действий каждого в отдельности, где даже малейшая ошибка, неверное движение может оказаться роковым — пьяному не место. Это неписанный закон, который исполняется неукоснительно всеми. И все-таки перед каждым походом волокут на лодку заветный жбанчик. А почему бы не получить ее после похода? На победный банкет, скажем?

Но традиции — как каменная глыба. Не сковырнешь.

3 апреля,

Тюва-губа, на якоре

Увы, радости наши оказались преждевременными. Как донесла разведка, потопили мы не танкер, а сторожевик. Он шел концевым в караване, сразу за танкером, и в момент нашей атаки вздумал обогнать его. Обогнал — и нарвался на наши торпеды.

Досадно! Грузный танкер несравненно ценнее сторожевика, водоизмещение которого всего-то 800 тонн. Но это все-таки лучше, чем ничего.

Сейчас раннее утро, рассвет. Экипаж еще спит. Только боцман да я бодрствуем по долгу службы: вахта. Боцман сидит на мостике. Главный объект его забот — наш якорь. Я, как всегда, внизу.

Ветер, отчаянно дувший всю ночь, стихает. Лодка тоже притихла и уже не дергается с якоря, как рассерженный цепной пес. Молчат холодные механизмы, не дрожат стрелки манометров, и даже дежурная лампа над штурманским столиком светит в половину накала: тоже дремлет. Только откуда-то сверху, с мостика, слышится приглушенный звук, похожий не то на отдаленный вой сирены воздушной тревоги, не то на скрип ржавого брашпиля. Это поет боцман.

Я только что кончил осмотр внутренних помещений корабля, занес в вахтенный журнал стереотипную фразу: «Лодка осмотрена, замечаний нет» и засел за дневник. Это самое удобное время для моей писанины: никто не мешает, да и думается в ночной тишине хорошо.

Так уж устроен человек: даже будучи членом большого, сложного коллектива, он не может обойтись без своего личного, интимного мирка. Для одних он — в письмах, для других — в книгах, для третьих — в дружбе. А для меня вот — в дневнике.

Итак, что же произошло за последние дни?

Танкер не состоялся, и это печально. Из главной базы нас выперли в пустынную Тюва-губу, и это тоже печально. А вчера наши мальчики нашусли в каком-то женском общежитии — и это печальнее всего. Батя ходит злой.

А в главной базе сейчас праздник. Вернулась «С-51» с большой победой, и меня ждет ее штурманский электрик Громов. На «двадцатку» приехала команда с Дальнего Востока, и среди них — мой друг Димка Сивков. А на «семерку» приехали шефы. Последнее, пожалуй, самое интересное.

Как и некоторые другие лодки, «семерка» имеет персональное имя. Называется она «Новосибирский комсомолец», так как построена на средства комсомольцев Новосибирской области. На лодку часто приезжают шефы — молодежные делегации, и всегда это праздник для всей бригады. В составе делегаций, как правило, концертные коллективы самодеятельности. Кроме того, делегации сплошь состоят из девушек, которые выглядят здесь, как жители другой планеты: все красивые, воздушные и бесконечно привлекательные.

В одной из делегаций была девушка, взволновавшая всю нашу бригаду. Звали ее Саша Матвеевко. Потрясла же она нас не красотой, а песнями.

В тот вечер концертный зал бригадного клуба был набит битком. Номера — один лучше другого: видно, шефы долго готовились к концерту. Матросы яростно хлопали. Только на первом ряду сидело несколько штурманцев в «веселом естестве». Они бросали язвительные замечания в адрес артистов и тем портили впечатление. Но когда на сцену вышла Саша и запела — умолкли и они.

Саша пела бесхитростные песенки, известные всем, — «Цветочницу Анюту», «И сама я не пойму» и другие. Но простота слов и мелодии удивительно сочеталась с простотой и естественностью исполнения, а главное — с хорошей, очень милой улыбкой, не сходявшей с лица Саши. Мы слушали девушку, как замороженные.

Сашу долго не пускали со сцены. Больше того, сделали грамзапись ее песенок и крутили по бригадной трансляции с утра и до вечера, когда Саша уже была далеко.

Однажды, под впечатлением этой самой грамзаписи, я написал Саше письмо и недавно получил ответное послание, очень хорошее, дружеское.

И вот сейчас — снова шефы, среди которых, возможно, и она.

А мы зажигаем в этой унылой Тюве...

Песня... Великая сила — песня, особенно в военные годы. Раньше я просто не замечал этого. Мы пели и в школе. Но скорее от избытка энергии. И пели-то чаще всего что-нибудь залихватское. А когда я слышу сейчас, как поют матросы вечерами в кубрике, мне всегда вспоминается кинофильм «Чапаев» и песня чапаевцев перед роковым боем. Тогда мне это казалось просто красивой сценой, находкой режиссера. Теперь я понимаю, что так могло быть на самом деле. Так должно было быть.

Чаще других мы поем «Землянку», хотя она совсем не «мобская».

До тебя мне дойти нелегко,

А до смерти — четыре шага...

Эти слова невозможно слушать холодно-кровно.

Четыре шага...

До гибели «восьмерки» большой популярностью пользовался «Вечер на рейде» Соловьева-Седого. Особенно хорошо эту песню исполнял именно экипаж «восьмерки». У них даже был свой хор, заправлял которым торпедист Виктор Мамаев, и эта песня была у них самой любимой. Так с ней и ушли в свой последний поход. С тех пор мы не можем равнодушно слушать ее. Как только начинают передавать по радио — обязательно кто-нибудь выдергивает штепсель.

Песен много, и песни разные. Есть даже свои, «подводные», по-видимому, вышедшие из-под пера местных авторов. Поются они чаще всего на мотив знаменитого «Кочегара». Вот, например, начало одной:

Под толстым покровом холодной воды

Подводная лодка лежала,

Весь корпус измят — от бомбежки следы,

Не лодка, а грудa металла...

Дальше в песне рассказывается о том, что в лодке остался всего один не заполненный водой отсек, а в нем — пятеро моряков, ожидающих мучительной смерти от удушья. Такое мог написать только моряк-подводник, прекрасно представляющий обстоятельства гибели себе подоб-

Песен много и всем им присущи мотив скорби и мотив мужества — чувства, неразделимые на война.

Впрочем, вру. В прошлом году я присутствовал на вечере, где пелись совершенно другие песни. Это было в мурманском клубе тыла. Не знаю почему он так назывался. Мы назвали его иначе, выразительнее: «Клуб Серая Роба».

Клуб представлял собою здоровенный барак с успех сооруженным зрительным залом и сценой. Но поскольку других не было — город разнесен вдребезги, — то он нас вполне устраивал. В тот вечер приезжие артисты ставили в нем оперетту «Сердце мексиканки» — самую легкомысленную из всех, какие можно себе представить. По сцене порхали женщины в цветастых одеяниях. Они что-то выкрикивали, что-то пели, что-то плясали. В зале сидели моряки — и наши, и иностранные, — дымили трубками и одобрительно гудели. А за стенами барака потрескивали зенитки и надсадно выли сигнальные буи.

И вот, в разгар представления, на сцену поднялся какой-то капитан третьего ранга. Бесцеремонно отодвинув артистов в сторону, он обратился к залу: «Товарищи! Только что получено сообщение: наши войска под Сталинградом перешли в наступление, прорвали оборону немцев и окружили всю немецкую группировку!..»

Бог ты мой, что тут началось! Это был единый вопль сотен глоток изрядно просоленных морем. Его слышали, наверное, на всех кораблях, стоявших в Мурманском порту. А потом все полезли на сцену являть свое искусство и свои чувства: качались, обнявшись, американские матросы, плясали русские, пели англичане. А в укромных уголках уже шли по рукам заветные флажки.

Да, это был восторг. Это был сгусток восторга, который вдруг выплеснулся в едином порыве, как долго удерживаемая пружина.

4 апреля

Получил письмо от жены Василия Ивановича Князева. Все письмо — сплошной вопросительный знак: где Василий? Что с ним? Почему он молчит?

Как ответить на такое письмо? Нужно написать всего несколько слов: погиб в море при исполнении боевого задания. А сделать это — нет сил.

Мы долго отбираем с Сашкой рисунки Василия Ивановича — все богатство, оставшееся после него. Я забираю рисунки к себе, в надежде съездить в Мурманск и передать их Людмиле.

6 апреля

Сегодня воскресенье. С утра, забрав альбом и краски, я отправляюсь на свое излюбленное место — Екатерининский остров.

Остров — большое каменистое плато — отделен от материка узким проливом. Здесь, на самом берегу, стоят несколько бревенчатых барачков. А дальше — причудливое нагромождение гранитных глыб, голых и неуютных. Лишь кое-где в лощинках торчат жалкие прутья карликовых березок. И все.

48

Я устраиваюсь на северной оконечности острова, возле самой воды. Прямо передо мной —

выход из Кольского залива в открытое море. Широкое ущелье среди красноватых, изъеденных мохом скал.

Много видели эти скалы. Мимо них проходили первые русские поморы на утлых ладьях. Скалы видели черные паруса всевозможных корсаров. Видели английские и американские крейсера в годы гражданской войны. Мимо них проходят сейчас караваны союзников. И сколько раз мы сами посылали им прощальный привет, отправляясь в боевой поход к берегам Норвегии...

Море относительно спокойно: пора зимних штормов миновала. Оно ровное, однообразно рокочет, набегая на скалы, и, если закрыть глаза, кажется, что это ласково мурлычет какой-то громадный зверь. Именно зверь. Даже сейчас, когда все спокойно, легкий прибой лениво колыхает у моих ног спасательный круг с какого-то погибшего корабля.

Я смотрю на море. Широкий водный простор поминутно меняет свой цвет. Он то отливает холодной упругой сталью, то вдруг мгновенно синее, вскипая белыми хлопьями штормовой пены. Кружатся чайки, оглашая воздух тоскливыми криками. И эти рыдающие звуки — как естественная и необходимая деталь в общей картине...

Вечер. В нашем «малюточном» кубрике снова веселье. Только что пришла с победой «пятачка» Хрулева. Свежеотмытые матросы, несмотря на свои бледные, замученные физиономии, выглядят именинниками. Вальяются на койках, горланят.

Руководит импровизированным хором гидроакустик «пятачки» Демьяненко — он же Негус, долговязый парняга, смуглый до черноты. Поет Негус с чувством, дирижирует, и при каждом взмахе рук его фланелька мелодично вызывает тремя орденами и целой гирляндой медалей.

Здесь же пристроился молодой, незнакомый нам корреспондент «Краснофлота». Он настойчиво выспрашивает у рулевого Васки Казанцева подробности атаки. Казанцев отмахивается, потом сдается и, хитро прищурившись, начинает сочинять:

— Вот поднимает командир перископ и видит — прямо по носу фашистский тральщик, а на его палубе двое негров глубинную бомбу катят, — у них специально негры бомбы бросают. Ну, бросили ее, к-а-а-к она трахнет!..

Корреспондент смотрит на Казанцева изумленными глазами.

— Ведь, врешь, поди? — спрашивает он.

— Вру! — охотно соглашается рулевой. — А тебе правду надо? За правдой, милый, ты туда, в море, сходи. Тогда и спрашивать не надо будет.

Корреспондент обижается и уходит.

А кубрик грохочет...

7 апреля

Погиб Оги — норвежский разведчик и наш большой друг.

На бригаде их целая группа — тех, кто не принял тюремного режима, установленного в Норвегии фашистами, и перешел на нашу сторону. Как разведчики — они незаменимы. Обычно их высаживают на захваченное врагом побережье с подводных лодок, на лодки же и принимают.

Вид у норвежцев — самый живописный. Костюмы смахивают на лыжные. На широких поясах — пистолеты, финские ножи и связки гранат. Со всем этим багажом они не расстаются даже и тогда, когда идут в столовую. Чаще всего их можно застать на скамье у пирса, в видяевском скверике. Они часами просиживают там, молча поглядывая на море и покуривая свои неизменные трубочки.

Норвежцы — народ необщительный, молчаливый. Оги был исключением. Он тоже плохо говорил по-русски, но у него было интернациональное средство общения — аккордеон. И владел он им мастерски.

Оги был крепко привязан к нам. Ведь именно мы, малюточки, чаще других высаживали его в укромных местах норвежского побережья. А кто-то, кажется ребята с «пятерки», однажды сняли его с глухой скалы у Маккаура, куда Оги загнали немецкие автоматчики. И немудрено, что Оги именно к нам чувствовал особое расположение, впрочем взаимное.

Когда в дверях кубрика появлялась его неизменная белозубая улыбка в рыжей бороде, мы хором орали: «Салют!» — любимое приветствие Оги. Он проходил, крепко пожимая всем руки, усаживался на чью-нибудь койку и разворачивал меха аккордеона.

— Русски? Норвежски? — спрашивал Оги.

— Норвежски, — отвечали мы.

И концерт начинался.

Оги играл и пел. Он пел свои родные норвежские песни, и, слушая его, я, кажется, впервые начал понимать, что значит народная песня.

Я никогда не был в Норвегии. Та узкая береговая полоса, которую я неоднократно видел в перископ нашей подводной лодки, была еще не Норвегия. В лучшем случае, это была ее визитная карточка, за которой скрывалось неведомое. Я не знал норвежского языка и не понимал слов песен Оги. Да этого и не требовалось. Мелодия заменяла все.

Вот Оги мощным рывком растянул свой аккордеон. Рука его быстро забегала по басовым клавишам, и я, не насылая воображения, услышал тревожный гул океанского наката. Увидел волну, стремительно бегущую к берегу. Она увеличивается, рокочет все громче и громче, вскипает длинными полосами шипящей пены и, наконец, гулко, как пушечный выстрел, разбивается об отвесные скалы фиорда. И снова нарастающий рокот... Прибой!

А вот другая мелодия: тихая, спокойная, чуть грустная. В нее влетают людские голоса, стук топоров, крики чаек. Это рыбацкий поселок на берегу — скромные хижины, ленивый дымок из труб, монотонный скрип уключин на ближнем рейде...

Еще одна — бодрая, сильная, свежая, как воздух моря. Это накренившаяся под тугим парусом рыбацья шаланда с крепкой девичьей фигурой на руле — чайкой пронесится мимо в каскадах пены и брызг, и долго еще слышится смех, звонкий и радостный, как сама жизнь.

Так играл Оги — большой музыкант и большой человек. А мы слушали молча, потрясенные и просветленные.

И вот Оги погиб. Он попал в засаду при очередной высадке. Лодку обстреляли из скорострельных пушек, когда Оги был уже на пути к берегу. Пришлось срочно погружаться. Оги застрелился, встав во весь рост в утлой резиновой

шлюпочке. Он еще помахал нашей рукой перед смертью и крикнул свой постоянный привет: «Салют, друзья!» Последний в жизни салют...

Какое это чудо — сильная, честная, талантливая, ищущая человеческая личность! А ведь это доступно каждому, как доступна красота лица и одежды, души и мыслей, о которой сказал Чехов. Когда-то мы писали сочинение на тему этих чеховских слов и недоуменно фыркали: как это так — красота лица? А если я некрасив от природы?

Прав Чехов, тысячу раз прав, и природа здесь ни при чем. Все — от человека, от его разума и характера. А разум и характер — это то, что постоянно воспитывается, совершенствуется и окружающим, и самим человеком. Прежде всего самим человеком.

10 апреля

Сегодня нас награждали орденами и медалями. Происходило это так.

Нашу команду и команду «четверки» выстроили лицом друг к другу. У красного столика, специально для этого принесенного в кубрик, встал командир бригады, капитан первого ранга Колышкин. Он называл фамилии по списку, жал руку и передавал коробочку с наградой.

Вот и все...

Мне, Ялюшеву и Сергею Пьянкову вручили медали «За отвагу». Остальным — ордена. Немного обидно за Сережку. Мы с Ялюшевым и по возрасту самые молодые, и на лодке недавно. А ведь Пьянков участвовал во всех походах лодки. Но больно уж он какой-то тихий, незаметный. Может быть, а этом причина?

Толя Чекорев, получивший орден Красного Знамени, своеобразно утешил нас. Встав в позу, он продекламировал свои собственные свежие-испеченные стихи:

Всегда вперед — назад ни шагу,

Медаль получишь «За отвагу»!

Иначе отнесся к моему награждению Николай Павлович. Потрепав меня по плечу, он сказал:

— Первая награда дается не за победу над врагом, а за победу над самим собой, над собственной неуверенностью и боязнью. Ты неплохо держался в походах. Так что носи на здоровье!

Я очень благодарен Новожилову, он удивительно верно сказал. Маленький серебряный кружок, а такой большой путь к нему.

Как сейчас помню начало войны. Я тогда только что кончил десятилетку. Родителей у меня не было, поэтому последние годы я жил, что называется, «на подножном корму». Было чертовски трудно, временами я откровенно нищенствовал, но школу не бросил. Помогала мечта об университете да добрые люди. А их было немало.

И вот — 20 июня 1941 года. Выпускной вечер, вручение аттестатов — безумно радостный день. Мечта свершилась! А ровно через две недели, обритый наголо, я стоял в шеренге таких же растерянных одноклассников и ждал погрузки в воинский эшелон.

Это был тоже один из тех дней, что не забываются всю жизнь, но совершенно противоположный первому — тревожный, страшный. Нас, мальчишек, окружала толпа плачущих родствен-

ников. Рыдали и бились в истерике матери, испуганно жались к ногам ребятки. Даже мне, хотя меня никто не провожал, было больно и жутко. И все мы, уезжающие на фронт, почувствовали явное облегчение, когда поезд, наконец, тронулся.

Но это было еще не все. Поезд формировался долго, наш вагон несколько раз останавливался на путях и рыдающая толпа вновь наступала на него. И снова крики, и снова объятия, и снова искаженные мучой, ставшие страшными лица. Тогда я впервые понял вдруг, почувствовал всем своим существом, что едем мы — не на праздник.

Мы ехали долго, но не на фронт, как предполагали вначале, а совсем в другую сторону — на восток.

В конечном пункте нашего пути, во Владивостоке, мы целый месяц проходили всевозможные комиссии, прежде чем на моих документах был оттиснут последний, доставивший мне великое удовольствие штамп: «На флот».

А потом — школа подводного плавания, классы, книги, электронavigационные приборы и первые посещения подводных кораблей — практика. Учиться мне было до смешного легко: ведь только что со школьной скамьи. Помогало и то, что я, как всякий мальчишка, увлекался морем и прекрасно знал парусное вооружение и устройство корабля.

Обстановка в школе была напряженной. Хотя фронт находился от нас за тысячи и тысячи километров, мы постоянно чувствовали дыхание войны. Рядом была Япония, только что ознаменовавшая свое вступление в войну нападением на Пирл-Харбор. Занятия наши часто перемежались тревогами. Мы хватали винтовки и выскакивали за пределы школы на «заранее подготовленные позиции». Потом лежали по мелким окопчикам и с досадой поглядывали на безнадежно пустые склоны сопок. Как нам хотелось, чтоб на этих склонах появился враг, настоящий враг! О, мы бы ему показали!

Святая наивность...

В мае 1942 года состоялся выпуск. Я получил первый разряд — в аттестате одни пятерки — и право выбора дальнейшего места службы. Таким местом было одно: фронт.

И вот снова поезд, на этот раз в западном направлении. На перроне Красноярского вокзала я смог, наконец, с гордостью сказать своей школьной подруге Вале Швецовой: «Я еду на фронт». И горечь в ее глазах доставила мне неслыханное наслаждение. Ведь мне было так стыдно писать ей письма из глубокого тыла.

Мы ехали на фронт в каком-то приподнято-тревожном состоянии. Незнание пугало и манило. Будущее виделось в романтическом ореоле: океанские волны, суровые, обветренные лица, стремительные взмахи корабельной палубы и — подвиг. Обязательно подвиг!

Мы ехали на фронт, не имея никакого представления о войне. Да и откуда нам было его иметь? Политинформации нашего ротного наставника сводились примерно к одному: немцы — сплошь трусливые дураки, а наше отступление — стратегический маневр.

И вот теперь с каждым оборотом вагонных колес мы приближались к той огненной черте, которая на газетных страницах называлась линией фронта.

На большом судостроительном заводе мы получили лодку типа «М», вернее то, что должно было стать лодкой, и с этим багажом отправи-

лись к месту своей «постоянной прописки» — в действующий Северный флот.

Мурманск произвел на нас тяжелое впечатление. Город был изуродован. Некоторые кварталы узнавались только по лентам мостовых да печным островам. Не в лучшем состоянии оказался и центр города. Здесь повсюду виднелись кирпичные завалы, покореженные металлические балки, слышалось тоскливое шуршание обойных лохмотьев.

Поселили нас в двухэтажном доме на горе — бывшем детском садике. Здесь жили экипажи ремонтирующихся подводных лодок. Странно было видеть винтовочную пирамиду рядом с длинным Буратино, нарисованным на стене. Но еще более странно — смотреть на матросскую фланель с рубиновой тяжестью орденов, небрежно брошенную на кровать. Да и вообще все эти ребята казались нам необыкновенными. Ведь они уже побывали в боях, участвовали в торпедных атаках, слышали грохот глубинных бомб.

Первая бомбежка... Собственно, не первая. Первые мы видели еще на Волге. Но там это выглядело иначе. А здесь...

Сирены завывали, как только стемнело. А темнело рано, полярная ночь уже вступила в свои права. И началось: сумасшедшая пляска прожекторных лучей, разноцветные трассы в черном небе и дикий, ни с чем не сравнимый вой авиабомб. И так до утра.

А утром — черная копоть пожарищ, свежие, еще дымящиеся развалины и окровавленные тряпки в сугробах. Удивительно красной кажется кровь на снегу. Багряные пятна режут глаза, становится так больно, как будто ранен ты сам, как будто это твоя кровь алеет на снежном насте.

И, наконец, первое боевое крещение.

Это была жуткая ночь! Вероятно, в ней не было ничего сверхъестественного — обыкновенный бой. Но для меня, не нюхавшего пороха, все это было очень страшно: и яростное завывание самолетов, и грохот орудий, и море огня на пирсе, и нелепо задранная корма погибающего корабля. И люди... Люди в ледяной воде, зывающие о помощи. Люди на пирсе — неподвижные фигуры на багровом от пожара снегу...

От моего восторженного восприятия жизни и войны не осталось и следа. Реальная правда войны, правда крови и смерти ужаснула меня. Как я страдал на другой день! Страдал нравственно, а эта боль бывает страшнее боли физической. Страдал от мысли, что я — жалкий трус.

И кто знает, что бы я сделал, если бы не простая случайность. Краем уха я услышал разговор нашего командира с командиром краснознаменной «Щ-402» Каутским. Этот увешанный орденами подводник, о мужестве и отваге которого ходили легенды, рассказывал нашему командиру, как он отчаянно трусил в первом бою...

Я не верил своим ушам. О страхе говорилось как о неизбежном, которое переживает каждый человек, впервые соприкоснувшийся с войной.

Рассказ Каутского явился для меня открытием. Другими глазами посмотрел я вокруг и вдруг увидел то, чего не замечал раньше: мои друзья, мужеству которых я только что дивился и втайне завидовал, чувствуют себя ничуть не лучше, чем я. Их лица так же бледнеют от близкого взрыва бомбы, а пальцы: предательски дрожат. И увидев это, я понял, что иначе и быть не могло. Все живое боится смерти и человек — прежде всего, так как, в отличие от животного, наделен разумом, способен осмыслить грозящую опас-

ность. Но кроме разума, человек наделен еще и волей. Истинный героизм и заключается в умении мобилизовать свою волю, подавить естественный страх.

А ведь эту волю можно и нужно воспитывать до фронта, воспитывать правдой. Но, увы, мы слишком часто боимся этой суровой и необходимой правды, отделяясь крикливыми лозунгами, которые только дезорганизуют и разоряжают.

С той поры утекло много воды. Каждый день раздвигал горизонты, приносил новые знания, новый опыт. В трудных условиях полярной ночи, под непрерывными бомбежками мы достраивали лодку и делали на ней первые пробные походы. Потом был госпиталь и новое назначение — на «М-119». И вот теперь, как венец этого длинного и сложного пути, — маленький серебряный кружок.

Медаль — не орден, истина очевидная. Но на моей медали написаны замечательные слова: «За отвагу»...

Прав Николай Павлович, прав, как всегда!

12 апреля

И снова трагедия: не вернулась «шестерка». Не вернулась!.. Два маленьких слова, а за ними — кровь и слезы. Нестерпимо тяжело видеть, как уходят каждый день здоровые, сильные, красивые люди. Уходят, и вместо них остаются два слова: «Не вернулись»...

Они потопили транспорт, атаковали большой караван. Два эсминца, шедшие в конвое, начали преследование, и их мощные шумопеленгаторные установки нащупали лодку.

Миноносцы долго бомбили «малютку» и преследовали ее до тех пор, пока у наших попросту не кончилась электроэнергия. Тогда командир принял единственно правильное решение: они всплыли и вступили в бой.

Это было похоже на самоубийство. Что могла сделать «малютка» со своей крошечной сорокапятимиллиметровой пушкой против дальноточных орудий эсминцев? Конечно, немцы в два счета потопили лодку, но наши моряки погибли в открытом бою, приняв смерть в лицо. Уже погружаясь в океанскую пучину, лодка продолжала стрелять по врагу, пока волны не скрыли пушку...

15 апреля

Днем в кубрик на береговой базе ввалились Шестаков и Пьянков, отпущенные в увольнение в город. Ну и вид у них был! Багровые физиономии, блестящие глаза, заплетаются ноги, а в руках — здоровенная канистра с надписью по-английски: «Армия Соединенных Штатов». Еще с порога они завопили нестройным дуэтом:

— Налетай, братва, ром! Целая канистра!

Братва налетела, но боцман быстро навел порядок, забрал канистру и устроил рулевым допрос с пристрастием. Оказалось, что канистру с ромом тащили два американских матроса. Убоявшись объявленной воздушной тревоги, они

бросили свою ношу в снег и смылись в ближайшее бомбоубежище. Шестаков с Пьянковым видели это. Они обследовали канистру, изрядно хлебнули из нее, и, решив, что в нашем кубрике ей будет уютнее, чем в снегу, захватили с собой.

Мы были потрясены рассказом. Особенно долго не мог прийти в себя Махов.

— Нет, вы подумайте только, — говорил он, обращаясь ко всем по очереди: — Бомбежки испугались, ром бросили! Ром!.. И это моряки?!

Да, моряки неважные. С этим согласились все и вполне одобрили действия рулевых. Но тем не менее вечером в кубрике уже висел очередной номер «Боевого листка» с хлестким рисунком во всю страницу: Шестаков и Пьянков бредут по снегу нежно поддерживая друг друга, и расппевают во всю глотку:

Нам в этой жизни хорошо:

Мы оба плаваем на лодке.

В одном ошибся только бог,

Что сделал море не из водки!

Надо сказать, что в последнее время все мы чувствуем себя как-то не на месте, как-то тревожно. То ли весна действует, то ли слухи о предстоящем ремонте. Средний ремонт — это здорово! Это значит — все лето в Мурманске. Просто трудно поверить в такую возможность.

По правде говоря, наши ребята заслужили отдых — если ремонт можно назвать отдыхом. Весь год не вылазили с моря.

Недавно мы всем экипажем выпустили юбилейный «Боевой листок» — итоги года (немного больше) плавания в составе бригады подводных лодок Северного флота. И надо прямо сказать, итоги такие, что для «малютки» — лучше не придумаешь.

Вот они:

1. 16 февраля 1943 года — торпедирован транспорт противника водоизмещением 4000 тонн.

2. 21 февраля 1943 года — потоплен транспорт противника водоизмещением 8000 тонн.

3. 4 марта 1943 года — потоплен транспорт противника водоизмещением 7000 тонн.

4. 21 марта 1943 года — потоплен транспорт противника водоизмещением 6000 тонн.

5. 1 мая 1943 года — потоплен транспорт противника водоизмещением 10000 тонн.

6. 19 ноября 1943 года — торпедирован транспорт противника водоизмещением 3000 тонн.

7. 7 марта 1944 года — потоплен транспорт противника водоизмещением 8000 тонн.

8. 30 марта 1944 года — потоплен сторожевой корабль противника водоизмещением 800 тонн.

Примечание: Торпедированным считается корабль, потопление которого разведкой не подтверждено.

Итак, всего потоплено и торпедировано восемь кораблей противника общим водоизмещением в 46000 тонн. Сорок шесть тысяч тонн! Это больше, чем водоизмещение крупнейшего германского линкора «Тирпиц». А ведь на потопленных кораблях были военные грузы, было ценное оборудование, были вражеские матросы и солдаты.

Правда, один транспорт оказался «неудачным». Как выяснилось позже, он был гружен сеном. Вот батя негодовал! Зато он — лихой

вознаграждал себя в другом походе, пустив ко дну транспорт с офицерами, отправлявшимися на отдых с Карельского фронта. Но об этом я уже писал.

Весна!.. Матросы как спятили. В бригадном клубе каждый вечер танцульки. Я тоже хожу и даже танцую с Зойкой. Правда, она очень часто изменяет мне с лучшими танцорами...

Недавно Колышкин устраивал вечер вопросов и ответов. Хорошие это вечера. Вероятно, так должен поступать каждый настоящий командир: это так сблизает! Не обходится, правда, и без курьезов. В прошлый раз, когда Колышкин рассказывал об интересном нововведении — присвоении воинским частям наименований тех мест и городов, при взятии которых они особенно отличились, ребята из морской пехоты, только что вернувшиеся с Рыбачьего, спросили: «А вот мы сопку у немцев отбили, называется «Яйцо». Какое нам название будет?»

Зал хохотал, наверное, с час.

Преображающая сила весны сказывается прежде всего в природе. Существует убеждение, что красивой может быть только природа Юга, а Север — сплошная серость.

Это неправда. Скорее даже наоборот, как это ни дико на первый взгляд. Краски юга чересчур ярки и поэтому грубы, как если бы художник стал писать картину одними чистыми тонами: синий, красный, желтый. На Севере же — все на полутонах, на оттенках, самых тонких и нежных.

Дня два назад мы стояли несколько часов на якоре в Оленьей губе. Раннее утро, солнце еще не встало, но все вокруг наполнено «предчувствием» его: вода кажется особенно глубокой и спокойной, скалы — чистыми и четкими, а небо — как фантастический фейерверк: все в цветах, самых неожиданных — от слабо-зеленого до густо-фиолетового...

Весь экипаж был на мостике. Матросы сидели на поручнях и молчали. Сверхалось что-то необъяснимое, в высшей степени прекрасное, святое. Кажется, мы впервые поняли смысл слова «храм». Природа была храмом и требовала гимнов.

Увы, кончилось все это совсем не величественно. Филька Ткач вдруг ухватился за голову и издал горлом булькающий звук. В его взгляде, устремленном на воду возле борта лодки, было столько неподдельного изумления, что все мы невольно уставились туда же. Там, метрах в двух от корпуса, из воды торчала... собачья голова. Она в упор разглядывала нас выпуклыми глазами и недовольно морщила нос.

По-видимому, мы являли собой последнюю сцену гоголевского «Ревизора», пока Сергей Махов не расхохотался.

— Тюлень, — сказал он.

И все превратилось в прозу.

Пятнадцатое апреля. Через две недели мой день рождения. Мне стукнет 21 год.

Интересно, где я его встречу: на берегу или в море?

20 апреля

Вот и апрель на исходе. Скоро май, а там и лето. Хотя и полярное, а все-таки лето.

Кончается третий год войны. Он был поворотным: фрицев гонят на всех фронтах. Сводки Информбюро — одна радостнее другой. Перелом в войне чувствуется и здесь, на Севере. Прекратились массированные налеты фашистской авиации на Мурманск, да и над Кольским заливом, снова забитом транспортами союзников, фрицы появляются редко. В море тоже стало спокойнее. Похоже, немцы спрятались по фиордам и выжидают. Чего?

Наша бригада тоже порядком всыпала фашистам. На дне — десятки и десятки кораблей врага, и торговых, и военных. Но и цена, уплаченная за них, высока. Особенно тяжела была осень 1943 года, когда подряд, одна за другой, уходили и не возвращались наши лодки: «Щ-422», «М-174», «К-1», «Щ-403», «М-172»... Страшный список!

Но особенно тяжело переживалась гибель «М-172» Фисановича. Собственно, она не была уже лодкой Фисановича, он ушел с нее к нам комдивом. На лодку был назначен другой командир, но мы, по привычке, так до конца и называли «М-172» лодкой Фисановича.

«М-172» носила на рубке цифру 13. Тринадцать потопленных кораблей, десятки походов, самые невероятные истории и критические ситуации, о которых взахлеб рассказывали матросы, вот чем была «М-172».

Лодка Фисановича была для всей бригады своеобразным символом непобедимости. Она всегда возвращалась, в какие бы переделки ни попадала. Это вселяло уверенность в экипажи других лодок: если благополучно плавает «малютка» Фисановича, если она неуязвима — чем хуже мы? И кто знает, может быть многие рискованные операции других лодок своим благополучным исходом обязаны мужеству экипажа «М-172».

И вот лодка погибла. Причина, как полагают, — смена командира. Да так, по-видимому, и есть. Пошли с новым командиром в первый поход — и не вернулись.

Погибли знаменитые гидроакустик Шумихин, старпом Бутов и другие, еще вчера — живые носители легенды. Сегодня о них говорят в прошедшем времени. И, вероятно, поэтому легенда неудержимо растет. Когда-нибудь она выльется в величественный памятник.

Так должно быть.

21 апреля

Вот тебе, бабушка, и юрьев день!

Получил приказ перейти на «двойку» и идти с ними в море. У них заболел штурманский электрик перед самым походом. Везет же мне на замены!

Не знаю, хорошо это или плохо. Впрочем, думай не думай, а приказ получен, собирай барахлишко и топай. Только Ванька Шестаков, ворон-вещун, под конец испортил настроение, напомнив мне о судьбе нашего моториста Першина, погибшего на чужой лодке.

В море вышли в тот небольшой кусочек тьмы, который еще остался от полярной ночи.

Густой предутренний туман плотно окутывает водную поверхность, скрывая и линию горизонта, и волны, и берег. Кажется, что все вокруг накрыто плотным футляром из холодного влажного войлока. Только где-то за кормой слабо мерцает голубой отсвет сигнального маяка с Кильдына. Скоро гаснет и он. Остается одно: грохочущая необъятность открытого моря. И в центре — мы.

Вновь я переживаю это странное ощущение — чужой корабль. Кажется, все тут знакомо до винтика: тот же тип лодки, те же механизмы, тот же распорядок жизни. Лодка идет полным надводным ходом. Я вижу спину моториста в пятом отсеке. Он сидит перед пультом управления и чутко прислушивается к ритму работы дизеля. И мне кажется, что это Сергей Махов. В центральном посту возле столика с морскими картами видна фигура штурмана. У него такое же сосредоточенное лицо, как и у нашего Капитанова, когда он занят прокладкой. Четвертый отсек, как всегда, — царство сна. Все то же — и не то. Даже приборы.

Первые сутки похода промелькнули для меня чертовски быстро, вероятно потому, что я все их угробил на возню с приборами. Они — в ужасном состоянии. В камере лага оказывается вода, и мне приходится поднимать его, менять масло, промывать вертушку и опускать снова. Упорно отклоняются от курса три репитера гирокомпасов, причем один из них — ходовой, рубочный. С ним мне особенно пришлось повозиться. Репитер из рубки я перебрал, перепаял концы, а шаг-мотор даже промыл спиртом (!), выданным на поход. И он заработал, зашелкал, вызвав одобрительную ухмылку на лице старпома.

Это меня так окрылило, что я перебрал и курсограф, который у них сроду не работал. Последний мой «подвиг» вызвал веселье всего экипажа. Позже выяснилось, что рулевые специально вывели курсограф из строя. Прибор этот механически ведет запись курса лодки, и рулевые называют его «кляузником»: он отмечает все их «влияния» на руле.

Ну, и спал же я потом ночь! Меня даже не разбудили менять патроны регенерации. Кто-то сделал это за меня.

23 апреля

Позиция много севернее Варангер-фиорда. Я так и не разобрал, где именно. Чудак-штурман спрятал карту. Ха! Великая тайна!

А грустное это дело — полярный день. На зарядку аккумуляторов приходится уходить далеко в море. Но и там проклятые «Арадо» не дают покоя.

Сегодня весь день вокруг лодки рвались глубинные бомбы. Иногда довольно близко. Бомбежка беспорядочная и явно на «авось». Но от этого не легче. От близких разрывов гирокомпасов часто выходит из меридиана, и мне приходится прилагать немало усилий, чтобы привести его в норму. Но хуже всех ведет себя лаг: после каждой бомбы он чертиков выскикивает из камеры, пугая мотористов.

Командир возмущается в рубке у перископа:

— Нет, вы только подумайте, какая наглость! — говорит он. — Ведь это паршивые моторы бомбами забавляются.

Плавают такое деревянное корыто, сидят на нем гидроакустик и слушает. Чуть подозрительный шумок — бомба! И ничего с ним не сделаешь. Не будешь же в самом деле на рыбачью шаланду торпеду тратить! А всплыть и из пушки — значит обнаружить себя. Да и рискованно: у них точно такая же стоит.

На «двойке» — чудесный экипаж, особенно мои товарищи по отсеку — рулевой Саша Бухвалов и радист Володя Недосуг. Бухвалов чем-то напоминает Шестакова, такой же несокрушимый зубоскал. Правда, Шестаков может быть и злым, а этот — весь в улыбке. Недосуг — другой. Он молчалив и сосредоточен. У него очень хорошие глаза — очень чистые и очень приветливые. Такому почему-то все время хочется сказать что-нибудь приятное. И я уже не раз ловил себя на желании отпустить такой комплимент, явно неуместный в наших условиях.

Еще мне нравится боцман Карпенко, прозванный Бодягой. А что — боцман Бодяга! Это звучит. Особенно в приложении к Карпенко. Он действительно боцман с головы до ног: классический ругатель, великий рачитель лодочного добра и чуткий рулевой-горизонтальщик.

Да все хорошо: и штурман, совсем еще молодой и застенчивый, и скептик-механик, и командир, — быстрый, подтянутый, ловкий.

С такими — хоть к черту в зубы.

25 апреля

Пятые сутки мы на позиции. Большую часть этого времени провели под водой. Командир злится. Море остается пустынным изо дня в день. Он даже отменил обычные походы в район зарядки. Заряжаемся на месте, используя для этого жалкие остатки ночной тьмы.

Сегодня на позиции мы фотографировали со штурманом через перископ норвежские берега и редкие рыбачьи шаланды. Снимали скорее от безделья, чем по необходимости.

Он славный паренек, этот штурман. Прекрасный знаток своего дела и настоящий моряк, он, как и я, увлекается многим таким, что не имеет никакого отношения к морю: коллекционированием репродукций русских художников, собиранием афоризмов, и, конечно, поэзией. Вечерами читает наизусть стихи в командирском отсеке, чаще всего Симонова — из знаменитого сборника «С тобой и без тебя». А над штурманом откровенно потешается механик — старый морской волк и любитель крепких напитков, для которого и «стишки», и любовные вздохи — все в прошлом.

Картина бывает занятная: один — весь волнение, весь страх, другой — полнейшее равнодушие и скепсис. Но все это не зло, не на нервах, а поэтому — хорошо.

Однообразно постукивает вал гребного электромотора. Поет свою нескончаемую песню ротор гирокомпасов. На нижних койках жилого отсека вполголоса разговаривают подвахтенные матросы.

Привычная картина боевого похода.

Некоторое разнообразие вносят завтраки, обеды и ужины, приуроченные обычно ко времени смены вахты. Возникает общее оживление. Особенно стараются те, кто страдает морской болезнью и в надводном положении обречены на длительный пост.

И как неизбежная приправа к еде — соленая матросская шутка.

Вот и сегодня: в море мы пятые сутки, а начнешь подметать отсек — сплошной песок. Откуда?

Старшина мотористов Линягин острит:

— А это все боцман виноват, чертов старикашка, — из него сыпется.

Боцман мгновенно свирепеет и обрушивается на моториста одну из своих знаменитых тирад. Он начинает издали, от мало кому известных библейских истин, затем приближается к нашей действительности, конкретизирует образы и кончает пересмотром основных механизмов лодки — колена мотылевого подшипника, трюмной помпы, батарейного вентилятора и т. д.

Матросы с восторгом внимают этой своеобразной поэме, а потом уточняют:

— Боцман! Кингстоны пропустил!

— Про перископ забыл, боцман!

И все довольны.

Кстати, это тот самый боцман, который сидел однажды с гранатами в руках над снарядным погребом, готовясь взорвать лодку, когда она попала в сети. Но когда я напомнил ему об этом случае, он только сверкнул на меня глазами и сердито фыркнул в усы...

27 апреля

Смена вахты. Всплытие. Зарядка. Погружение. Смена вахты. И опять вся музыка началась.

Последние двое суток просидели на позиции на «спруте». Досиделись до того, что перестали соображать. В голове звон и полное безразличие ко всему, даже к немцам и глубинным бомбам.

Но и эти муки пропали впустую. В море: хоть шаром покати.

Морской дьявол снова подшуровал в своей кочегарке, и относительная тишина последних дней сменилась свежей погодой. Волна небольшая — четыре-пять баллов, но для нашей «малютки» и этого достаточно.

Хотелось бы мне, чтобы те, кто сочинял кинофильм «Подводная лодка «Т-9»,» включили в него картину нашего сегодняшнего ужина. А лучше всего посадить их самих в отсек и заставить съесть что-нибудь. Может быть, тогда они поняли бы, какую глупость сочинили, как мало в ней пахнет настоящим морем и, тем более, жизнью и бытом подводников. Лодка раскачивается, дергается, кренится. Миски сыплются со стола. Сосредоточишь внимание на миске — врежешься во что-нибудь головой, бережешь голову — содержимое миски оказывается на спине соседа. Протолкнуть что-нибудь в глотку стоит невероятных усилий. А то, что все-таки удастся протолкнуть, сейчас же просится обратно.

23.00. Получена радиограмма: от мыса Нордкин в район нашего квадрата движется караван противника в составе четырех транспортов. В конвое эсминцы, сторожевики и катера-охотники. Наша задача — атаковать.

29 апреля

Караван увидели на рассвете.

Занимался день — длинный полярный день, без единого кусочка спасительной тьмы на долгие, долгие часы. Риск был слишком велик. Но разве сама война не сплошной риск?

Стреляли с пяти кабельтовых по головному. Это был крупный транспорт с очень низкой осадкой. По-видимому, начинка у него была «горячая». Он так рванул, что даже мы, находясь на значительной глубине, горохом посыпались на палубу отсеков.

А вслед за тем я услышал по переговорке:

— Штурманского с фотоаппаратом в рубку! Срочно!

Схватив перископную фотокамеру, я пулей метнулся в центральный пост и по вертикальному трапу взлетел на боевую рубку. Здесь, в тесном пространстве стального колпака, выступающего над корпусом лодки, царствовал командир. Он еще не остыл от горячки атаки и весь светился восторгом боевой победы. Сдвинув с потного лба пилотку, он почти крикнул мне:

— А ну, штурманский, глянь: можешь ты увековечить эту картину?

И скомандовал в центральный пост:

— Поднять перископ!

Как только нижняя головка перископа показалась из темной горловины шахты, командир прильнул к окуляру и, найдя цель, коротко бросил мне:

— Смотри!

С бьющимся сердцем я шагнул к перископу. Картина, открывшаяся моему взгляду, была и страшной, и величественной одновременно. Залитый огнем горизонт пламенно алел. Ветер срывал розовые султаны с кроваво-красных волн. И в этом жутком багровом трепетании, придвинутый перископной оптикой почти вплотную к глазам, медленно уходил под воду огромный океанский корабль. Он погружался носом. Плоская корма, нелепо задранный к небу, четко выделялась на алом фоне, а на гафеле мачты вяло трепетал флаг с черным крестом свастики.

— Ну? — нетерпеливо спросил командир.

— Можно снимать, — ответил я, с трудом оторвавшись от перископа. — Света маловато, но пленка высокой чувствительности.

— Тогда — за дело!

Командир еще раз приложился к окуляру и вдруг, отскочив от перископа, крикнул изменившимся голосом:

— Опустить перископ! Боцман, срочно на глубину! Штурманский — вниз, отставить съемку!

И уже спокойно добавил, отвечая на вопросительный взгляд помощника:

— Эсmineц. Прямо на нас. Похоже, обнаружили...

Едва я успел вскочить в свой отсек и задрать переборку, как с левого борта прогрехотала первая серия глубинных бомб. Погас свет. Лодка резко рванулась в сторону, угрожающе накренилась. Взыл гирокомпас.

Когда грохот бомб прекратился, лодка выравнилась и в отсеках вспыхнул свет, — наверху все еще слышался грозный протяжный гул. Есть в этом звуке какая-то непередаваемая трагическая нота. Это падает вода, поднятая взрывами над поверхностью океана.

— Осмотреться в отсеках! — слышится из переговорной трубы.

Проходит несколько минут, и новая серия глубинных бомб начинает рваться вокруг лодки. Ближе, ближе... Грохот глубинок врывается в отсек, обрушивается на голову, ледяными иглами впиивается в сердце. Брызгами разлетаются электролампы. От ударов взрывной волны лодка совершает дикие прыжки, ложится на борт, дрожит всем корпусом, как загнанная лошадь. Палуба уходит из-под ног, и какая-то неведомая сила ломает твоё тело, бросает его на рычаги кингстонов, вжимает в переборку и снова, как мяч, швыряет к другому борту. Грохочут бомбы, валяются вещи, и в абсолютной тьме по всему отсеку катаются клубок человеческих тел: крики, стоны, проклятья. И одна мысль у всех: выдержит ли корпус? Не слышно ли зловещего свиста воды?

И снова голос в переговорке:

— Осмотреться в отсеках!

Этот ровный и подчеркнуто спокойный голос командира возвращает утраченную уверенность, заставляет забыть об опасности и вспомнить про свои обязанности.

Я прежде всего бросаюсь к гирокомпасу. Этот прибор — наши уши, глаза, если хотите — наш мозг. Без него — гибель. Без него — нет курса, нет цели, ничего. Потерять его — это значит оказаться на положении слепого в дремучем лесу. И я держусь за него, как за спасательный круг. Не знаю, но, кажется, в то время, когда мое собственное сердце сжималось от ужаса, я шептал ему ласковые слова, нежно гладил холодные металлические части.

В лодке выключаются все приборы, чтобы свести до минимума наши шумы. Только гирокомпас да гребной электромотор продолжают работать. Мы знаем, что сейчас, после серии глубинных бомб, нас усиленно выслушивают наверху. И мы даже говорить стараемся шепотом, как будто это имеет какое-то значение.

Потом я перевязываю окровавленную голову радисту. Я безрассудно трачу все бинты на его рану, совершенно забыв, что в отсеке еще несколько голов, которым они тоже могут пригодиться.

Не успеваю закончить перевязку, как все вокруг снова тонет в адском грохоте. Снова летим куда-то в преисподнюю, снова наши тела описывают в отсеке фантастические траектории, и снова мы погружаемся в могильную тьму.

Включаю ручной фонарь и в свете его осматриваюсь. Видно простым глазом, как волны от близких разрывов проходят по корпусу лодки. Стальные листы обшивки выпучиваются внутрь отсека и снова становятся на место. Кажется, что это не сталь, а простая жесть, которую можно проткнуть пальцем.

Полоса взрывов стихает. Включается аварийный свет. Очевидно, рубильник был выбит близким разрывом. Мы поднимаем головы и смотрим друг на друга. Трудно узнать кого-либо из-за обилия ссадин и кровоподтеков на наших лицах. Бинтов нет, и, перевязывая друг друга, мы рвем простыни.

И снова команда:

— Осмотреться в отсеках!

Она, как всегда, радует. Значит — мы живем, боремся.

Потом — новая полоса грохота, тьмы и неимоверной боли во всем теле...

Так продолжается бесконечно. И постепенно теряешь всякое представление о времени и пространстве, перестаешь чувствовать боль, перестаешь, кажется, соображать.

Дальнейшее — как кадры из какого-то фильма ужасов.

Самым неугомонным и оптимистически настроенным из всех нас оказывается Саша Бухвалов. Его лицо — сплошная котлета. Из-под бинтов виднеется только один глаз и зубы. Его карманы полны спичек, которые он забрал у всех нас в начале бомбежки. Спичками он считает количество бомб, сброшенных на наши головы. Но довести счет до конца ему не удается: после очередной серии глубинок он остается лежать на палубе. Видимо, перелом руки. Она у него неестественно вывернута, хотя и продолжает сжимать в кулаке спички. Мы укладываем его на койку и привязываем к ней. В сознание он так и не приходит.

Большинство механизмов давно вышло из строя. Сорван мотор перископа. Предохранительные коробки держатся только на проводниках и гирляндами свисают с подволока. Но гирокомпас работает. Работает и линия вала. А значит, живет и корабль.

Особенно сильным взрывом выводит из строя агрегат радиоустановки. Его срезает, как ножом, с громадных чугунных лап, которыми он прикреплен к фундаменту, и вся эта многопудовая туша начинает кататься по палубе, превращая в лепешки пальцы наших ног.

Взрывом выбивает щетки регулятора гирокомпаса. Ставлю их на место голыми руками и почти не ощущаю ударов электротока.

В первом отсеке пробоина. Это самое страшное. Мы с болью прислушиваемся к слабым крикам, доносящимся оттуда через переговорную трубу. Очевидно, отсек заполняется водой, так как лодка получает дифферент на нос. Мы переглядываемся и бессильно сжимаем кулаки. Увы, мы ничем не можем помочь...

Пробоину удается заделать. Но отсек заполнился водой, и люди в нем оказываются под страшным давлением. Откачать воду нечем. Поняв, как и все прочее, вышла из строя.

По часам я вижу, что этот кошмар продолжается уже около двенадцати часов. Половина суток! Пытаюсь представить себе, сколько это, и не могу. Иногда мне кажется, что бомбежка только началась, иногда — что она длится целый год. В голове непрерывный звон. Мысли путаются. Перед глазами то и дело возникают разноцветные круги.

Кончится ли это когда-нибудь? Скорее бы кончилось! Все равно — как, но только бы кончилось...

Отсек наполняется удушливым запахом хлора: разбито несколько баков аккумуляторной ба-

тарей. В горле скребет. Становится больно дышать. Мы задыхаемся, корчимся в приступах мучительного кашля.

Сообщаю о случившемся в центральный пост и получаю разрешение отдрать переборку в пятый отсек, чтобы дать возможность рассеяться газу. Целых полчаса вожусь с дверью. Пальцы кровоточат и не слушаются. Отвернуть каждый барашек стоит невероятных усилий.

Наконец дверь распахивается. Сразу становится легче. И не только потому, что мы вбираем в легкие не испорченный хлором воздух. Нет, — потому, что видим людей, находящихся в пятом отсеке. Они выглядят так же неважно, как и мы. Но все равно нам легче.

По временам из центрального доносится голос командира, отдающего приказаний. Голос командира! Он единственный источник, из которого мы продолжаем черпать силы. Достаточно услышать его — спокойный и уверенный, — чтобы частица этой уверенности неизменно передалась тебе. И я думаю: откуда же он, этот человек, берет свои силы? Ведь он такой же, как и мы, из таких же костей, мяса и нервов состоит его тело. Почему же он так неизмеримо сильнее нас? Что дает ему эти силы? Неужели только чувство ответственности, сознание того, что от него, от его действий, зависит жизнь девятнадцати человек?

И, наконец, неизбежное: выходит из строя гирокомпас. Жужжание ротора резко меняет тон, а сам он начинает нелепо выворачиваться из колец. Но я не пытаюсь поставить его на место и закрепить. Не все ли равно теперь, в каком положении он застынет...

Кончается электроэнергия. Аварийные лампы светят тусклым оранжевым светом. Конец неумолимо приближается...

Смотрю на товарищей. Они лежат, распластавшись на палубе отсека, или сидят у переборки, опустив на колени забинтованные головы. На них повсюду черные пятна крови, одежда изорвана в клочья. Под обрывками полосатых тельняшек виднеется голое тело. С нижней койки свешивается мертвенно-бледная рука рулевого. На ней особенно четко проступают полосы запекшейся крови.

Вся палуба отсека усыпана крошками пробки, частями механизмов, окровавленными тряпками. Она — как поле битвы... Впрочем, это так и есть. Разве мы не сражались все это время со всем мужеством и упорством, на которое только были способны?

...В зеленоватых, отливающих серебром волнах плавают цветные круги. Они то приближаются, — и тогда все вокруг наполняется странным гулом, — то удаляются, превращаясь в частую россыпь ярких звезд.

Я прихожу в себя и некоторое время с недоумением смотрю на лампу, тускло мерцающую перед глазами. Отсек... Все еще отсек.

Окончательно возвращает к действительности голос из переговорной трубы. Он настойчиво повторяет:

— В четвертом! В четвертом!

Собрав все силы, добираюсь до раструба и кричу (или мне это только кажется?):

— В четвертом слушают!

— Внимание! Мы — в двух милях от Рыбачь-

его. Береговые батареи отогнали противника. По местам стоять, к всплытию!

— Есть, по местам стоять к всплытию! — говорю я машинально и сомневаюсь: «Да не сплю ли я? Почему же нет обычного сигнала звонком?»

Зашипел воздух, стукнули кингстоны. Этот привычный звук окончательно отрезвляет. Какой же я олух! Да ведь ясно, что сигнальная система вышла из строя, как и все остальное.

И вдруг могучая волна проходит по всему телу. Да ведь это же спасение! Значит, мы все-таки дошли, выдержали, победили!..

— Братва! — ору я диким голосом. — Ур-р-ра-а!..

Но братва и сама уже поняла, в чем дело. Живые мощи возникают вокруг меня. Глаза лихорадочно блестят. Губы пробуют изобразить подобие улыбки. Неужели кончилось?

Но увы, то был еще не конец.

Едва лодка всплыла и закачалась на легкой волне, едва мы вдохнули первую порцию свежего морского воздуха, как нам снова пришлось нырять под воду. Немецкие корабли, отогнанные батареями с Рыбачьего, вызвали по радио самолеты, и шестерка «мессершв», зайдя из-за солнца, спикировала на лодку. Бомбы рвались так близко, что для нас, находящихся внутри, они звучали, как один бесконечный взрыв.

Для меня эта последняя бомбежка окончилась плачевно. Еще в начале ее я получил свирепый удар в голову каким-то предметом и потерял сознание. А когда пришел в себя, все уже было позади. Лодка снова была на поверхности и входила в Кольский залив.

Нас встречала вся бригада, хотя мы и не могли дать традиционный выстрел в знак победы. Пушка оказалась сорванной с поворотного механизма и крутилась на тумбе, как флюгер.

На пирсе стояло несколько машин «скорой помощи». Сначала с лодки вынесли на носилках двух торпедистов из первого отсека, попавших под кесон. Затем — раненого рулевого. И, наконец, электрика из шестого отсека. Он был мертв, не выдержало сердце. Нас, «ходячих», выводили под руки. Ну, и жутко же выглядели мы при ярком дневном свете!

Но еще страшнее выглядела сама лодка. Трудно было поверить, что на этой гряде искорверканного металла можно плавать. И мостик, и палубная надстройка были буквально выворочены наизнанку, их внутренние, окрашенные суриком места ярко алели. Казалось, лодка истекает кровью... На корпусе виднелись вмятины. Особенно большая была в районе первого отсека, там, где вода проникла внутрь лодки. Правый торпедный аппарат оказался сплюснутым в лепешку.

На пирсе у трапа стоял командир. Рядом с ним, крепко прижавшись к нему, — стройная молодая женщина, очевидно жена. По ее щекам обильно струились слезы. От радости?

Спускаясь с мостика лодки, мы проходили мимо командира, и каждому он говорил что-нибудь хорошее. Когда с ним поравнялся я, он положил мне руку на плечо и, глядя в мои глаза, сказал:

— Спасибо, штурманский!

Я чуть не разрыдался. Мне захотелось обнять его, и я даже позавидовал женщине, стоящей рядом с ним. Какие ордена, какие награды могут сравниться с этими простыми словами?..

Вместе с другими матросами иду на базу, в санчасть. Я еле передвигаю ноги. Каждый шаг отдается болью во всем теле. Голова кружится. К горлу подступает тошнота. Вероятно, от свежего воздуха, от твердой земли под ногами, а может быть — от того, что кончилось, наконец, то чудовищное нервное напряжение, в котором прошли последние сутки. Но, несмотря на все это, мне так хорошо, что я готов шагать бесконечно...

Только сейчас вспоминаю, что сегодня — 29 апреля, день моего рождения. Собственно, я уже родился, там, в лодке...

Вчера мне было двадцать лет. Сегодня — двадцать один. А между этими датами — целая жизнь.

В кубрике своего экипажа узнаю потрясающую новость: наш малюточный дивизион, вернее то, что осталось от него, четыре лодки, — отправляют на Черное море.

Первые две уже в Мурманске, разоружаются. Очередь за нами.

30 апреля. Полярное

Завтра праздник, а у нас тяжелый день прощаний. Прощаемся с живыми и мертвыми.

Все утро просидел в кабинете у Николая Павлова. Мы больше молчали, чем говорили. Но такое молчание красноречивее всяких слов. Потом мы отправляемся с ним гулять, поднимаемся на бригадную сопку, туда, где стоит мемориальная доска в честь закладки Северного флота. Отсюда, сверху, вся Екатерининская гавань — как на ладони: пирсы, стройные силуэты подводных лодок, видяевский скверик с памятником погибшим. Не верится, что я вижу все это в последний раз.

Но особенно тяжело прощаться с батей, нашим командиром Константином Михайловичем Колосовым. Он получил назначение на «С-51» и остается на Севере. Нам дали нового...

Вечером отправляемся.

Перед самым отходом Константин Михайлович обнимает всех нас по очереди. Потом забирает наши матросские книжки и отдирает с них фотографии.

Медленно, работая одним электромотором, лодка выходит на середину гавани, замирает на минуту и затем, все убыстряя ход, направляется к проходу в боновых заграждениях.

Погода, сырая и холодная с утра, как будто специально для нас разгулялась воясю. Огненное солнце низко повисло над бригадной сопкой, заливая все вокруг красноватыми вечерними лучами. Бухта — как зеркало, и, как в зеркале, в ней отражается весь город, корабли, стоящие у причалов, густая толпа провожающих. И этот маленький городок, уплывающий в вечернюю дымку, становится бесконечно дорогим.

Прощай, Полярное! Прощай, суровый и мужественный Север! Какая-то часть души навсегда останется с тобой!

А впереди — новое море, новые города, новые люди.

Впереди — жизни!

ОСТРОВ, ОТКРЫТЫЙ В...КАБИНЕТЕ

В наше время трудно удивить открытиями в области физики или химии, сделанными в тиши лабораторий. Географические же открытия в представлении большинства людей возможны только в суровых льдах Арктики или Антарктики, в зыбучих песках пустынь или в голубых просторах океанов. А так ли?

В 1763 году М. В. Ломоносов занялся исследованием морских льдов в районе Новой Земли. Некоторые особенности их движения, о которых он узнал от промышленников, неоднократно посещавших этот остров, привели Ломоносова к необычному выводу. Он писал: «За северным мысом Новой Земли столь далеко берег, сколько верст в четверо суток лед перегнан быт ветром и водой. Думаю от 300 до 400 верст». Эти слова Ломоносова означали, что севернее острова находится неизвестная земля. В те времена никто, конечно, так далеко на север не плавал и не мог проверить этого.

А теперь посмотрите на современную карту Арктики. Вы убедитесь, что предвиденье Ломоносова оправдалось: в четырехстах километрах к северу-востоку от Новой Земли находится остров Ушакова!

Этому острову повезло. В 1932 году его вновь и опять в тиши кабинета открыл видный русский океанолог В. А. Березкин. Исследуя графики и схемы приливов в Карском море, он пришел к мысли о существовании на севере моря острова или мелководья.

В 1935 году в районе, который указал В. А. Березкин, работала Первая высокоширотная экспедиция Главного управления Северного морского пути на ледокольном пароходе «Садко». Она открыла и нанесла на карту столь давно «открытый» остров.

А вот еще один пример.

До 1948 года на всех картах мира Северный Ледовитый океан изображался в виде гигантской чаши, с глубинами в центральной части более четырех километров.

Правда, и раньше некоторые ученые на основании отрывочных данных предполагали, что рельеф дна этого океана не так прост. Американец Р. Гаррис, например, исследуя приливные течения в высоких широтах, пришел к выводу, что в центральных областях Северного Ледовитого океана имеются обширные отмели, а может быть и суша, которые искажают приливы у берегов Аляски. Но в 1926 году в районе Северного полюса побывали на самолетах Р. Амундсен и Р. Бэрд. Никакой земли они здесь не обнаружили, и после их полетов Ледовитый океан стали окончательно считать глубоководным. Однако часть ученых по-прежнему отстаивала точку зрения Р. Гарриса. Так, гидробиолог Е. Ф. Гурьянова считала, что поскольку донные обитатели на севере Карского моря отличаются от своих южно-карских сородичей, севернее Новосибирских островов должна существовать внушительная подводная преграда.

А ленинградский океанограф И. В. Максимов, исследуя приливо-отливные течения в Арктике, допускал существование мелководья в районе полюса, причем он рискнул предсказать даже глубину — около тысячи метров. Но проверить гипотезы ученых удалось не скоро.

Первые фактические данные о подводных хребтах в этом районе земного шара были получены только в 1948 году, когда при исследовании Центральной Арктики стали широко использоваться самолеты. Вот как описывает один из участников подобной экспедиции, доктор географических наук Я. Я. Гаккель открытие уже не на бумаге, а в действительности, малых глубин в Арктике.

«...27 апреля 1948 года на 86°26' с. ш. и 154°53' в. д. океанографы одного из отрядов советской Высокоширотной воздушной экспедиции, дрейфовавшего на льду, измерили необычайно малую для центральной части Северного Ледовитого океана глубину, составлявшую всего 1290 м. С этого времени и началось непосредственное изучение открытого наконец-то огромного подводного горного хребта, названного именем Ломоносова».

Этот хребт простирается от Новосибирских островов до острова Элсмир на севере Канады, то есть он делит Северный Ледовитый океан на две части. В настоящее время уже точно известна и его высота, точнее глубина океана над ним: как и предсказывал И. В. Максимов, величина мелководья в этом районе измеряется 1000—1200 метрами, а наименьшая обнаруженная до настоящего времени глубина равна 954 метрам.

И еще несколько замечаний о хребте Ломоносова. Исследования показали, что он живет довольно бурной жизнью.

Так члены экспедиции «Северный полюс-3» в ночь на 21 ноября 1954 года ощутили сильный удар, от которого в домиках стали раскачиваться лампочки. 23 ноября вновь наблюдалось подобное явление, а 24 ноября в вахтенном журнале было записано: «...В лагере раздался сильный треск, напоминающий раскаты грома, после чего немедленно послышался резкий запах сероводорода. Лыдина, на которой находился лагерь, треснула... В результате лагерь разделился на две части».

Грохот, напомнивший полярникам раскаты грома, был вызван, видимо, извержением подводного вулкана. Это извержение сопровождалось выбросом газов — вот откуда на льдине появился запах сероводорода. Кроме того, извержение, по всей вероятности, вызвало значительное волнение океана, что привело к расколу льдины, на которой находилась СП-3.

...Выходит, и в кабинете можно открыть новые острова и даже горные хребты, спрятанные в толще океанских вод!

АЗЪ БУКН ВЪДН

СТРАНА ЗАГАДОК, ИЛИ НОГА + ГЛАЗ = ПОДОКОННИК

И так, мы установили, что новые слова в языке берутся из двух источников: либо образуются от старых, либо заимствуются из других языков¹. Третьего пути нет.

Значит, у каждого слова есть своя история, своя родословная. У одних она теряется во мраке времен, у других видна, как говорится, невооруженным глазом. Возьмем наудачу полдесятка слов: подоконник, наперсток, проволока, настойчивый, забывать. Разберем по составу первое — **подоконник**. Оно делится: 1) на приставку **под**, обозначающую «внизу», «ниже» (сравним: под-стаканник, подлокотник, подберезовик); 2) корень **окон** (другие слова этого же корня: окон-ный, окон-це); 3) суффикс — **ник** (с этим же суффиксом слова: напильник, наличник, нарукавник, под-дойник, отстойник).

Кажется, все ясно. Слово **подоконник** происходит от другого слова — **окно**. У него есть приставка **под** (поскольку предмет находится под окном, ниже оконного стекла), суффикс — **ник**, общий у него с другими словами. Вроде бы никаких загадок. А между тем у наблюдательного человека здесь наберется тьма вопросов. При первом же взгляде обнаруживается, например, что с корнем этого слова дело обстоит не очень благополучно.

¹ Смотрите «Уральский следопыт» № 1, 1968 год.

Мы выделили корень **окон**. Ну, а если взять слово **окошко**, то куда делось **н**? Выходит, корень-то тут не **окон**, а всего лишь **ок**? И, значит, слово **око** «разбирается» на корень **ок**, суффикс **н** и окончание **о**? А **окошко** делится так: **ок-ошк-о**? (Для сравнения приведем известное в уральских говорах **лукино** и из литературного языка — **лукошко**. Точно такое же деление). А с какими словами связан корень **ок**? Прежде всего — с древнерусским **око** — глаз. Значит, **око** — это **глаз, которым дом смотрит на свет**!

Ну, а откуда взялись приставка **под**, суффикс **ник**? В русском языке и сейчас имеется слово **под** — «нижняя стенка, дно печи». Вспомните, как **Митрофан** из комедии **Фонвизина** «Недоросль» съел подовых пирогов, испеченных на **поду** — «не помню, пять, не помню, шесть». Стало быть, приставка **под** произошла от существительного **под**! Заметим, что и прочие приставки, а также суффиксы и окончания нашего языка происходят от других слов (например, приставка **раз** обязана своим происхождением корню, встречаемому нами в словах **разить**, **резать**, а окончание **м** в словах **поем**, **едим** — «родилось» из местоимения **мы**!).

Попробуем проследить историю приставки **под** дальше, в глубь времен. Ученые, знатоки древних языков, доказывают, что в древности это слово обозначало **нога** или **след ноги**, а отсюда развились такие значения: **низ**, **дно (печи)** и дру-

МОЙ
ДРУГ-
ФАН-
ТАС-
ТИКА

60

КОСМИЧЕСКИЕ КУРЬЕЗЫ

Есть в современной фантастике особая разновидность «открытий», сделанных отнюдь не с помощью фантазии. Прочтите, к примеру, вот этот отрывок из повести Ш. Алимбаева «Альфа гениальности»:

«Муслим Махмудович подбежал к столу, достал из ящика электронный микроскоп и, наведя линзы на нужную мощность, прильнул к окуляру». (Ш. Алимбаев, **Альфа гениальности**. Алма-Ата, 1967, стр. 55).

Учитывая, что действие по-

вести происходит в наши дни, зададим читателю полушутливый вопрос: *каким видом спорта должен был заняться Муслим Махмудович?*

Ответ на этот вопрос — однозначен: героя «Альфы гениальности» могло выручить разве лишь увлечение тяжелой атлетикой. Ведь, подняв электронный микроскоп, он намного превысил рекорды Власова и Жаботинского...

Трудно сказать, что лежит в основе подобных «открытий». Незнание ли того, о чем берется писать фантаст, или же —

гие. Корень этого слова в древности был **под** или **пед**, отсюда слова пеший, пешком, пехота (д выпало перед согласными).

Итак, коротенькая приставка **под** оказывается родней целому ряду слов, на первый взгляд не имеющих к ней никакого отношения! А слово подокольник надо разбирать так: под-ок-он-ник! У него два суффикса, а не один! (Суффикс **он** заметен в словах оконный, оконце). Что касается суффикса **ник**, то ученые теряются в догадках насчет его прошлого: очень уж древний, и неизвестно, к какому слову он восходит. Мы знаем лишь, что кроме русского языка, он есть в украинском, польском, болгарском и в других славянских языках и что он имеет очень разнообразные значения: обозначает то предметы (подстаканник, набалдашник), то людей (школьник, начальник), то даже действия (субботник, воскресник). Может, кто-нибудь из вас, друзья, попытается выявить его родословную? А пока что мы стоим перед странным фактом: нога (под) + глаз (око) = подокольник! Это ли не чудеса! Такими чудесами занимается и чудесная наука. Ее имя этимология, что в переводе с греческого означает — наука об истинном, первоначальном значении слов. Эта наука — действительно страна загадок и волнующих открытий. Она исследует прошлое слов, опускаясь подчас в такие глубины веков, о которых даже самые ученые историки не могут сказать ничего определенного и ограничиваются смутными предположениями. А языковеды, занимающиеся этимологией, могут.

Возьмем такой пример. Течут по нашей стране большие реки — Дунай, Днестр, Днепр, Дон. Что значат их названия? Жители их побережий — русские, украинцы, молдаване — не могут объяснить. Старинные значения этих слов забыты. Историки, ссылаясь на древние документы, утверждают, что свыше 2000 лет назад в тех местах жили скифы. Но кто они такие были и куда делись? На каком языке говорили, с какими народами были в родстве? Чтобы ответить на эти вопросы, нужна была помощь языковедов. И они помогли. Путем сравнения разных — древних и новых — языков было установлено, что сочетание **дн, дон, дун** в древнем скифском языке означало

река (так, слово Дон значит просто река, Днепр — глубокая река, Днестр — ближняя река, Дунай — река бога по имени Ави, Авья).

В современном осетинском языке слово **дон** тоже река, поток. Похожие на него слова встречались в древних иранских языках. По-видимому, скифы принадлежали к народам, говорившим на этих языках. Более того, скифы не вымерли, как утверждалось раньше. Они превратились в осетин — небольшой народ на Кавказе. Это доказано известным советским лингвистом профессором Абаевым на основе тщательного изучения дошедших до нас скифских слов. Видите, как этимология ведет нас в дальние страны, в седые тысячелетия.

Но мы: немного отвлеклись от других упомянутых нами вначале слов — **наперсток, проволока, настойчивый, забывать**. У каждого из них тоже интересная и поучительная история. Рассмотрим ее хотя бы вкратце. Наперсток происходит от **перст** — палец. Это слово считается устаревшим, оно живет только в некоторых говорах. От него производные: **перстень, перчатка**. Первое кажется вполне понятным: перстень — это кольцо, надеваемое на палец (перст). А вот перчатка уже не связывается в сознании людей со словом перст. Причиной этого можно считать то, что более древний вид этого слова — **перстятка** (так сказать, перстятая рукавица, в отличие от простой, где имеется отдельное гнездо лишь для большого пальца) был забыт: перстятка превратилась сначала в перцатку, а затем в перчатку. Итак, слова наперсток, перстень, перчатка родственны, то есть восходят к одному слову — **перст**.

Слово **проволока** сейчас уже мало кто связывает с глаголом волоку. волочить. Кое-кто даже неправильно произносит его: проволка, проvloка. А оно отражает процесс изготовления проволоки путем протягивания, волочения металлических заготовок через специальные отверстия в стальной доске, так называемые фильеры. Но совсем удивительным может показаться вот что: слово **проволока** **родственно слову волк**! Причем тут волк? Да при том, что он волочит свою добычу. Помните басню «Волк и ягненок»? «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать! Сказал — и в темный

предвиденье грядущих успехов науки и техники? Но отложим до поры до времени разговор о научной достоверности фантастических произведений: если отнестись к таким «открытиям» фантастов с некоторой долей юмора, их можно использовать для своеобразной викторины.

Предлагаем нашим читателям семь вопросов первой из таких викторин — «Космические курьезы писателей-фантастов». Как явствует из названия, в подборку включены «открытия» космического характера. Проверить же себя вы сможете по ответам, которые мы поместим в одном из следующих номеров. Итак...

1. В повести В. Бережного «В звездные миры» момент достижения ракетой первой космической скорости описан так:

«Когда стрелка тахометра — прибора для измерения скорости — дошла до цифры «8», электронная машина молниеносно послала импульс на автоматику, и рокот мотора оборвался». (Сборник «Приключения и фантастика». Симферополь, 1958, стр. 289).

Как вы думаете, что здесь самое фантастическое?

2. Один из основных героев следующей повести — молодой ученый Павел Константинович «...у Павла Константиновича

появились интересные мысли в связи с этими гипотезами. Он, например, считает, что древний календарь, найденный в Перу, может соответствовать не только нашей Венере, но и одной из планет созвездия Индейца, откуда мы иногда принимаем непонятные радиосигналы».

(В. Шитик, Последняя орбита. Минск, 1964, стр. 43—44).

Какое открытие в области космогонии сделали мимоходом фантаст и его герой — ученый?

3. Герои третьей повести летят по направлению к астероиду Церера.

«Прошла еще неделя полета.

лес ягненка поволоку». У русского слова **волочить** есть старославянский брат — **влечь, влеку**, от которого образованы: увлечь, привлекательный, увлечение, завлекать. Итак, в ряду с этими словами стоят проволока и волк!

Слово **настойчивый** также принадлежит большой семье разнообразных слов: **устойчивый**, **обстоятельство**, **настойка**, **пристойный**, **застой**, **предстоять** и другие. Все они восходят к корню **стой**, имеющемуся в глаголе **стоять, стою**. Но как далеко разошлись эти слова по значению! **Настойка** — и обстоятельство (член предложения); **достойный** — и предстоять. Какая ветвистая семья у этого корня! Причем, в одних словах значение **стоять** еще очень хорошо чувствуется (**застой, устойчивость**), в других же размыто, ослаблено, стерто, едва видимо (**пристойный, обстоятельство**). Точно так же в слове **забыть** уже почти не чувствуется связи с глаголом **быть**, тоже давшим огромное потомство: **быть** — **быт, прибыть, убыть, прибыль, убыль, былина** убавлять бытие, забавлять, **былинка, обыватель, забывчивость, прибавка**...

Чем больше у какого-нибудь корня «детей», тем больше вероятность, что некоторые из них не будут похожи на «отца», далеко уйдут от прежнего значения. Глагол **забывать** — лишь одна веточка из пышного куста, выросшего из корня глагола **быть**. **Забить** — значит перестать помнить. А то, чего не помнишь, перестает как бы существовать для тебя, находится за пределами твоего

сознания. Быть за чем-то, вне чего-то — вот «идея» слова **забыть**.

Итак, повторяю: этимология — страна загадок. Чтобы научиться их разгадывать, надо знать не только свой родной язык, но и другие, древние и новые, надо приучить себя правильно мыслить, делать выводы. Все это дается упорным многолетним трудом. Но зато как этот труд вознаграждается!

Человек, овладевший истинами этимологии, ее правилами и приемами, видит глубокие, скрытые от неопытного глаза связи слов. Иногда из глубин истории выплывают такие «киты», что долго удивляешься, не в силах верить. Проверяешь и так, и сяк — нет, все на месте, все правильно! Вот один пример. Слова: **былинка, добавка, физика и футуризм** восходят к одному корню! Что за чушь! — воскликнете вы. Отлично всем известно, что родственные слова, восходящие к одному корню, не могут так отличаться друг от друга! Например: вода водный, водник, водяной, водянистый имеют корень **вод**, который мы видим в каждом из этих слов. А где же общий корень у слов **физика, былинки**?

Но об этом — в следующий раз. А пока подумайте.

В. ЖИТНИКОВ,
кандидат филологических наук

Космонавты заметили, что в корабле стало темнее...

Медведев разрешил выход наружу лишь Запорожцу. Облечившись в скафандр повышенной защиты, астроном взял с собой с десяток приборов. Через несколько минут он вернулся и попросил дать ему пылесос.

— Вокруг нас нет никакой дымки. Космос чист, как хрусталь. Солнце сияет по-прежнему. Просто наш корабль чуть запылел. Я соберу пыль с иллюминаторов, и у нас снова будет светло». (А. Митрофанов, На десятой планете. Ярославль, 1960, стр. 58, 59).

Ваше мнение: осуществятся ли благие намерения изобретательного астронома?

4. Космонавты терпят традиционное бедствие:

«...Пробоину закрыть нельзя. Боковые двигатели вышли из строя. Мы падаем на Энцелад — первый спутник Сатурна...»

И вот они — на Энцеладе: «Суровые голые скалы освещены лучами далекого Солнца. На серую равнину ложатся черные тени... Над горизонтом всходит второй спутник Сатурна — Мимас — неболь-

шой буроватый диск. Холод. Тишина. Неподвижность...» (О. Бердник, Сердце Вселенной. Ташкент, 1964, стр. 33, 34).

Какую поправку в строение Солнечной системы внес О. Бердник?

5. В повести В. Михановского «Приключения на Аларди» герой — уже за пределами Солнечной системы. У них тоже не обходится без «открытия»:

«Полобно древнему спутнику Земли — Луне, которая обращена к Земле все время одной стороной, вела себя и Аларди по отношению к своему солнцу — звезде Проксима Центавра. Впрочем, звезда была двойная, и Аларди обращалась вокруг общего центра тяжести».

(В. Михановский, Тайна одной лаборатории. Харьков, 1964, стр. 118).

В чем заключается «открытие» В. Михановского?

6. А вот — описание космической катастрофы на одной из далеких планет:

«Испуганные люди кинулись вниз. Но через полкилометра приборы указали на угрожающую разреженность атмосферы. Видимо, произошло не-

ожиданное: вместо того чтобы «осесть» при захвате болидом атмосферного пояса, воздух устремился вверх и удержался в каком-то количестве лишь в высокогорном районе». (Л. Обухова, Лилит. М., «Знание», 1966, стр. 62).

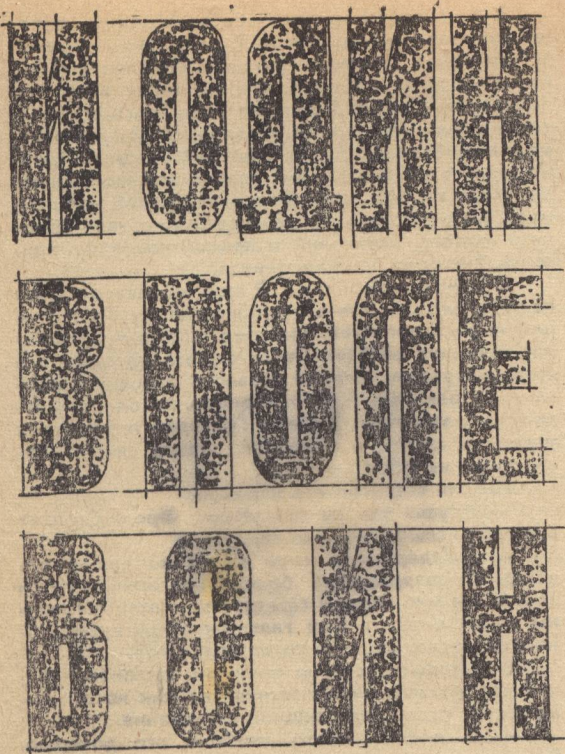
Возможна ли, по-вашему, такая вот «неожиданность»?

7. Ким и Света через нуль-пространство попадают на некую планету Жван, находящуюся в пределах нашей Галактики. Все хорошо, но Ким не может определить положение солнца «жвановцев» относительно земного солнца:

«Будет ли когда-нибудь разрешена эта загадка? Учитывая колоссальные трудности определения протяженности пути по нулевому пространству, где отсутствуют какие бы то ни было расстояния, были веские основания сомневаться в этом».

(Г. Мартынов, Спираль времени. Л., Лениздат, 1966, стр. 188).

А как думаете вы? Не существует ли другого — более простого — способа определить положение планеты Жван относительно нашей планетной системы?

Приключенческий роман

Ю. ДОЛЬД-МИХАИЛИК

Рисунки С. Киприна

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ ХЕЙНДОПФ ОХОТИТСЯ НА КИТА

В пансионе Григория подстерегала неожиданность. Хозяйка, таинственно понизив голос, предупредила синьора Фреда Шульца, что сегодня с утра уже дважды заходил какой-то иностранец, скорее всего американец, и очень интересовался, живут ли у нее постояльцы-немцы. Хозяйке пришлось назвать имя уважаемого синьора, потому что немец он у нее один, а она женщина одинокая и не хочет нарываться на неприятности, потому что пансион — это ее хлеб, и если она...

— Как он выглядит? — прервал Григорий, стараясь не выдать своего волнения.

— О, с виду очень приличный синьор, такой, знаете... — женщина покрутила пальцами, не зная, как описать внешность иностранца, в которой не было ничего примечательного. — Среднего роста, кажется шатен, лицо... как бы вам сказать... Да что это я, — обрадованно вспомнила хозяйка. — Он же оставил вам записку, еще конверт у меня попросил.

Небрежно сунув письмо в карман, Григорий

поднялся к себе в номер и только там надорвал конверт. В нем была коротенькая записка, написанная наспех:

«Итак, теперь Ваше имя Фред Шульц? Разыскать Вас стоило немало хлопот, но это не уменьшило радости от предвкушения встречи с Вами. Честное слово, это так! Поэтому ровно в семь я зайду позвать Вашу руку и пригласить Вас поужинать где-нибудь в уютном уголке. Ол райт?

Искренне преданный Вам Дэвид Хейндопф».

«Хейндопф? Почему он оказался в Риме и откуда узнал обо мне? Не посланец ли он Думбрайта?»

Именно такое предположение показалось Григорию самым правдоподобным, и он обрадовался, что вовремя и удачно завершил все свои дела, даже кассета с пленкой передана по указанному полковником адресу. Волновало только одно: как поведет себя Джузеппе. Звонить на виллу не хотелось — если Рамони приехал, он сам разыщет Фреда, ведь ему не терпится поскорее узнать о намерениях Умберто Висконти. Вероятно, и Лидия и Джузеппе расскажут ему, как Марианна пыталась наложить на себя руки.

Григорий вызвал горничную и, сославшись на телефонный разговор, которого ждет, попросил подать завтрак в номер. После уютной, обжитой квартиры Матини комната в пансионе со своей стандартной мебелировкой и стандартными украшениями — неперменной вазой на круглом журнальном столике и неперменной же репродукцией, изображающей извержение Везувия, на стене — казалась еще более непривлекательной. Чуть ли не во всех трактирах, парикмахерских, ресторанах, в которых побывал Григорий, без конца низвергался Везувий, или плескались волны Неаполитанского залива. Подмигнув вулкану, как старому знакомому, Григорий принял за уже остывший и опавший омлет, заливая его жиденьким кофе. Есть хотелось ужасно, вчера он не успел поужинать. Григорий уже собрался было куда-нибудь пойти позавтракать по-настоящему, как раздался телефонный звонок. Рамони?

Из телефонной трубки донесся другой голос. Церемонно извиняясь, синьор Умберто Висконти просил уважаемого синьора Шульца заехать к нему по срочному делу. Если синьор будет настолько любезен, то может быть сейчас...

— Безусловно... безусловно, синьор Висконти! Считаю своим долгом... Нет, машины присылать не надо, адрес я запомнил, через несколько минут буду.

...Умберто Висконти сам открыл парадную дверь и сразу же провел гостя к себе в кабинет.

Еще во время первой встречи Григория поразило, как сдержанно и с каким достоинством держался отец Марианны, несмотря на обстоятельства, при которых состоялось знакомство. Теперь волнение Умберто Висконти было тоже заметно только по тому, как дрожали пальцы, которыми он механически переставлял безделушки на столе, и по лихорадочному блеску глаз. Висконти на миг прикрыл их ладонью и тотчас извинился:

— Простите, всю ночь не спал, болят веки.

Григорий понимал: старику просто трудно начать разговор, и он хочет собраться с мыслями.

— Вы не сочтете меня плохо воспитанным и высокомерным человеком, если я попрошу вас об одном одолжении? — спросил Григорий, стараясь ему помочь.

Умберто Висконти поднял на него глаза, в них светилось искреннее доброжелательство.

¹ Начало см. в № 9, 1967 г.

— Синьор Шульц, я перед вами в неоплатном долгу, вы можете просить меня о чем угодно.

— Вот именно об этом, как вы его называете, «долге» и просил бы забыть. Из нашего телефонного разговора я понял: вы боитесь меня обременить, вам неловко, что я, человек посторонний и мало знакомый, стал свидетелем событий, которые представляются вам в чересчур трагическом освещении. Это лишает наши взаимоотношения обыкновенной человеческой простоты. А мне так бы хотелось быть полезным вам и синьорите Марианне! В Риме я пробуду недолго, но все, что смогу сделать для вас, сделаю с удовольствием и от всего сердца. Будем считать, что с преамбулой покончено?

— Будем считать, — Умберто Висконти впервые улыбнулся одними глазами. Иногда молчаливое доверие бывает красноречивее слов.

— Итак?

— У этого негодяя остались две записки и одно письмо Марианны. Он должен их вернуть. И пусть не ссылается, что куда-то их засунул. Такие, как он, берегут каждую бумажонку как оружие.

— Рамони вернет все до клочочка. Ручаюсь. Прежде всего — он трус. Ну, а о том, как заставить его молчать, мы уже говорили в прошлый раз.

— Мне грустно, что вы собираетесь покинуть Рим.

— Мне тоже. Я здесь покидаю несколько милых друзей.

— Присоедините и нашу семью к их числу. И помните: всегда, в любое время...

— Спасибо, синьор Висконти! Я очень ценю ваше расположение.

Условившись встретиться завтра, Гончаренко распрощался с отцом Марианны.

В пансионат возвращаться не хотелось, аппетит тоже почему-то пропал. В ресторан, — первый, вставший по дороге, — Григория привлек уже не голод, а желание позвонить на виллу и узнать, приехал ли Рамони. Приличия ради Григорий заказал бутылку сухого вина, жаркое из молодого барашка и направился к телефонной будочке. Трубку сняли в тот же момент, словно его звонка ждали. В ухо хлынул поток вопросов, жалоб на срочность дел, которые так не вовремя погнало Рамони в дорогу, извинений и просьб поскорее приехать. Витторио явно нервничал.

«Ничего, потерпишь... Я еще не такого страха на тебя нагоню!..» — в душе пообещал Григорий, решив не торопиться. Разговор с Рамони развеял и вернул аппетит. После омлета, которым его угостили утром, жаркое казалось особенно вкусным, понравилось и вино, терпкое, холодное. Сознательно затягивая завтрак, Григорий просмотрел утренние газеты и поднялся, только сложив последнюю из них.

Рамони встретил его упреком:

— Друзья так не поступают, Фред. Столько времени испытывать мое терпение!

— Я задержался из-за ваших же дел, — подчеркнул раздраженно бросил Григорий. — Ну, и задали вы мне хлопот! Представьте: отец Марианны хотел, чтобы я был главным свидетелем уголовного дела, которое хотел возбудить.

Витторио так сильно прикусил верхнюю губу, что натянувшаяся кожа загнула кончик носа и лицо тотчас приобрело хищное выражение.

— Я, я могу начать тяжбу с его дочерью. Ворваться в мой дом в мое отсутствие и разыгрывать такую трагикомедию! На юридическом языке это называется шантаж...

— Мы не в суде, и я не прокурор, так что давайте говорить на языке человеческого, — обо-

рвал его Григорий. — Я понимаю, вам неприятна эта история, но будьте справедливы: если девушка решает лишиться себя жизни и оставляет на столе письмо, адресованное в прокуратуру...

— Какое письмо? Где оно?

— Она забрала его с собой, когда пришла в себя. Сейчас оно у отца Марианны. А на юридическом языке, к которому вы только что прибегли, это называется документ, вещественное доказательство. Я не ошибаюсь? — с невинным видом спросил Григорий.

Лицо Витторио скривилось, как от зубной боли.

— Глупейшая история, боже, какая глупейшая история! Я хотел пойти по линии наименьшего сопротивления, а наткнулся на препятствие, о котором даже не подозревал: глупое девичье целомудрие!

Рамони так искренно огорчился, так сетовал на свою судьбу, которая, как он сказал, «подсунула ему пустой билет», так жалел напрасно потраченное время, что утратил меру хотя бы внешней благопристойности. Григория физически тошнило от его излияний, и он решил положить им конец.

— Благодарите бога, что так обернулось! Если бы девушку нашли мертвой у вас на вилле...

— О-о! — схватившись за голову, простонал Рамони. — Следствие, допросы... И шум, шум на всю Италию! Вы спасли меня, Фред!

— Только наполовину, — возразил Гончаренко. — Синьор Умберто в таком душевном состоянии, что способен на все.

— Надо что-то делать, надо что-то делать... У меня есть улики: Марианна сама кидалась мне на шею, преследовала меня письмами. О, я сделаю ее и папеньку всеобщим посмешищем, я...

«Ты еще больший мерзавец, чем я предполагал!»

— Посмешищем прежде всего станете вы сами, — не скрывая гнева, крикнул Григорий. — Вместо того, чтобы погасить пламя, вы хотите его раздуть! Свести на нет все, чего я с таким трудом добился.

Рамони притих.

— Вы... вы считаете... есть другой выход? — заикаясь, спросил он.

— Пойти на все уступки и принять все условия, выдвинутые синьором Умберто. Кстати, мне стоило больших усилий добиться, чтобы требования его были благоразумны. Другой, собрав такой материал против вас...

— Какой материал? — в голосе Рамони слышалась явная тревога.

— Некоторые пикантные подробности из вашей холостяцкой жизни, — наугад стал перечислять Григорий. — Какие-то компрометирующие документы о вашем участии в деятельности МСИ, и не только в МСИ, но и о ваших связях с другими нелегальными организациями, сведения о том, как запутаны ваши материальные дела. Надо думать, он тщательно ознакомился с вашим досье по каким-то одному ему ведомым каналам. И это меня волнует больше всего. Стоит только такому материалу попасть в газеты левого направления...

Гончаренко понял, что бьет без промаха — так менялось во время этого перечня лицо Рамони, и озабоченно прибавил:

— Признаться, я даже растерялся. Выступая посредником между вами и Умберто Висконти, я отказался на такой шаг, чтобы выиграть время: я руководствовался чувством приязни к вам, но сейчас меня волнует и собственная безопасность. Мне

бы не хотелось, чтобы мое имя связывали с какой-либо историей, и вы понимаете, по каким соображениям.

Рамони зашагал по кабинету, мрачно размышляя над чем-то.

— Его условия? — коротко спросил он, оставившись напротив Гончаренко.

— Прежде всего, — начал было Григорий и замолчал, потому что в дверь кабинета постучали.

— Кто там? — раздраженно крикнул Витторио и, услышав голос Джузеппе, просившего разрешения войти, сердито сказал: — Подождите! Я занят... Итак, Фред, каковы условия Умберто? — переспросил он.

— Окончательно и навсегда порвать отношения с его дочерью. Не появляться там, где появляется она. Ни одна душа не должна знать, что произошло здесь в тот день. Вернуть через меня все, что когда-либо писала вам Марианна. Не попадаться на глаза самому Умберто. Упаси боже где-либо отозваться о его дочери непочтительно. Если будет нарушено хоть одно из этих условий, Висконти начнет действовать как сочтет нужным. Поверьте, мне было нелегко склонить его к этому. Он требовал, чтобы вы вообще покинули Рим и дали какое-то письменное свидетельство касательно ваших нечестных намерений по отношению к его дочери. Требовал письменных свидетельств от меня и всех присутствовавших в тот день в нашем доме и вообще вел себя как человек, доведенный до крайности. Об угрозе физически расправиться с вами я уже не говорю...

Обретя под ногами твердую почву и поняв, что серьезная опасность его миновала, Рамони успокоился удивительно быстро. Перед Григорием снова сидел самоуверенный, высокомерный сибарит, «аристократ духа, римский патриций», каким Витторио мнил себя.

— Много шуму из ничего, — бросил он с презрительной издевкой. — Трагедия короля Лира, превратившаяся в фарс. Да я сам десятью уличками обойду эту ханжу... А высокому Умберто Висконти и подавно. Что до ее писул — вот! Рамони вытащил из ящика стола письмо и две коротенькие записочки, написанные круглым, еще детским почерком. — Возьмите эти эпистолярные упражнения синьорины, их содержание покажется вам...

— Я не читаю чужих писем, — Григорий сложил листки пополам и попросил: — Дайте, пожалуйста, конверт! Вот так... Теперь будет поприличнее.

— Конечно, конечно, — поспешил согласиться Рамони, уловив в голосе собеседника иронию. — Как всегда, вы правы... О, Фред, — перешел на патетический тон Витторио, — у меня не хватает слов, чтобы выразить свой восторг и благодарность. Вы действительно добрый гений нашей семьи. Если бы не ваше вмешательство... страшно даже представить, как все могло обернуться! Я не хочу, чтобы вы попали в беду, но если такое случится, и я смогу быть вам полезен...

Рамони оседлал нового конька, пришил его метафорой о пробном камне дружбы, которым измеряются глубины человеческих взаимоотношений, и галопом помчался вперед, не в силах сдержать собственное красноречие. Григорий давно бы ушел, письма Марианны уже лежали у него в кармане, но ему надо было повиждать Джузеппе, проверить, как тот поведет себя.

— Дорогой Витторио, — не выдержал Гончаренко опостылевших словоизлияний, — я чуть не

забыл сказать: с доктором Матини и Лидией я договорился. Они будут молчать. Остается Джузеппе. Хорошо бы предостеречь и его. Причем медлить я бы не советовал.

— Он достаточно разумный юноша, чтобы самому понять это, впрочем... — Витторио нажал на кнопку звонка.

Вошел Джузеппе. Быстрый, подозрительный взгляд в сторону Григория, потом — тревожный в сторону патрона.

— Простите, синьор Рамони, я не хотел мешать вашей беседе с гостем и решил постучать лишь потому, что счел эту телеграмму весьма любопытной для вас обоих: она из Испании.

Витторио взял протянутый длинный телеграфный бланк и вслух прочитал:

«Прибду завтра в одиннадцать. Предупредите Фреда. Нунке».

— Кажется, закончились мои римские каникулы, — вздохнул Гончаренко. — А жаль. Успел я мало: немного побродил по музеям, немного фотографировал... К стати, некоторые снимки великолепны, и это меня утешает — останутся воспоминания не только о городе, но и о его людях. Есть очень выразительные жанровые сценки. Вы не интересуетесь фотографией, синьор Джузеппе.

— Одно время увлекался, особенно фотомонтажом. Любопытная штука: скомпоновал несколько невинных фотографий, можно с помощью техники переснять все заново, изобразив что угодно, даже убийство.

Они глядели друг на друга, приветливо улыбаясь. Витторио не могло прийти на ум, что у него на глазах происходит своеобразный поединок.

— Детские забавы, уверяю вас! На такой крючок может попасться только профан. С помощью тех же технических приемов можно установить подделку, — сделал выпад Григорий. — Криминалисты набили на этом руку и легко отличают, где фотомонтаж, а где подлинное событие.

— А между тем я знаю случаи, когда подделки были столь совершенны, что даже появились на газетных полосах, как подлинные, бесспорные документы, — попробовал отбить выпад Джузеппе, — когда желаемое принималось за действительное. Таким образом...

— Джузеппе, под вами колеблется почва и ваши аргументы обращаются против вас же. Мы говорим не о восприятии действительности, а о действительности как о факте. Вы путаете эти два понятия.

Рамони встал и умоляюще поднял руки.

— Синьоры, сжалитесь! Сжалитесь над человеком, у которого маковой росинки во рту не было. Джузеппе, я буду очень вам благодарен, если вы позаботитесь, чтобы накрыли на стол. И не забудьте о вине, которое я привез! — крикнул он секретарю уже вдогонку. — Фред, не вздумайте бежать, мы должны отпраздновать с вами два события — то, что уладилась эта неприятная история, и что Нунке явится завтра, а не сегодня. Его приезд, я вижу, вас не очень радует.

— Откровенно говоря, нет, — Григорий остановился как бы в замешательстве — Не знаю, как выйти из создавшегося положения. Я уговорил Агнессу Менендос вернуться в Испанию, чтобы немедленно там повенчаться, все как будто было в порядке и вдруг: она куда-то уехала, не оставив мне даже письма. Правда, последние дни я не мог уделять ей много внимания, но должна же была она хотя бы узнать, почему это произошло! Странно, просто не представляю, что случилось, и

не знаю, как смогу оправдаться перед Нунке.

— А если сделать вид, что вы вообще не нашли ее?

— Она остановилась в гостинице на Коло ди Риенца, он может это проверить.

— Я могу подтвердить, что мы вместе ходили в гостиницу и Агнессу там не нашли. Наконец, это мог бы засвидетельствовать и Джузеппе...

— Только не он! Согласитесь, не очень приятно, когда узнают о твоём поражении. Вам, как другу, я могу довериться. Но ему... Не в моем характере разрешить копаться в своей интимной жизни совершенно постороннему человеку. К тому же, я думаю, вашего подтверждения будет вполне достаточно.

— Еще был — напыжился Рамони. — Кто-кто, а Нунке отлично знает нашу местную расстановку сил и мое в ней не последнее место.

— Если вас это не затруднит, если вам не неприятно... Понимаете, до сих пор я не очень волновался. Во-первых, потому, что не ждал Нунке, во-вторых, в ближайшее время надеялся получить покаянное письмо от Агнессы. Мы еще никогда не ссорились надолго. Вы знаете, женщины сотканы из капризов, кокетства, ревности, а когда они любят...

Обсудив отдельные детали выдуманного визита на Коло ди Риенца, оба пошли в столовую.

Стол был сервирован на две персоны, и Рамони потребовал третий прибор для Джузеппе. Григорий понимал, почему Рамони вдруг так внимателен к своему секретарю, и не ошибся. После короткой паузы, заполненной лишь стуком ножей и вилок, хозяин поднял тусклую, неказистую на вид бутылку без этикетки и любовно провел рукой по ее поверхности.

— Эта бутылка, вероятно, наша с вами ровесница. Она из коллекции раритетных вин старого рода виноделов. За оказанную услугу я получил ее от последнего их представителя. Напиток богов... Нектар!

Осторожно наклонив бутылку, Рамони наполнил бокалы. За венецианским стеклом словно вспыхнули три самоцвета. Вино искрилось в тончайших бокалах, изготовленных, вероятно, еще в шестнадцатом столетии, когда венецианские стеклодувы достигли вершин своей славы.

Провозгласив тост в честь Фреда, Витторио обратился непосредственно к Джузеппе:

— О вас, Джузеппе, я хочу сказать отдельно: синьор Шульц рассказал мне все, и по справедливости...

Рука Джузеппе, державшая бокал, дрогнула. Молодой человек сжал губы, ноздри его раздулись. Сейчас парень взорвется, бросит какую-нибудь реплику, начнет защищаться и выдаст Григория с головой. Надо спасать положение. Этот болван так глупо начал свой тост...

— Если быть справедливым, — быстро подхватил мнимый синьор Шульц, — то без помощи Джузеппе и Лидии я бы ничего не мог сделать. Ваш секретарь, Витторио, на редкость хладнокровный и рассудительный человек. И я с особым удовольствием выпью за его здоровье и успехи.

Григорий поднял бокал, но Рамони остановил его:

— Одну минуточку! Да, Джузеппе, вы показали себя в лучшем свете, и я надеюсь не разочароваться в вас: о глупой выходке Марианны никто не должен даже догадываться. Вы можете обещать мне это?

Воздух с шумом вырвался из груди Джузеппе.

— Безусловно, синьор.
 — Вот и хорошо. За что же мы выпьем?
 — За молчание, которое, по словам наших предков, дороже золота.— Улыбнувшись и внимательно глядя в глаза Джузеппе, Григорий первый с ним чокнулся.

...Дым от сигар и сигарет сизыми волнистыми прядями плыл между столиками. Иногда в распахнутые окна врывался легкий ветерок, тогда пряди сплетались в причудливые спирали, фантастические узоры и, оседая вниз, окутывали публику сине-серой кисеей тумана. Среди посетителей в глубине одной из ниш, расположенных по обе стороны зала, сидели Хейендопф и Григорий. Бывший заместитель начальника лагеря для перемещенных лиц зашел в пансионат, как и обещал, ровно в семь и приволок Григория в этот прокуренный второсортный кабак.

— Не люблю перворазрядных ресторанов. Там любой прохвост смотрит на тебя свысока, а в таком заведении, как это, мы с вами, Фред,— первые люди. Кстати, с каких пор вы Фред? Я знал вас под другим именем.

— У человека может быть столько имен, сколько ему захочется. Мы, как артисты: всегда выступаем под псевдонимом.

— Совершенно верно. Прошлый раз, когда вас прислали в лагерь прощупать этих подонков, ваша фамилия была Сомов, а работали вы на Нунке.

Григорий поднял глаза на собеседника. У того было удивительно невыразительное лицо, словно стертый пятак: все как будто бы на месте, а взгляду не за что зацепиться. С таким человеком посидишь, поговоришь, а расставшись — начисто забудешь. Может всплыть в памяти костюм, галстук, голос и лишь черты лица расплывутся, превратившись в серое пятно.

— Дорогой Хейендопф, я ни на кого не работал. Всю жизнь я работал только на себя. А кто платит деньги — мне безразлично.

— Да, у вас, друг мой, чисто американская хватка. Я понял это, когда вы так здорово уладили дело с иконами. Подсказали мне такой бизнес! Я ваш должник, а сегодня вы еще мой гость. Выпьем же за американский способ жизни! Если и впредь вы будете придерживаться этой же точки зрения, вас ждет прекрасное будущее!

«Куда он клонит?» — думал Григорий, глядя на волосатую руку Хейендопфа, протянутую к бутылке.

— За здоровье людей здравого смысла, — улыбнулся Хейендопф.

Григорий пригубил поднятый бокал. От терпкого вина покалывало десны, щипало язык. Жажда только усиливалась.

Тем временем ресторан заполнялся. Теперь почти все столики, ярусами расположенные вокруг небольшой площадки, вращавшейся в центре зала, были заняты разномастной публикой.

Нагловатые молодчики в модных пиджаках, застывая с развязными, ярко накрашенными подругами, бесстыдно комментировали положительные качества и изъяны «герлс», выступавших на сцене. Старики, одиноко склонившиеся над столиками, иногда в обществе совсем еще юных девушек, шамкали бледными губами, не отрывая взгляда от ярко освещенного круга. Мужчины неопределенного возраста, приблизив головы друг к другу, словно куры, клюющие из одной кормушки, шепотом улаживали свои дела, иногда с опаской поглядывая на тех, кто сидел за соседними столиками.

Здесь были разные посетители. Чиновники и спекулянты, дельцы и сутенеры, дамы, которым хочется выглядеть порядочными, и откровенные проститутки. Темные вечерние костюмы, белоснежные манишки вперемежку с яркими пиджаками различных оттенков, строгие закрытые платья рядом с вызывающими разрезами и чересчур открытыми декольте. Все это собиравшееся требовало еды и напитков, а в перерывах между выступлениями певцов — танцевало, наполняя и без того душный зал запахами табака, пота, одеколона.

Когда на сцене появлялась хотя бы чем-нибудь приметная актриса, например слабеньким, но приятным голоском, в зале создавали полумрак, и тогда круглая сцена казалась освещенной еще ярче.

Григорий смотрел на сцену. Сейчас выступала полуобнаженная женщина лет тридцати. Хриплый речитатив двусмысленных куплетов сопровождался какими-то странными па: смесь танца живота с канканом. Женщина трудилась тяжело, словно грузчик. На усталом лице певицы застыла гримаса, призванная изображать улыбку. Это бледное лицо с напряженным оскалом зубов, темными провалами глаз, подчеркнутых синеватыми кругами, напоминало маску смерти. Движения женщины, несмотря на быстрый темп, были какие-то вялые. Чувствовалось, она выполняет тяжелую ежедневную работу, которая ей самой не приносит ни капли удовольствия.

— Нелегкая у бедняжки жизнь, — Григорий кивнул на сцену. — Хозяин того и гляди выгонит: постарела, плохо танцует, голоса нет...

— Хал Голос! Зачем ей голос? Петь она должна бедрами! — Хейендофф расхохотался, довольный собственной банальной остротой. — Голос ей ни к чему... Впрочем, довольно, — оборвал он смех и, подавшись всем туловищем вперед, впился взглядом в лицо Григория. Красные прожилки в глазах Хейендоффа стали видны отчетливее. Должно быть, в Риме он занимался не только своим бизнесом, а отдавал должное и Бахусу. — К черту, говорю, эту старую клячу! Поговорим о другом. Послушайте, Сомов, то есть Фред, как вы желаете теперь себя именовать...

Григорий внутренне улыбнулся: «Ты бы свалился со стула, мордой уткнувшись в кафель, узнай, с кем разговариваешь на самом деле».

На сцену выскользнула очередная певица, в зале погасили половину ламп, и лицо Хейендоффа растаяло в полумраке.

— Так вот, Фред, — Хейендофф понизил голос до шепота. — Двадцать шестого июня этого года, сидя в собственном самолете «Священная королева», президент Трумэн подписал проект о создании Центрального Разведывательного Управления США. Надеюсь, вам не надо объяснять, для чего это сделано? У нас общий враг, силу и мощь которого нельзя преуменьшать. Поэтому надо объединить не только наши, но и ваши усилия. Гелен с сорок пятого года уже работает на нас. Если бы не это, он бы сейчас сидел за решеткой как военный преступник. Гелен оказался человеком преду-

смотрительным и вовремя сориентировался: пока мы им довольны. Но среди его окружения существует довольно влиятельная группировка, которая уже сейчас мечтает о воссоздании самостоятельной немецкой разведывательной службы. Согласитесь, время для этого еще не наступило. После известного вам выступления Черчилля в Фултоне, определившего новый курс во взаимоотношениях между бывшими союзниками, мы не можем позволить себе такую роскошь, как распыление сил. Бить надо кулаком, а не растопыренными пальцами! Поэтому желание разделить нас беспокоит... Как видите, я совершенно откровенен с вами. У вас прочные связи, прочное положение. Помогите нам, а мы, в свою очередь, поможем вам. Мы могли бы, например, передавать вам информацию, которая может способствовать вашей карьере и продвижению по службе...

Хейендофф говорил быстро, грудью навалившись на стол.

— Я вас не тороплю. Такие вещи не решаются с кондачка. Но смею вас заверить, вы не прощаетесь!

Выигрыш во времени был на руку Григорию. Может быть, удастся связаться со своими и получить соответствующие инструкции.

— Ваше предложение меня заинтересовало, но сейчас я действительно не могу дать ответ. Вы правы, такие вещи не решаются сгоряча. Если я приду к выводу, что все предложенное вами полезно для меня и для Германии, мы продолжим наш разговор.

— Ол райт! Так давайте же выпьем за нашу предварительную договоренность и забудем о делах! Признаться, я не возражаю поближе познакомиться с какой-нибудь брюнеточкой.

— К сожалению, я скоро вынужден буду вас покинуть: у меня деловое свидание.

— К черту свидание! Так хорошо начали вечер — и на тебе! А нельзя ли перенести вашу встречу?

Григорий колебался. Встретиться с Рамони он успеет и позже, американец же основательно хватанул и может выболтать что-нибудь интересное.

— Не знаю, как быть... Во всяком случае надо позвонить, сослаться на уважительную причину.

— Пустяки! Сошлитесь на плохое самочувствие. Или просто скажите, что немного перебрали и вас воротит от всяких там дел. Настоящий мужчина поймет...

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

ЮНАЛНАУТ, ТИГР И МЕДВЕДИЦА

А. ЛИТВИНОВ

Рисунки Г. Метелева

Александр Аркадьевич Литвинов — режиссер Свердловской киностудии, заслуженный деятель искусств РСФСР. С кинокамерой он обошел всю страну — «от южных гор до северных морей...» Мы публикуем часть его путевого блокнота по Камчатке и Дальнему Востоку.

„Закажи по воздуху юколу...“

Перед отъездом на Камчатку мы заказали Хабаровской радиостанции передачу на коряцком языке, установив месяц, день и час. Накануне этого дня мы оповестили всех паренцев, что завтра с ними будут говорить на их родном языке из Хабаровска.

В назначенный час в избе этнографа Бауэрмана был установлен радиоприемник. Его плотно обступили чуть ли не все жители Парени. Вскоре из репродуктора послышалась речь на коряцком языке. Вначале была передана беседа о коллективизации, а в конце — о значении работы киноэкспедиции в Пенжинском районе. Это о нас. Затаив дыхание, не моргая, паренцы смотрели на репродуктор. Передача закончилась, мы уже чувствовали себя именинниками, но произошло неожиданное.

Коряки не могли себе представить, что их сородич говорит где-то в Хабаровске, а они слушают его в избе Бауэрмана. Обман! Это говорит кто-то здесь, в избе.

Мы развели руками — обыскивайте! Паренцы тщательно осмотрели помещение, но ничего подозрительного не обнаружили. Выходит, чудо?

Крупные капли пота покрывали их лица — паренцы никак не хотели поверить нам, они просто страдали от этой неизвестности.

— Значит, правда, коряцкий голос из Хабаровска? — робко спросил наш проводник, коряк Хачелевин.

— Правда, Хачелевин, правда, — ответил ему ассистент оператора Саша Приезжев. — Ну-ка, расскажи нам, что говорил коряк из Хабаровска?

— Сейчас моя не могу говорить. Шибко устал... Завтра. — И старик вышел из избы.

Он был потрясен не меньше своих собратьев. В конце концов мы бы убедили их, что никакого обмана нет, если бы не Юналнаут.

Он зашел к нам на другой день — крепых лет двадцати. Юналнаут должен был на собаках доставить наши телеграммы на радиостанцию в Нахон. Это селение расположено примерно километрах в четырехстах от Парени.

Пока мы заканчивали подготовку корреспонденции на кинофабрику и родным, молодой коряк непринужденно расположился за столом, налил себе чай, намазал ломоть хлеба маслом и сказал по-русски:

— Я видел в Гижиге такую машинку, только с трубкой, — указал он пальцем на радиоприемник. — Русские называли его граммофон. Он тоже говорил разными голосами и пел.

— Правильно, Юналнаут, — улыбнулся оператор Мершин. — Ты видел и слушал граммофон, а это радиоприемник. Он без трубы и пластинки. Он передает голоса по воздуху. — И Павел Михайлович, видно для большей убедительности, помахал рукой, изображая радиоволны.

Юналнаут рассмеялся:

— Меня не обманешь. Ты хитрый. Зачем трубу и пластинку спрятал в ящик?.. Э-э-э, меня не обманешь, — повторил самодовольно парень. — Наши люди совсем темные, ничего не видели, а я жил долго у русского в Гижиге, все видел, все помню.

Мершин растерянно взглянул на меня. Я пожал плечами: чепуху мелет этот парень!

— Вчера я много смеялся над стариками, — весело продолжал Юналнаут. — Как это голос может летать по воздуху? Голос не птица. Русские

кладут в ящик любой голос, и он говорит или поет — как они захотят. Очень стыдно было старикам слушать мои слова. Они качали головами и бормотали: «Нехорошо поступили мельгитане. Зачем нас обманули? Нехорошо...»

Мы просто онемели от неожиданности. Так вот почему нам не поверили! Каждая фраза этого «коряцкого академика», как назвал его администратор Дорогов, буквально нас уничтожала.

Положение становилось весьма серьезным, если не сказать катастрофическим. Наш авторитет, завоеванный с таким трудом, затрещал по швам.

Надо было немедленно что-то предпринять. Ведь слух о том, как русские обманули паренцев, быстро распространится по всей округе. Киноэкспедицию везде будут встречать с недоверием.

— Что ты, Юналнаут, что ты! — пробормотал в полной растерянности Дорогов. — Мы никого не обманули. Это радио, это правда!

— Ладно, — великодушно согласился Юналнаут. — Если правда голос летает по небу, как птица, тогда закажи в Наяхоне, чтобы к моему приезду Кирик приготовил две вязки юколы для собак. Я у него буду жить, — заявил Юналнаут. — Если приготовит — поверю, тогда всем скажу, что твоя машинка называется не граммофон, а радио, что она гоняет голоса по воздуху.

— Ну и хитер ты, академик, — развел руками Дорогов.

Видумка Юналнаута была сложной. Нам никогда не приходилось работать на своем передатчике с другими радиостанциями. Но что делать? Пришлось согласиться.

— Хорошо, Юналнаут. Мы закажем юколу по радио, — храбро ответил я.

Вид у меня в этот момент был такой отчаянный, — рассказывал впоследствии Мершин, — какой бывает у людей, впервые прыгающих на парашюте с учебной вышки.

Юналнаут уехал, и мы приступили к работе. Установили передатчик. От кинопередвижки приспособили к приемнику динамомашину с ручным приводом. Распределили между собой обязанности. Самая ответственная должность радиста была поручена Мершину. Изучив азбуку Морзе за время наших странствий по Камчатке, он мог принимать на слух и передавать в эфир до 90 знаков в минуту. Дорогов, Приезжев, Бауэрман и я выполняли работу чернорабочих — вертели ручку привода динамики.

Не жалея сил, в поте лица вертели мы ручку, обеспечивая передатчик электроэнергией.

Целый день и всю ночь Мершин ползал по эфиру, выстукивая в эфир точки и тире, но все безрезультатно.

Станция Наяхона упорно не отзывалась. Вконец измученные, мы только на рассвете прекратили работу. Поели и легли отдохнуть, немного поспать, чтобы со свежими силами начать все сначала.

— Надо энергичнее и равномернее вращать привод, тогда все будет

в порядке, свяжемся с Налханом, — пробормотал, уже засыпая, Мершин — наш «маркони».

Уснул и Дорогов, уснул мгновенно, едва привалился головой к полушубку. А я уснуть не мог никак.

— Боже мой, — думал я, ворочаясь с боку на бок на своем кукуле, — сколько нелепых разговоров возникнет по всему району о том, как русские обманули коряков. Черт меня дернул обещать Юналнауту сделать заказ на две связки юколы! Но если бы я этого не сделал, было бы еще хуже... Что теперь будет?

Проснулся я от назойливого жужжания динамики. Павел Михайлович, в наушниках, неподвижно сидел у приемника. Зрачки расширены, неподвижный взгляд застыл на приборах. Едва заметно он вращал ручку приемника.

Оголенный до пояса Дорогов, уже основательно взмокший, отчаянно вертел ручку привода.

Я вскочил и, на ходу приняв эстафету, продолжал вращать динамку. В очередь встали Гаворин, Бауэрман и Приезжев.

— Не разговаривать... не дергать привод...

вращайте ровнее, энергичнее, — командовал Мершин.

На этот раз сменялись чаще: через 15—20 минут. Прошел час, второй, прошел второй день, опять пришла ночь. «Оскандались на всю Камчатку», — засыпая за динамкой, подумал я, и в этот момент нас услышали. Услышали в Наяхоне!

Наяхонский радист все понял и тут же сухими точками и тире ответил:

«Спите спокойно, все сделаю как следует.

Ждите возвращения Юналнаута. Желаю больших успехов в работе. Иванов».

И вот наступил день, когда около избы остановилась нарта «коряцкого академика».

— Все правда, — забыв поздороваться, взволнованно сказал Юналнаут, — все правда. Кирик припас для меня две вязки юколы. Теперь всем людям расскажу, что у русских не граммофон, а радио. Эта машина правда гоняет голоса и музыку по воздуху.

Встреча с тигром

3 ашло солнце, когда наши улимагды — долбленные лодки — вошли в устье Мангни. Удэгейцы выбрали удобную стоянку, на берегу выросли палатки, загорелся костер. Пламя освещало небольшую площадку, где расположился маленький лагерь нашей киноэкспедиции. Давнишняя мечта заснять диких животных Уссурийской тайги в естественных условиях заставила нас подняться вверх по притоку Амура-Анюю — и подойти к бурной Мангни.

Спит тайга. Только однотонный шум дикой реки и редкое гуканье «ночного бродяги» — филины нарушали тишину...

— Чжанге¹, вставай, — услышал я сквозь сон у палатки голос нашего проводника Сунца Геонка.

Тут же сел, толкнул оператора Мершина в бок. Взглянул на часы — два часа ночи.

— Твоя крепко спи... Вставай. Надо работать...

Быстро оделись, выползли из палатки. Захватив ружье, автоматическую кинокамеру, запас пленки, Мершин и я расположились в центре улимагды. Удэгейцы одновременно опустили в воду шесты и легко оттолкнулись от берега. Стремительный поток встретил наш «корабль». Удэгейцы ритмично взмахивая шестами, начали борьбу с рекой. Улимагда медленно шла вперед. Предомной смутно маячил шест Сунца...

Наконец-то стало светать. Засинело небо. Видны стали река и дремучие берега с нависшими над водой деревьями.

¹ Чжанге (удэх.) — начальник.

На отмелях, откуда ни возьмись, запрыгали кулички-песочники, переговариваясь между собой писклявыми голосочками: кули... кули... кули...

Неподалеку от улимагды выскочил большой муксун и тут же плюхнулся в воду. На дереве суетилась кедровка. Пронзительно кричала, словно хотела предупредить обитателей тайги о грозящей опасности.

Сунцай сердито погрозил ей пальцем.

— Плохой птица, его всегда кричи, когда видишь охотника. Зверь тогда смотри, какой люди тайга ходи.

А кедровка, как будто на зло Сунцаю, перелетала с дерева на дерево, сопровождая улимагду истерическим криком. Казалось, что кедровка решила переполошить всю тайгу.

Расстроенный удэхеец от досады плюнул и сквозь зубы крепко выругался.

Тайга из сумрачной превращалась в солнечную, нарядную. Я не отрывал глаз от берега, ежеминутно ожидая увидеть зверя, вышедшего на водопой. Мое волнение, по-видимому, передалось и Мершину. Обернувшись ко мне, он без конца спрашивал шепотом:

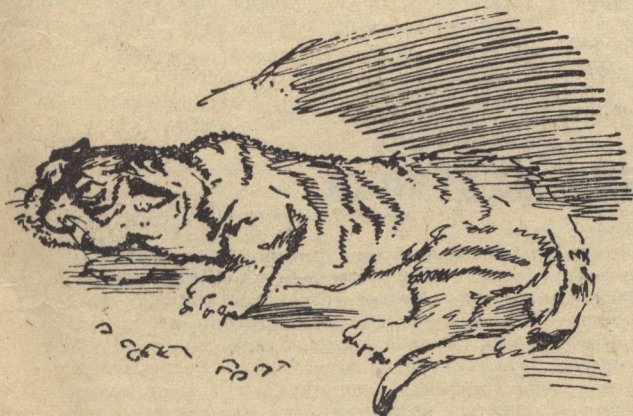
— Ну как, не видать?

Прошел еще час. Хотелось курить, размять онемевшие ноги. Вдруг Сунцай сделал какой-то неопределенный жест рукой. Удэгейцы перестали толкать улимагду и уперлись шестами в дно реки. Улимагда остановилась.

Метрах в двухстах, у самой воды, стоял медведь. Я толкнул Мершина и молча указал на медведя. Оператор прижал кинокамеру к глазу, секунду целился и нажал пусковую кнопку. Камера заурчала. Шерсть «хозяина» тайги была черной, на груди красовался белый галстук. Незабываемое зрелище... Но вот медведь поднял голову, стал тревожно внюхиваться. Почуввав незнакомый запах, обернулся и, увидев нас, бросился в тайгу.

Снова заработали шесты. Улимагда продолжала свой путь.

В огромном напряжении прошел еще час. Безрезультатно. Пора было делать привал. Мы повернули вниз. Мимо бежали берега. Скалы, поросшие тайгой, подводные камни... Вот-вот наш «корабль» куда-нибудь врежется. Камень приближается, вырастает, превращаясь в огромную

скалу, еще несколько минут — и улимагда будет расплющена. У подножия скалы кипит вода. Все, сейчас конец... И вдруг, не долетая полутора метров до скалы, улимагда неожиданно поворачивает нос в сторону, и чуть-чуть не задев кормой за камень, вырывается с потоком на главный фарватер.

Искусство удэхейцев владеть улимагдой не поддается описанию. С поразительным хладнокровием и ловкостью они ведут шестиметровую лодку по порожистым, занесенным буреломом и камнями горным речкам.

— Галька... Здесь можно чай варить, — сказал сидевший впереди меня Сунчай.

Удэхе быстро убрали весла и взялись за шесты. По тихой воде под берегом мы приближались к месту, выбранному удэхейцами для привала...

На гальке валялись плавник и сухой валежник, выброшенные большой водой в половодье. Отмель, шагах в сорока от берега, упиралась в большую каменистую глыбу, заросшую кустарником и пихтой. Скала опоясала берег и образовала своеобразный каменный пояс. Отмель выглядела уютной и приятной гаванью.

Днище улимагды зашуршало по песку, застучало по мелкой гальке. Я уже занес ногу, собираясь выпрыгнуть, я уже готов был сказать Мершину... Не помню, что я еще хотел сделать в этот момент, потому что именно в это мгновение из чащи выпрыгнул тигр. Он, видимо, шел на водопой и был изумлен встречей не меньше нас. Коснувшись лапами земли, мягко спружинил, присел, забил нервно хвостом и вдруг грозно зарычал... Я успел только заметить в его пасти великолепные клыки.

Нет, невозможно передать чувства, охватившие меня в тот миг. Тигр, долгожданный тигр, не огороженный от меня ни железными прутьями клетки, ни рвом вольеры зоопарка — вот он, передо мной! Но в следующую секунду мой восторг угас.

Удэхе, почитавшие тигра за священное животное, стрелять не будут. Они застыли с шестами в руках. Я потянулся за винтовкой...

— Стреляй не могу, — тихо произнес Сунчай.

— Не стреляй, Аркадьич, — прошептал за моей спиной Мершин. Тут же заурчала камера.

Тигр прижался к земле. Рр-ры-ы... Хвостом он бил по гальке так, что мелкие камешки разлетались в стороны. Мне казалось, что хищник вот-вот бросится на нас: нас разделяло не больше двадцати метров — два-три скачка. Одним ударом сомнет стоящих впереди меня безоружных удэхейцев. «Не стреляй», — умоляет меня Мершин. Успею ли я схватить винтовку, взвести курок и выстрелить? Я взялся за винтовку, когда тигр, как кошка, стал подбирать под себя задние ноги, готовясь к прыжку...

А за моим плечом урчала камера, и я не

сомневался, что прыжок тигра на нас тоже будет заснят оператором. Неизвестно только, кто по эту пленку доставит на кинофабрику...

Рев тигра заглушил мирное урчание камеры. Словно зачарованный или загипнотизированный, я так и не поднял винтовку. Шерсть на спине тигра поднялась дыбом — сейчас он прыгнет! Вот он оскалил пасть, прижал голову к земле... И, совершенно неожиданно, развернувшись боком, показал свое длинное ржаво-желтое, испещренное черными полосами тело. А затем и хвост. Удрал, чертов сын!

В течение нескольких секунд мы не могли прийти в себя. Наконец я заговорил:

— Вот это да!.. А может быть, мне это только показалось? Не было тигра?

— Был тигр, да еще какой! — нервно расхотался Мершин. — Он теперь здесь, — нежно похлопал Паша по аппарату, — не убежит...

— Амба¹ не убежит, — буквально поняв Мершина, сказал Сунчай. — Его теперь там стоит, — он указал на заросшую глыбу, — посмотри, зачем люди ходи на его место.

— Твой амба далеко убежал... Давай собирать валежник, костер зажигать, чай варить, — сказал Мершин, вылезая из улимагды.

— Амба шибко сердчай... Здесь его место вода пей... Чай вари здесь не могу, надо другое место ходи... — очень серьезно возразил Сунчай и взялся за шест.

По мрачному настроению удэхейцев было видно, что встреча с тигром их мало обрадовала, хоть и продолжалась не более минуты.

Весьма возможно, что осторожный хищник залег в густом кустарнике каменного пояса и следит за нами.

Мы вновь мчимся по Мангни. На правом берегу увидели отмель.

— Сунчай, гляди: там галька, — крикнул я удэхейцу.

— Это сторона не могу чай варить... Амба идет... следит... Другой сторона можно, — Сунчай указал на левый берег, где возвышались мрачные утесы.

Мершин недоуменно взглянул на меня. Сунчай, заметив взгляд Мершина, ответил на его молчаливый вопрос:

— Если левый берег галька есть, будем чай варить... если нет, пойдем прямо в устье Мангни.

Пришлось подчиниться. Арсеньев не раз говорил о том, что в тайге надо прислушиваться к советам удэхейцев. И еще я вспомнил, что знаменитый путешественник несколько лет бродил по Уссурийской тайге, прежде чем увидел живого тигра. А мы — в первый же день. Бывают чудеса на свете!

¹ Амба (удэх.) — тигр.

Уважение охотника

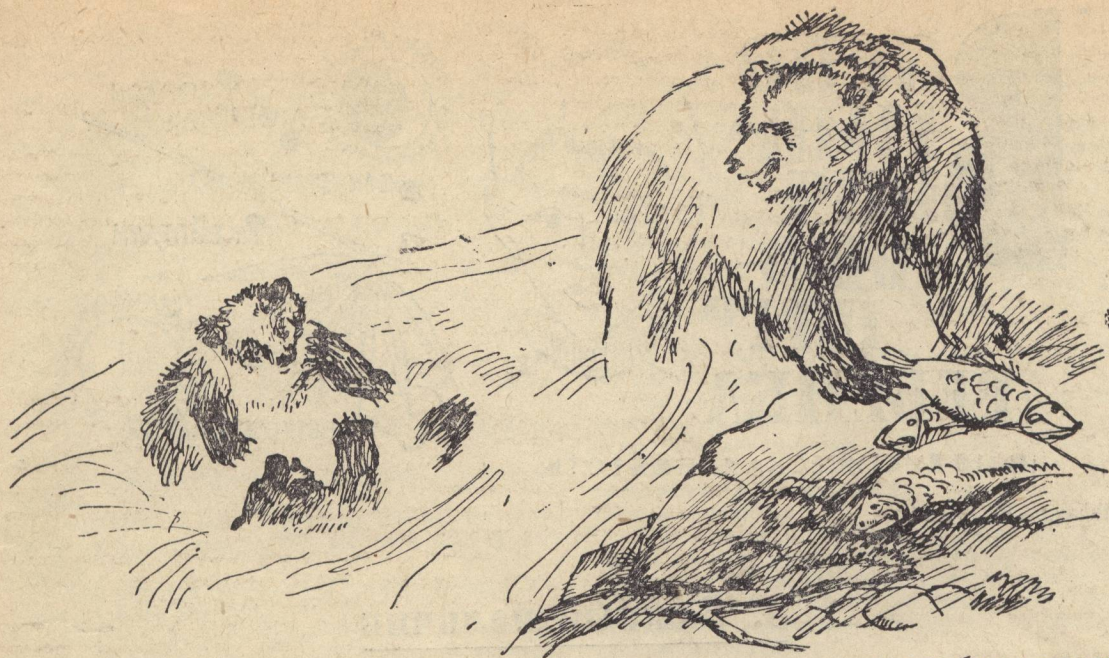

Над селом Ключи, раскинувшимся вдоль берега реки Камчатки, возвышался снежный конус Ключевской сопки. Из кратера вулкана клубился густой чернотелый дым, напоминавший форму гриба. Чтобы заснять вулкан, надо было подойти к нему вплотную.

В сельсовете нам посоветовали взять провод-

ником одного из лучших охотников, камчадала Василия Кириковича Брагина. Ему не раз приходилось охотиться у подножия сопки...

На пути встала непроходимая тайга. Густые ветки цеплялись за вьюки, били по лицу, по затылку, царапали руки. Спасая головы, приходилось беспрестанно кланяться во все стороны, часто ложиться на конские шеи или слезать, чтобы про-

рубить в чаще проходы. Москитные сетки и перчатки плохо спасали от комаров. А оводы изводили лошадей. Кони все время мотали головами и брыкались.

С наступлением сумерек мы обычно останавливались у какой-нибудь речушки и разбивали лагерь.

За кружкой крепкого чая мы слушали увлекательные рассказы Брагина. Он оказался великолепным рассказчиком. На одной из стоянок мы попросили Василия Кириковича рассказать о том, как во время хода рыбы он убил за неделю тринадцать медведей.

— Было, однако, такое, — ответил серьезно Брагин. — Медведь не хуже нас знает время, когда лососевые пробиваются к верховьям нереститься. А он уж очень охочь до рыб. Самая для него что ни на есть вкусная еда — это рыбы головы. Выберет в речке пережат, где помельче, встанет на задние лапы, а передними ловит и выкидывает рыбу на берег. В эту пору он не сторжится, и убить медведя, когда он рыбачит, — дело не хитрое, — заключил Брагин.

Неожиданно улынувшись, он оглядел нас и сказал:

— А бывает, однако, ни одного не убьешь.

— Если не встретишь, — добавил наш завхоз Гаворин, желая, по-видимому, поднять авторитет знаменитого охотника.

— Зачем не встретишь? Другой раз и встретишь, а не стрелишь. Засел я однажды в кустах на берегу речки, как раз насупротив пережата. Ждать пришлось недолго. Смотрю: из тальника на берег выходит медведица пудов на двенадцать, а за ней — два медвежонка.

Взошло все семейство в речку. Поднялась мамаша на задние лапы и рыбачит. Ловко орудует. Кета то и дело шлепается на песок. Гляжу, и малыши тоже встали в рост и давай лупить передними лапами по воде, однако.bestолку, одни брызги летят. Медведица же рыбку за рыбкой тем временем на берег выбрасывает. Бьют медвежата лапами по воде, сердятся, ворчат, друг друга брызжут, да как кинутся в драку! — и нача-

лось такое, что и сам черт не разберет, где кто. Не видать их, только вода кипит. Один другого норовит утопить. Такой шум над рекой подняли, что хоть уши затыкай.

Глянула на драчунов медведица, рывкнула — дескать, хватит баловаться. Куда там, и внимания не обращают! Тогда мамаша еще раз грозно рывкнула, подошла к медвежатам, да как поддаст лапой каждому! — в разные стороны разлетелись. Глядят на рассердившуюся мать и отряхиваются. А она вылезла на берег, легла около выловленной кеты, смотрит на озорников и тихо бурчит — вроде как говорит: «Побаловались, а теперь учитесь ловить рыбку».

Ну, медвежатам делать нечего, пришлось подчиниться. Встали они, подавшие друг от друга, на задние лапы и давай снова колотить передними по воде. Весело мне на них смотреть, смеюсь. Совсем забыл, зачем, однако, в кустах сижу. Один из медвежат болтал-болтал лапами и подхватил рыбку. Взлетела она невысоко да и плюхнулась рядом с ним в воду. Ну, тут малыш то ли обрадовался удаче, а может пуще осердился, только еще быстрее заработал лапами. Гляжу, и второй подцепил рыбу, но до берега не добросил. А мать лежит на берегу, ест и на детей своих поглядывает.

Умаялись вконец медвежата. Лапами едва шевелят, ворчат. Подхватят рыбу, а уж выбросить на берег силенок не хватает. Видит мать такое дело и как-то тихо заурчала, должно сказала: «Хватит уж, идите рыбку есть». Малышам такая команда понравилась. Повыскакивали они на берег и принялись за рыбу, а мать не шелохнется, вроде дремлет, а ушами все время поводит, сторожится.

Как медвежата наелись, так стал их одолевает сон. Растянулись они у матери под боком и уснули. Разве стрелишь по таким, а? Не, охотнику ко зверям тоже уважение надо иметь, — закончил Брагин, закурил трубку и встал.

— Однако пора коней проведать, — сказал он и пошел к пофыркивающим в темноте животным.

Воспо- мина- ния быв- шего ребенка

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Михаил АНДРАША

3. Важный мальчик

Дни рождения — привилегия избранных детей.

Соню Белоножку нужно считать привилегированной девочкой. Еще не было в ее короткой жизни случая, чтобы родители забыли ее день рождения.

Булочная, постоянный представитель интересов Белоножки в нашей компании, роздал собственноручно написанные приглашения билеты на этот большой семейный праздник. Кроме слов о том, что нас зовут на день рождения, там был еще и стишок:

Если пить вино проворно,
Если выпьешь ты излишек,
Белый свет увидешь черным,
А белыми — чертей и мышек.

Булочная уверял нас, что отыскал этот стишок в какой-то книжке для детей. Мы поверили: речь шла о мышках.

— Белоножка велела Субботе хорошенько вымыться, потому что будут гости из другого дома, а Январь пусть острижет свои ногти, — объявил Булочная.

— Ладно, — проворчал Суббота и вынул из кармана осколок зеркала.

Потом мы думали и решали очень трудные задачки с подарками. На те жалкие полтора-два рубля, которые можно было выпросить у родителей, ничего интересного не купишь. Да и тот дом, куда мы собирались, был полон до краев всевозможными красивыми дорогими вещами.

Январь тихонько стащил у себя дома кактус — кактусов у Белоножки не было. Суббота сделал для нее звонок на батарейке. Простым нажатием кнопки она могла вызывать к себе Булочную из соседней квартиры: один короткий — «приходи делать уроки», два длинных — «принеси мою книгу», три звонка — «не стучись ко мне, я сплю» и так далее и так далее.

Я преподнес Белоножке расписку:

74

* Продолжение. Начало в № 1.

«Я, Андраша Миша, обязуюсь в любое время изготовить бесплатно для Белоноговой Сони любую мебель — табуретку, скамейку под ноги, скалку, доску для рубки мяса. В чем и распишусь».

Булочная сказал, что зачет подарком альбом для марок, который он в прошлом году отдал Белоножке.

Свои дары мы подносили от чистого сердца и они произвели на родителей неизгладимое впечатление. Отец прямо воскликнул:

— Нам как раз в доме не хватало еще и кактуса!

Мать — Анна Федоровна — сразу же заказала мне березовую доску для рубки мяса.

Думаю, что флегматичная Белоножка тоже осталась довольна. Она провела нас в большую комнату и я заметил, каким придирчивым взглядом она обследовала наши руки и шею. Нет, нет, чистились и мылись мы не напрасно: в гостиной стоял круглый стол и казалось приседал от обилия тарелок и различных блюд.

В доме ждали еще какого-то важного гостя, никого не приглашали садиться за стол.

Время шло в пустяковых разговорах о том, как лучше провести звонок в квартиру Булочной, говорили о школьных делах и прочитанных книжках. Белоножка только что закончила книгу о верных женах декабристов, следовавших за своими мужьями в Сибирь, чтобы разделить с ними их тяжелую участь после суда.

— И я бы поехала в Сибирь за декабристом, — сказала она между прочим.

Суббота напрямик спросил:

— А за Булочной поехала бы?

Белоножка секунду думала, потом сказала:

— За Булочной поехала бы.

— А за мной? — лениво спросил Суббота.

Я промолчал, потому что мне не хотелось при всех допытываться, помчалась бы она за мной в Сибирь или нет.

Что же касается Субботы, то он получил категорический отказ.

Из кухни тянуло жареной курицей, истомившейся в духовке в ожидании важного гостя. Нерпеливо дрожал студень в тарелках, ножи с вилками позвякивали возле хрустальных стаканов, а важный гость даже еще не хлопал парадной дверью вниз.

Мать появилась в комнате.

— Где же Виля? — встревоженно спросила она.

— Я здесь, — отозвался Булочная.

— Виля другой, — сказала мать.

— Он сегодня встречает делегацию и, наверное, задерживается, — сказала Белоножка.

— Начальство всегда задерживается, — хмыкнул тихонько Булочная.

Мы подождали еще минут десять, еще поговорили на голодный желудок кое о чем, Суббота не вытерпел:

— Мне можно яблоко взять? — спросил он Белоножку.

Белоножка горестно вздохнула и пожала плечиками.

— Можешь взять, не жалко, но так поступать в гостях невоспитанно. Ты это запомни на всю жизнь.

Она никогда не упускала случая привить Субботе хорошие манеры.

Суббота презрел условности, достал из вазы самое большое яблоко и дал всем нам откусить. Белоножка принципиально заслонила рукой.

Давно замечено, что невоспитанным детям легче живется на свете, чем детям с изысканными манерами. Но не думайте, что из них обязательно вырастают невоспитанные люди, просто прихлебывание или почесывание — восхитительные привычки, которых больше не вернешь. Сколько раз мне приходилось слышать от взрослых: «Если бы видели, как я чавкал в свои счастливые десять лет!»

Прибывший с опозданием гость во всех отношениях превосходил нас. На вид ему было лет двенадцать-тринадцать. Завидный букет цветов, который он держал в руках, не шел ни в какое сравнение с нашим кактусом. Подаренный им автоматический карандаш иностранного происхождения стоил, наверное, больше всей мебели, которую я мог изготовить по своей расписке.

Когда он вошел в комнату, он первым делом представился, склонив голову, расчесанную на прямой пробор.

— Виля Шебунеев, — сказал он, чуть-чуть гнусая от насморка.

Потом он принес всем нам глубочайшие извинения:

— Я прошу у всех прощения за то, что заставил себя ждать. Наша машина неожиданно попала в пробку, — сказал он и приложил к лицу сложенный вчетверо платок.

Самое интересное в этом извинении было то, что он приехал на автомобиле.

Поднося Белоножке свои дорогие подарки, он сказал:

— Желаю тебе огромных успехов в учебе и труде на благо всего народа.

Никто из нас никогда бы не сообразил так поздравить Белоножку, так складно сказать про успехи.

Мы во все глаза следили за Шебунеевым и ждали, что он скажет интересного.

Шебунеев опять приложил платок к щеке.

— Было так утомительно с этой делегацией! — вздохнул он.

— Вы встречали делегацию из Гиппопотамии? — спросила Белоножка, явно осведомленная обо всех делах Шебунеева и желающая похвастаться перед нами таким великим гостем.

— Правительственная делегация, — несколько небрежным тоном сказал Шебунеев. — Гиппопотамцы своими усами искололи мне все лицо.

Из этого вытекал неожиданный для нас вывод: Шебунеев целовался с этими гиппопотамцами.

— Они только что пообедали и от них несло, как из винных боченков, — сказал он.

Мы не вступали в разговор, не зная, о чем можно говорить с мальчиком, который ездит целоваться с делегациями иностранных государств.

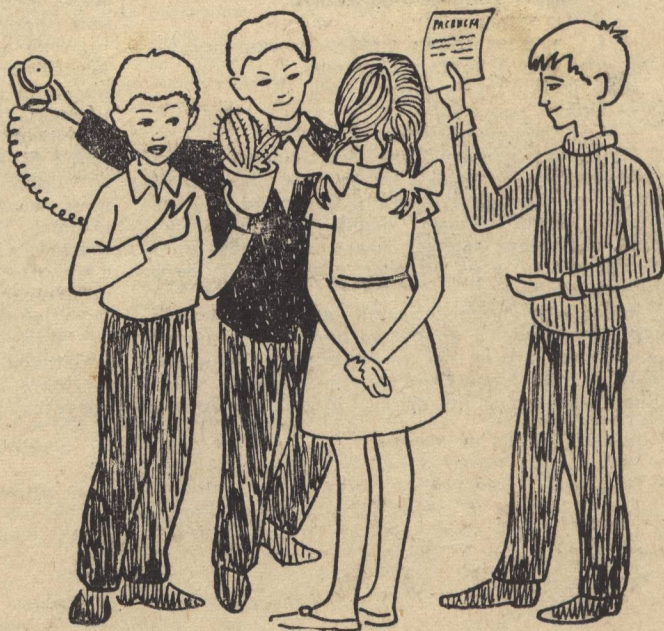
Так значит, вот ради кого мы получили категорическое предупреждение вымыть шею и остричь ногти!

Я глядел на Шебунеева и думал об очень простых вещах: дома у него, наверное, отдельная комната, у них нет задолженности по квартирной плате, кроме этого синего костюма, у него дома еще полный шкаф вещей, способных вызвать завистливые взгляды.

— Что вы такие кисленькие, ребятки мои? — спрашивала мама, заметив, как гость изменил наше настроение. — Садитесь за стол. Сонечка, будь хозяйкой дома, угощай своих друзей. Ребятки, кладите себе на тарелки, вот ветчинка, вот селедочка, вот колбаска, возьмите очень вкусный салат. Кладите, кладите, не стесняйтесь. Сонечка, налей сок в стаканы...

Что и говорить! Ожидавшая нас еда была замечательной. Люди, выставляющие такую закуску, безумно любят своих детей.

Суббота, замолчавший с приходом Шебунеева, вдруг повернулся к нему:

— Такой страны на свете нет, — сказал он.
— Какой страны? — осведомился Шербуев.

— Ну, этой Гиппопотамии. Может Гватемала? Вместо того, чтобы поспорить и доказать, что на свете имеется загадочная Гиппопотамия, Шербуев махнул вилкой.

— Это меня не волнует. Прибыла делегация, моя обязанность по протоколу преподнести цветы королю и сердечно поприветствовать прибывших министров.

— И ты всех обязан целовать? — спросил я.

— Они сами целуют в знак благодарности. Отдашь ему букет, он тебя целует в щеку, поднимет иногда, ну, конечно, приходится отвечать взаимностью. Международный порядок.

— А с кем ты еще целовался? — заинтересовало Булочную.

— Народу много приезжает, — ответил Шербуев, цепляя на вилку кусочек колбасы. Белоножка попросила:

— Вилка, ты расскажи, расскажи. Это же интересно. Ты так много знаешь, столько знаменитых людей встречал!

— Ну, вот, — нехотя сказал Шербуев, — на прошлой неделе встречался с итальянским президентом.

— И ты целовался с самим президентом? — воскликнул Январь.

Шербуев утвердительно кивнул.

— А что тут такого?

— С киноактерами тебе приходилось? — задал наводящий вопрос Булочная.

Шербуев опять кивнул:

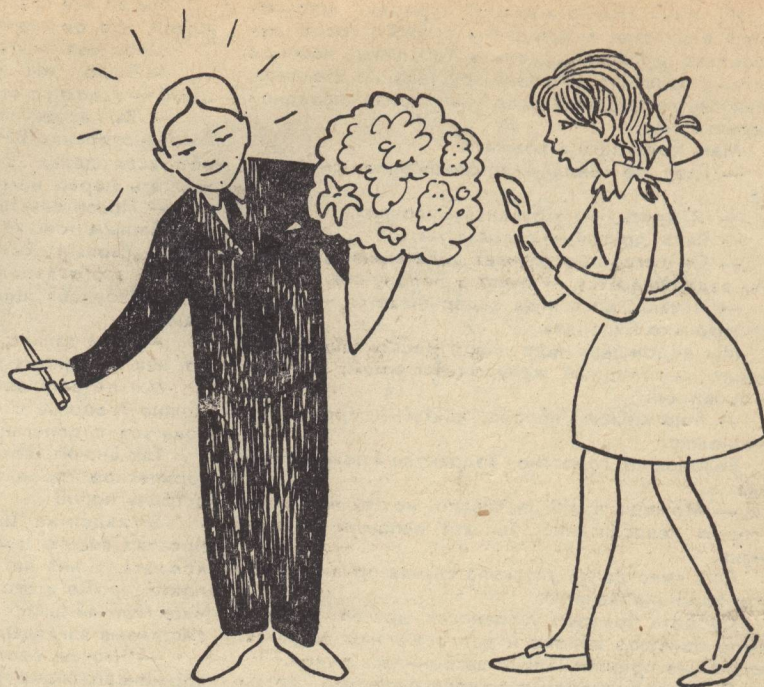
— Приходилось.

— С Кадочниковым целовался?

Вопросы посыпались, как из мешка.

Белоножка восседала за столом, словно, она сама придумала Шербуева. В ее коллекции автографов были письма очень известных личностей, Шербуев являлся живым представителем этой коллекции, всех он знал, всем дарил цветы, со всеми целовался.

Я не хочу пересказывать дальнейший разговор, вертевшийся вокруг да около знаменитых имен. Теперь это не так уж интересно. Да и знаменитости перестали быть знаменитостями: одни имена за эти годы померкли, другие намеренно

преданы забвению за ту злобу, что носили в сердце. Были ведь люди недостойные ни цветов, ни поцелуев. Теперь другие имена, другие цветы.

Мы еще несколько раз виделись с Шербуевым в том же доме — он временами навещал нашу Белоножку, и всякий раз вместе с завистью и восхищением пробуждал в нас тихую ревность.

Удачливая судьба была обеспечена ему с самого детства. Это был по-настоящему счастливый ребенок. Когда он уезжал в командировку в Москву, учить за него ботанику и другие предметы поручали его одноклассникам, вынужденные прогулы ему не засчитывали, четвертные отметки выводили на уровне первых учеников класса. Этого требовало дело, которому он себя посвятил целиком. Скажите, кому будет приятно целовать двоюродника или даже троюродника? А цветы? Букет от прогульщика? Нет, такого позора никто бы не допустил.

Провожая одну высокую делегацию, Шербуев заразил насморком короля небольшого южного государства, жители которого и понятия не имели о насморке. Король вернулся домой с мокрым носом и половина жителей королевства сморкалась и чихала.

Шербуеву простили и это.

Вскоре он перебрался в Москву. Мы больше не видели его.

Интересно, что он поделяет теперь? С кем целуется, кому подносит цветы?

Рисунки Г. Перебатова

ВСЕ, ЧТО ЕСТЬ В ДУШЕ, НЕ УТАЮ

КНИЖ- НАЯ ПОЛ- КА

Я познакомился с хорошей книжкой и хочу, чтобы о ней знали все.

О любви к Родине написано так много стихов, что надо быть очень хорошим поэтом, чтобы писать о России, не повторив чужого голоса. Это дано не всем. Видимо, не всякое сердце способно обнять то великое, что мы называем Родиной, понять его, это великое, и сказать о нем несказанное.

Сила и обаяние стихов Валентина Сорокина, на мой взгляд, заключены в том, что он смотрит на свою землю глазами хозяина, он за нее болеет, он за нее в ответе нынче и навсегда.

Земля, где знали
Топоры да вилы,
Где женщины рожали

на меже...
Где ждут цветов забытые
могилы

На каждом обожженном
рубеже.

Земля, где вечно драться
не устанут,

Где русский гнев
неудержимей гроз.

Земля, где ныне каждый
полустаёк

Наполнен гулом
Крыльев и колес.

Потомок, слышишь,
Я прошу, как друга,

Не прячь от нашей древности
очей!

Ведь мы росли у тачки
и у плуга

И крепили
У мартеновских печей.

Как гражданин, как сын
своего века, глядит поэт на
мир, на жизнь, на людей. Он

«Лирика». Валентин Сорокин, Южно-Уральское книжное издательство,

в заботах, в поиске, и стихи его увлекают в мир желаний и деятельности.

Я по жизни, как по скалам.

Пробирался столько лет!

То, чего душа искала,

Ни в каких долинах нет.

Я захлебывался пылью,

Я в таяющих топах мок.

И ни разу сделать былою —

Я мечты свои не мог.

Надо мною время рвется,

Подоймёт гудит верста.

Сказка сказкой остаётся,

Высотой — высотой.

Неустанный порыв к высоте,
окрыляющая душу мечта —
вот мир поэта. И мы с той же
поэтической высоты глядим на
мир, разделяем мечты поэта
и его тревоги.

Мы столько раз поранены,
Мы столько раз отравлены,
На тыщу лет, наверное,
знамена окровавлены.

Они шумят, бесстрашные,
Над сговором, над войнами,
И мы по праву памяти
не можем быть спокойными.

В стихах Сорокина буйным
майским ветром бьется жизнь,
жажда любви, труда, подвига.
Слова, простые слова, окры-
ленные его поэтическим вдох-
новением, как бы начинают
светиться изнутри, подобно
уральским самоцветам. Вот
пример такого стиха, где сло-
вам поистине тесно, а мыслям
просторно.

Забывая раны и потери,
На рассвете распахнув окно,
Я хочу по-детски в сказки
верить,

В те,

которым сбыться не дано!

Может, оттого и светятся
лирические строки стихов Со-

рокина неизбывным огнем, что
сам поэт дружен с мечтой,
не изменил своим юношеским
идеалам, хотя и вырос и воз-
мужал.

Валентин Сорокин — истинно
русский поэт, и будет весь-
ма кстати повторить им же
сказанные слова:

Век поэта — грозное мерило,
Все, что есть в душе,
Не утаю.
Мне Россия сердце подарила,
Я его

России отдаю!

Для каждого Родина начи-
нается у порога родного до-
ма, от милой березки на око-
лице села, от фабричной заста-
вы. Для Сорокина Родина на-
чалась у проходной завода.
Поэт вырос и очень рано свя-
зал свою судьбу с трудовым
Уралом и естественно, что
лучшие песни свои посвятил
рабочему краю.

В труде, в нелегкие годы
познавал поэт и любовь, и не-
любовь, и по привычке рабо-
чего человека совсем немного
словен, но слово, сказанное
им, выверено и весомо.
Снова дали сквозистые, синие!
Звезды! Речка на белом лугу.
И осыпан светящимся инеем
Березняк на крутом берегу.

Достоинство стихов Сороки-
на определяется широтой их
тематики. И о чем бы поэт
ни говорил, всюду видна его
глубокая заинтересованность
в делах и судьбах человече-
ских.

И. АКИМОВ 77

А НАЧАЛОСЬ ВСЕ С ЧЕРЕПАХИ...

НАВЕРНОЕ, нет на свете слова более захватывающего и все же более влекущего, чем слово «тайна». Оно действует безотказно, потому что постижение тайн — смысл жизни человека.

Когда минует детство и человек встает перед выбором профессии, главного жизненного дела, он чаще всего подчиняется своему влечению к разгадке самых интересных для него тайн.

Он становится биологом, если его внимание приковали проблемы живой клетки, таящей в себе столько непознанного. Он становится физиком, если его неотступно преследуют мысли о новых, еще не подчиняющихся людям, источниках энергии.

А если ему не дают покоя следы людей, оставшихся на земле от давних времен, он станет археологом, и будет воссоздавать по этим следам ту давнюю живую жизнь, чтоб раздвигать горизонты нашего исторического и социального мышления.

В любой профессии есть свои тайны.

Однажды студент Ленинградского университета будущий археолог В. Ларичев увидел перед входом в Хабаровский краеведческий музей странное изваяние. Это была черепаха, но не та мирная черепаха, вечный предмет ласковых шуток, а очень грозная — с поднятой вверх головой и когтистыми лапами, вцепившимися в камень. Такие изваяния воздвигались в давние времена на могилах государственных деятелей. Возраст каменной черепахи исчислялся многими сотнями лет. Откуда же она тут взялась? О ком хотели рассказать нам люди,

оставив эту каменную память? Но черепаха молчала. И, казалось, нет силы, которая бы заставила ее заговорить.

Археология в представлении некоторых людей — профессия скучная, а на деле как раз наоборот (впрочем, скучных профессий нет вообще, есть скучные люди, занимающиеся не своим делом). Археолог не только отважный, неунывающий следопыт, но и человек с живым, богатым воображением, умудренный знаниями этнографа, историка, психолога, художника. Это помогает ему связывать в общую картину совершенно разрозненные, на первый взгляд, сведения летописцев, хроники, фольклора и найденные при раскопках остатки строений и предметов быта.

У археолога В. Ларичева, написавшего документальную повесть «Тайна каменной черепахи»¹, есть еще одно качество, так сказать, «сверх программы»: он очень интересный рассказчик.

Эта повесть начинается как приключенческая история, продолжается, как настоящий роман о жизни одного из азиатских императоров, перебивается рассказами ученого о том, куда он ездил, что читал, о чем и как думал, пытается выбраться из лабиринта поиска; затем, казалось бы, неожиданно — перед нами красивая легенда, одна из тех, что передается из поколения в поколение; далее страницы книги переносят нас в чопорный Петербург, и мы присутствуем

¹ В. Ларичева. «Тайна каменной черепахи». Новосибирск, Западно-Сибирское книжное издательство. 1967. 150 стр.

на заседании географического общества, а потом вновь поиски ученого, сомнения, ошибки, и опять поиски, и опять ошибки... Но и находки, волнующие своей редкостью и важностью.

Книга эта оригинально построена, она многоцветна, как мозаика. Но дело не в развлекательности, все ячейки этой «мозаичной» истории хитроумно ведут читателя к цели — к разгадке тайны каменной черепахи.

Ученый в конце концов узнал, где и на чьей могиле первоначально был установлен памятник.

Самое же главное, он оказался вовлеченным в историю жизни удивительного народа, населявшего в средние века наше дальневосточное Приморье, народа высокой культуры — чжурчженей. Каменная черепаха медленно, но верно вела и автора и читателя в глубь истории и невольно сделала их свидетелями бурных событий.

Мертвые камни заговорили в книге, и жизнь людей, отделенных от нас веками, предстала зримо — в звоне мечей, в гневном полководца, в тревожной, черной, ветреной ночи — последней перед смертью — ночи императора, в походе красивых, стройных людей, в играх и песнях, в раздумьях над судьбами родины, в погребальных плачах, в сватанье невесты, в варварском уничтожении гробниц...

Так ученый воссоздал и дополнил забытую историю приморского народа, историю золотой империи чжурчженей.

А началось все с каменной черепахи...

Н. СОКОЛОВА

С М Е Ж А Й - Ж А !

Попробуйте определить, в каком порядке финишировали эти слаломисты.

Рисунок-загадка В. СЕМЕНОВА

Ответ на загадку в № 1

В бюро лесных находок посетитель, обозначенный цифрой 1, пришел за предметом под номером 5. И соответственно далее: 2 за 18; 3 за 19; 4 за 10; 5 за 16; 6 за 2; 7 за 28; 8 за 22; 9 за 3; 10 за 26.

Каждый из вас много раз держал в руках ветки сосны, видел кедр, приносил домой новогоднюю елку. И, само собой, вы отлично знаете, как выглядит хвоя этих деревьев.

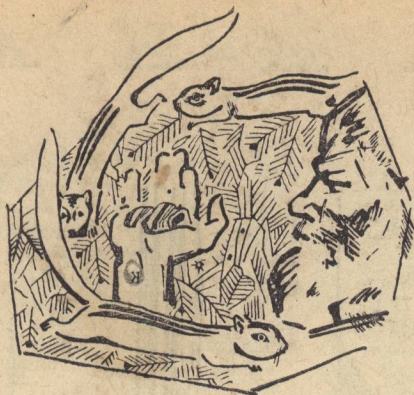
Так ли это!

Попробуйте определить, каким породам принадлежат изображенные здесь веточки с хвоей.

Какому дереву принадлежат сильно увеличенные поперечные срезы иголок!

А. БОЙЧЕНКО

БУРУНДУЧКИ

— ВЕЗЕТ же дяде Феде, — рассуждали старатели. — Где ни копнет — там золото, да хрупкое. Ему легче, чем нам, — ему бурундуки подсказывают, где оно спрятано.

Еще до этой байки я знал, что Федор Прокопьевич Пьянков — большой любитель природы и к тому же чудак. Бывало, в минуты краткого перекура присядет на валежину, попросит нас укрыться за деревьями и засвистит самодельной свистулькой по-бурундучьи. Смотришь, к нему начинают сбегаться «младшие братья тигра». Пробегут немного, приостановятся, как бы присядут, вытянут шейки в сторону свиста, послушают и снова перебегут — все ближе к Федору. Подбежав, остановятся настолько близко к «волшебнику», что он легко ловит их, не сходя с места. Затем погладит, побормочет что-то и отпускает со смехом: «А ну, чеши домой, свистунишка!» Об этой его забаве были слышаны все старатели.

А когда у него интересовались: «Пошто он фартовый?», то неизменно получали один и тот же ответ: «Бурундуки помогают».

Однажды мы разговорились о его фарте. Он умильно посмеивался и время от времени повторял свое: «Бурундуки помогают».

— Бросьте, дядя Федя. Я-то знаю, что бурундуки тут ни при чем, — не вытерпел я.

Тогда дядя Федя посмотрел на меня серьезно-внимательным взглядом и сказал с упреком:

— Неужели же и вы могли подумать такое? Ладно уж, так и быть, покажу вам тех бурундуков, что помогают мне находить золото. Пойдемте!

И повел меня... К шурфу. Покопшился в отвале и подал мне несколько удлиненных небольших галек величиной с бобы.

— Вот, нате, полюбуйтеся моими бурундучками.

Камешки были словно отполированы — хорошо окатаны и... продольно-полосаты, как бурундуки: Это были обломки метаморфических гнейсовидных пород, вмещающих золотосодержащие жилы.

Наметанный глаз старого старателя обратил внимание на то, что если в пласте россыпи встретятся такие «бурундуки», то обязательно будет золото и притом хорошее.

А. ЖУКОВ

В НОМЕРЕ:

ИХ КАЖДЫЙ ШАГ ДОСТОИН МОНУМЕНТА
Путевые заметки 2

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА 17

НАЧДИВ ИВАН ГРЯЗНОВ
Д. Алексеев. Очерк 18

ИЗ СИБИРИ В ИРАН И ОБРАТНО
А. Быков 34

МИЛЫЕ ЗЕЛЕННЫЕ ГОРЫ,
СОХРАНИМ ВАС!
Б. Рябинин 37

МЫ ПОДВОДНИКИ
Г. Сенников. Документальная повесть 43

ОСТРОВ, ОТКРЫТЫЙ В КАБИНЕТЕ
О. Владимирова. Краеведческая копилка. 59

КОСМИЧЕСКИЕ КУРЬЕЗЫ
Мой друг фантастика 60

СТРАНА ЗАГАДОК
В. Житников 60

И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН
Ю. Дольд-Михайлик 63

ЮНАЛНАУТ, ТИГР И МЕДВЕДИЦА
А. Литвинов. Из путевого блокнота 69

ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕГО РЕБЕНКА
М. Андриша. Юмористическая повесть 74

Книжная полка 77

СМЕКАЙ-КА 79

Обложка С. Киприна

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор
Э. Максимова

Корректор
В. Бурангулова

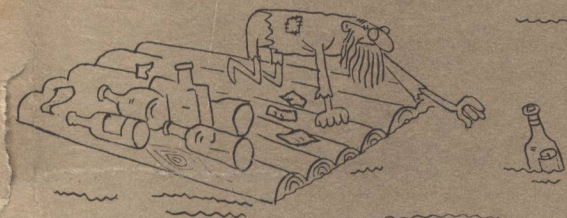
НС 13021. Подписано к печати 24/1 1968 г.
Уч.-изд. л. 10,88. Тираж 115 000.

Бумага 84×108/16=2,62 бум. л. — 8,82 печ. л.
Цена 30 коп. Заказ 658.

Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефон Д1-22-40.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.

Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

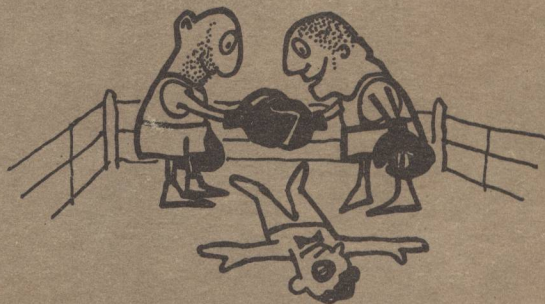
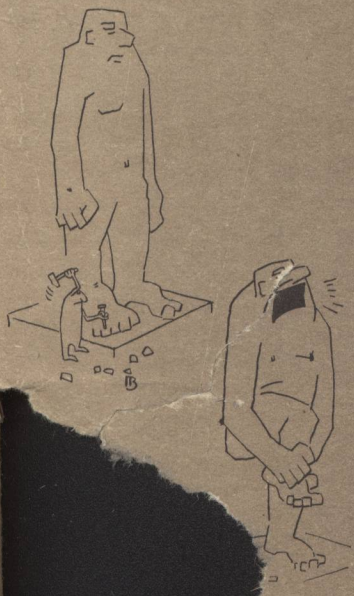
— Что пишут новенького?

Без слов.

Фотография на память.

Последний раунд.

Рисунки
В. Пескова,
Б. Слукина
и Н. Мамаева

А. АНАНЬИН (Кемерово)

УТРО НА СТОЯНКЕ.

30 коп

734

Главный редактор И. АКУЛОВ
 Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, А. Г.
 (зам. главного редактора), М. ГРОССМАН, О. ЛЕОНОВА, А.
 ХОВ, МУСА ГАЛИ, В. НИКОЛОВ, Н. К. ЧОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. Т.
 БУКИН (ответственный секретарь), Ю. ХАЗАНОВИЧ, В. ШУ